

САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XX Всероссийская конференция
молодых историков
(Самара, 12–13 декабря 2014 г.)

Материалы и доклады

Самара
Издательство «Самарский университет»
2015

УДК 94
ББК 63.3
П37

П37 **Платоновские чтения:** материалы и доклады XX Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 12–13 декабря 2014 г.)/Отв. редактор П. С. Кабытов. – Самара: Издательство «Самарский университет», 2015.

ISBN.....

В сборнике представлены статьи участников XX Всероссийской конференции «Платоновские чтения», проходившей в Самарском государственном университете 12–13 декабря 2014 г.

Проблематика материалов сборника представляет собой широкий спектр сюжетов социально-экономической истории, международных связей, истории взаимоотношений власти и общества, а также основных направлений общественной и исторической мысли, истории культуры и этносов России.

УДК 94
ББК 63.3

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. П. С. Кабытов (ответственный редактор);
д-р ист. наук, проф. Э. Л. Дубман;
д-р ист. наук, проф. Н. Н. Кабытова;
д-р ист. наук, проф. М. И. Леонов;
д-р ист. наук, проф. Ю. Н. Смирнов;
канд. ист. наук, доц. В. А. Тюрин (ответственный секретарь)

СОДЕРЖАНИЕ

XX Всероссийские Платоновские чтения – 2014 г.8

Секция I.

Социально-экономические, внешнеполитические проблемы истории России

В. В. Заплетин. К вопросу об идеологической направленности Астраханского восстания 1705–1706 гг.	12
А. А. Коннов. Развитие серного промысла на территории Самарского края в XVIII веке	17
А. А. Золотухин. Аграрная политика России на Северном Кавказе во второй половине XIX века.....	19
И. С. Панин. Строительство артиллерийского Самарского трубчатого завода (1904–1913 гг.)	21
М. В. Вакасова, М. Ш. Такташев. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическое положение женщин в Астрахани.....	25
М. О. Самуилова. Роль Самарского городского коммунального банка в восстановлении народного хозяйства Самарской губернии в 1924–1927-е годы	27
В. А. Калдузова. Снабжение городского населения Оренбургского округа в 1928–1930 гг.	29
И. В. Пономаренко. Военная индустрия «малых городов» Куйбышевской области в довоенный период и перевод военной промышленности на военный лад в 1941 году.....	34
Н. Н. Мокина Фельдъегерская связь Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) (1941–1945).....	37
Е. Г. Богданов. Стахановское движение на предприятиях Приволжского окружного военно-строительного управления в годы Великой Отечественной войны.....	39
А. В. Горшенин. Жалобы граждан в печати и их роль в улучшении работы городского транспорта послевоенных лет (по материалам г. Куйбышева и г. Пензы)	41
А. Ю. Меркулова. Положение рабочих угольной промышленности, как отражение кризиса советского общества в послевоенный период .	44
Н. А. Петрова. Новгород, Псков и Ганза в 1362–1363 гг.	47
М. Я. Мединец. Этнический состав населения Левобережного Приднепровья в XVIII – XIX вв.	50
О. С. Целёра. Особенности отношений Британской и Российской империй в Центральной Азии 1830–1885 гг.	51
А. А. Чибисова. Вопрос о Константинопольском патриархате на Лозаннской мирной конференции.....	54

А. В. Филинов. Восприятие советской руководящей элитой Японии в период маньчжурского кризиса (1931–1935 гг.)	57
Е. А. Ковалёва. Волгоград и Ковентри: народная дипломатия в годы холодной войны	60

*Секция II.
Власть и общество в истории России*

М. М. Гумеров. Янычарский бунт 1703 года в Османской империи по материалам донесений П. А. Толстого	63
Ю. В. Арапова. Деятельность Самарской городской Думы по ликвидации безграмотности городского населения в конце XIX – начале XX вв.	65
Е. С. Хорьякова. Институты административной юстиции в дореволюционной России	68
Р. И. Гальперин. «Самарские дела» присяжного поверенного	70
Н. Н. Мясоедова.	70
М. А. Васильева. Социальная помощь детям-сиротам оказанная в период эпидемии холеры 1892 г. (на примере Оренбургской губернии) ..	72
О. Ю. Николаева. Роль негосударственных структур в борьбе с голодом 1891–1892 гг. на территории Оренбургской губернии	75
Т. Б. Плиева. Общественно-политическое сознание немцев Поволжья в 1905–1917 гг.	77
Ю. Н. Сорокопудова. Будни дворянских корпоративных организаций Самарской губернии в условиях Первой мировой войны: историография и источники	80
И. А. Концевой. Левые социалисты-революционеры и деятельность Всероссийской Чрезвычайной комиссии (декабрь 1917 – июль 1918 гг.)	82
М. Н. Любаха. Кадровый состав местных органов власти Советской России в годы Гражданской войны	85
П. С. Иванов. Герберт Гувер и деятельность Американской администрации помощи в Советской России	86
А. Ю. Вещева. Обновленческий раскол и его влияние на церковную жизнь в Самарской епархии 1922–1925 гг.	89
М. Г. Сотников. Деятельность добровольного спортивного общества «Спартак» в Сталинграде в 1943–1944 гг.	91
К. А. Мешалкина. Советские военнопленные в нацистских концентрационных лагерях	93
М. Д. Новиков. Письма и жалобы, как источники изучения реакции населения на денежную реформу 1947 года (на материалах Горьковской области)	96
Н. И. Баишев. Футбольный матч эпохи тоталитаризма	99
Л. А. Григорян. Порядок работы с письменными предложениями, заявлениями и жалобами граждан в 1950–1980-е гг.	101
А. Н. Киселева. Влияние на массовое сознание советского общества	

идеологической линии правящей партии в 1960–1980-х гг.	103
О. Н. Константинова. Развитие компонентов, составляющих систему местного самоуправления Среднего Поволжья в 1991–1999 годах.....	106

*Секция III.
История общественной и исторической мысли, политических партий, общественных движений и организаций*

Е. И. Сливков. Влияние европейских идейных течений на общественно-политическое сознание в Российской империи (на примере С. Н. Прокоповича)	109
Н. А. Биленко. Понятия «торговля» и «торговец» в пореформенной России: проблемы интерпретации в современных исторических исследованиях.....	112
Е. А. Кузнецова. «Огненный ангел» В. Брюсова в контексте российской истории рубежа XIX – XX вв.	114
А. В. Шафиров. Региональная историография истории крестьянства и крестьянского хозяйства Симбирской губернии второй половины XIX – начала XX вв. (1940-е – 1970-е гг.)	116
Я. М. Цыганова. Среднее Поволжье в трудах известных историков пореформенной эпохи	119
М. И. Кузнецова. Мемуары революционеров как источник по истории народнического движения	122
М. Ю. Белов. Влияние русского исторического романа на формирование исторических представлений российского общества в XIX в.	124
Д. В. Бурдаева. Русский социализм Ф. М. Достоевского	126
К. С. Фролов. «Киевская ученость» как социально-психологический феномен в трудах Г. В. Флоровского	129
О. В. Дорофеева. Индивидуальный политический террор начала XX в. ..	131
Р. В. Пазин. Российский либерализм и террор начала XX в.: историографический аспект	133
О. А. Макогон. Н. И. Тургенев как представитель русской общественной мысли XIX века и его проект политической реформы	137
В. В. Устинова. Организация общественной помощи армии, раненым, семьям военнослужащих в Самаре и губернии в 1914–1916 гг. (по материалам ЦГАСО)	139
Н. Е. Астахов. События Первой мировой войны глазами её участников и свидетелей (на примере материалов журнала «Нива»)	141
А. Ю. Мельников. Майско-июньские события 1968 г. во Франции в освещении советской историографии	144
А. Н. Абрамова. История физической антропологии в России	146
В. С. Замуленко. Интервью как источник по истории университетской повседневности	148
М. А. Земницкая. Особенности воспитания толерантности среди школьников	151

Секция IV.

Русская культура, история этносов и повседневность

П. П. Растрепин. Роль рассказа о после Бортеше и повести о Захарии Тютчеве в композиции Иргизского списка «Сказания о Мамаевом побоище».....	154
А. А. Михеева. Певческие азбуки Кировского (XVII) собрания ЛАИ УрФУ.....	159
А. В. Блинова. «Самарская Анна Каренина»: жизнь А.Л. Толстой (Бостром) после развода с графом Толстым.....	161
В. А. Евграфова. Мемуары Г. И Ржевской как источник жизни первых смолян.....	163
С. С. Кольцова. Краеведческие публикации на страницах «Самарских Епархиальных ведомостей».....	166
И. Н. Мосейчук. Женщина в общественной жизни города Тюмени в пореформенный период.....	167
В. И. Окорокова. Образ русской красавицы на рубеже XIX – XX столетия.....	170
И. В. Бреднева. Задачи и функции Педагогических комиссий во время Первой мировой войны.....	172
И. Ю. Каргамышева. Работа Самарской Педагогической Комиссии в 1915–1916 гг.....	174
В. Г. Куренкова. Обучение и воспитание детей в семье Николая II в 1916–1918 гг.....	177
Ю. Р. Шайхулова. Самарское епархиальное женское училище и вопрос о строительстве для него новых зданий в период Первой мировой войны.....	180
О. В. Марущак. Роль рабочих факультетов в экономическом развитии России в восстановительный период (1921–1925 гг.).....	183
А. Ю. Помоленкова. Становление Сталинградского отделения Союза писателей СССР и культурная жизнь города в 1920–1940-е гг.....	184
Д. А. Вычеров. Повседневная жизнь тюменских школьников в годы Великой Отечественной войны.....	187
А. Т. Сабитова. Развитие кинодокументалистики в ТАССР в эпоху застоя...	189
Г. Н. Тухфатуллина. Татарская диаспора в Китае: история появления и периодизация.....	192
Е. И. Чепурнова. Оценки самарской архитектуры в стиле модерн.....	194

Секция V.

Международные отношения России: история и современность

Ю. Д. Муратова. Столкновение интересов Японии и Китая на территории Кореи во II-ой половине XIX века.....	197
М. М. Валиахметова. Евроатлантический фактор в российско-эстонских отношениях.....	199

Ю. А. Зайцева. Миграционные потоки в рамках интеграционного блока НАФТА.....	201
А. А. Карякин. Политика Российской Федерации в Косовском кризисе 1991–1998 годах.....	204
К. Г. Колганова. Взаимодействие России и США в Арктическом регионе.....	206
О. Р. Крючкова. Сотрудничество России и Швеции в сфере энергетических технологий.....	208
К. И. Оленина. Позиция политических партий Великобритании по отношению к возможности вступления Турции в ЕС.....	211
К. Б. Пиковская. Государственное строительство как направление международной помощи «хрупким» государствам.....	215
С. С. Пшеничкин. Проблема принудительного труда в странах Центральной Азии: взгляд из России.....	217
А. А. Рубцов. Политика «Умной силы» КНР.....	220
Н. С. Сергеева. Проблемы политики интеграции иммигрантов в Европейском Союзе и Российской Федерации.....	224
Д. С. Хохлунова. Российско-германские отношения: время перемен?.....	226
Ю. О. Черноиваненко. Место и роль Дальнего Востока в российско-китайских отношениях.....	229

Секция стендовых докладов

Н. В. Орехова. Развитие киносети Сталинградской области как сферы культурного строительства в 1946 – начале 1950-х гг.....	232
А. А. Фадеева. Роль VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в развитии интернациональных связей молодежи Сталинграда-Волгограда.....	234
А. И. Первый. Волгоградский областной совет профессиональных союзов в 1985–1991 гг.....	236
В. П. Саркулова. Роль Волгоградского (Сталинградского) отделения Союза художников в культурной жизни г. Волгограда (Сталинграда) в 1950–1960-е гг.....	239
Д. А. Солдатов. Вопрос о религиозном факторе политики Ивана Грозного в работах современных историков.....	241
Е. А. Пережегина. Основные направления экономического сотрудничества СССР и ГДР в первой половине 70-х гг. XX в.	243
Е. В. Вьюницкая. Анкета Пражского комитета по ознаменованию 175-летия Московского университета как источник для изучения эмиграции первой волны.....	245
Н. А. Яцук. Либертинаж и гильотина: самосознание французской аристократии во время Террора и эпохи Директории (1793–1799 гг.).....	247
О. О. Файзуллина. «Будто из разноцветных лоскутков составлен Оренбургский край»: из отчета о деятельности Епархиального комитета православного миссионерского общества за 1911 год.....	249

XX ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2014 г.

Состоявшиеся 12–13 декабря 2014 г. в Самарском государственном университете юбилейные XX Всероссийские Платоновские чтения в очередной раз доказали значимость и необходимость этого научного мероприятия, высокую популярность его среди студенческой и научной молодежи многих регионов Российской Федерации. Вся совокупность мероприятий конференции проводилась по обычному, уже установившемуся порядку. Организационным центром Чтений традиционно являлась кафедра российской истории Самарского государственного университета. На ее базе был создан Оргкомитет под руководством заслуженного деятеля науки РФ, профессора П. С. Кабытова. В его состав также вошли проректор по научной работе СамГУ А. Ф. Крутов, декан исторического факультета Ю. Н. Смирнов; преподаватели кафедры российской истории – профессор Э. Л. Дубман и доцент В. А. Тюрин, лаборант А. В. Губанова. Координацией всей текущей работы по подготовке и проведению конференции занимался В. А. Тюрин. Активное участие в выполнении мероприятий конференции приняли студенты – члены Студенческого научного общества исторического факультета СамГУ. Помимо Самарского государственного университета в организации Всероссийских Платоновских чтений участвовала Поволжская государственная социально-гуманитарная академия.

XX Всероссийские Платоновские чтения в ряду подобных научных конференций выделяются рядом необычайно высоких показателей. В программу конференции были включены 100 докладов студентов, магистрантов, аспирантов и соискателей (из них 9 стендовых) из 19 городов Российской Федерации – Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Казани, Ульяновска, Самары, Тольятти, Саратова, Волгограда, Астрахани, Ростова, Краснодар, Йошкар-Олы, Пензы, Оренбурга, Краснодара, Тулы, Тюмени, Владимира. Среди них 68 студентов и магистрантов, 28 аспирантов; 5 соискателей, научных сотрудников и преподавателей.

Докладчики представляли 26 учебных заведений и научных учреждений, в том числе 19 федеральных и классических университетов, академических учреждений. Среди них можно особо отметить Московский и Санкт-Петербургский государственные университеты; Казанский (Приволжский), Южный, Уральский федеральные университеты; Национально-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Академию наук Республики Татарстан. По количеству докладчиков лидирующее место традиционно принадлежало Самарскому государственному университету (43 докладчика). Второе место по этому показателю заняла Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (9 докладчиков). Третье место разделили Самарский государственный институт культуры и Волгоградский государственный социально-педагогический университет (по 6 докладчиков). Необычайно значительным

было количество участников – студентов и молодых ученых из других городов – почти 40 %.

В состав Президиумов 4-х секций вошли ведущие профессора и преподаватели Самарского государственного университета, Самарского государственного института культуры и других высших учебных заведений города: Г. А. Широков, Н. Н. Кабытова, М. И. Леонов, Ю. Н. Смирнов, Л. М. Артамонова, О. Б. Леонтьева, Э. Л. Дубман, М. М. Леонов, А. Б. Окунь, О. В. Терехина, З. М. Кобозева, Д. В. Серых, Н. А. Курсков.

Всего на 5-х секциях было зарегистрировано более 100 участников Чтений (среди них 78 докладчиков, члены Президиумов секций, студенты исторического факультета Самарского государственного университета).

Работа конференции – конкурса «Платоновские чтения» проходила в 2 этапа:

– 12 декабря 2014 года – работа секций.

– 13 декабря 2014 года – пленарное заседание.

На первой секции «Социально-экономическая история и международные отношения» было прочитано 15 докладов (9 аспирантами и соискателями, 6 студентами). Диплом первой степени был присужден аспирантке Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (г. Самара) Мокиной Н. Н. за доклад «Фельдъегерская связь Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны»; диплом второй степени – аспирантке Московского государственного университета Чибисовой А. А. за доклад «Вопрос о константинопольском патриархате на Лозаннской мирной конференции»; диплом третьей степени – соискателю Санкт-Петербургского государственного университета Петровой Н. А. за доклад «Новгород, Псков и Ганза в 1362–1363 гг. ».

Вторая секция «Власть и общество в истории России» собрала 16 докладчиков – 11 студентов и 5 аспирантов. Диплом первой степени решением президиума секции присужден аспиранту Саратовского государственного университета Гальперину Р. И. за доклад «Самарские дела» присяжного поверенного Н. Н. Мясоедова», диплом второй степени – студентке Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (Самара) Плиевой Т. Б. за доклад «Общественно-политическое сознание немцев Поволжья в 1905–1917 гг. »; диплом третьей степени студентке Тольятинского государственного университета Вещевой А. Ю. за доклад «Обновленческий раскол и его влияние на церковную жизнь в Самарской епархии 1922–1925 гг. ».

В секции «История общественной и исторической мысли, политических партий и движений России» прозвучали 14 докладов 10 студентов и 4 аспирантов. Диплом первой степени был присужден студенту Тульского государственного педагогического университета Биленко Н. А. за доклад «Понятия «торговля» и «торговец» в пореформенной России: проблемы интерпретации в современных исторических исследовани-

ях»; диплом второй степени – аспиранту Самарского государственного университета Сливкову Е. И. за доклад «Влияние европейских идейных течений на общественно-политическое сознание в Российской империи (на примере С. Н. Прокоповича)», диплом III степени – студенту Самарского государственного университета Замуленко В. С. за доклад «Интервью как источник по истории университетской повседневности».

Секция «Русская культура» была представлена 17 докладчиками (1 аспирант, 1 соискатель, остальные студенты). Дипломом первой степени награждена аспирантка Пензенского государственного университета Марушак О. В. за доклад «Роль рабочих факультетов в социально-экономическом, политическом и культурном развитии России в восстановительный период (1921–1925 гг.) (на примере Пензенской губернии)»; дипломом II степени – студентка Уральского федеративного университета (г. Екатеринбург) Михеева А. А. за доклад «Певческие азбуки Кировского (XVII) собрания ЛАИ УрФУ»; дипломом III степени – студент Тюменского государственного университета Д. А. Вычеров за доклад «Повседневная жизнь тюменских школьников в годы Великой Отечественной войны».

На пятой секции «Международные отношения России: история и современность» прозвучало 15 докладов. Она объединила студентов Самарского государственного университета (14 чел.) и Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (1 чел.).

Диплом I степени на секции за доклад «Государственное строительство как направление международной помощи «хрупким» государствам» был присужден студентке Самарского государственного университета Пиковской К. Б., диплом II степени выдан студентке Самарского государственного университета Валиахметовой М. М. за доклад «Евроатлантический фактор в российско-эстонских отношениях» и диплом III степени присужден студентке Самарского государственного университета Колгановой К. Г. за доклад «Взаимодействие России и США в Арктическом регионе».

13 декабря 2014 г. состоялось пленарное заседание XX Всероссийских Платоновских чтений. Традиционно, на его мемориальном этапе собравшимся был показан снятый в 2008 г. режиссером В. Бакировым документальный фильм «Академик Платонов в Самаре». Участники заседания заслушали доклады д. и. н., профессоров Самарского государственного университета П. С. Кабытова и Э. Л. Дубмана, посвященные пребыванию С. Ф. Платонова в самарской ссылке и истории проведения Всероссийских Платоновских чтений за 1996–2014 гг.

Для присуждения звания Лауреата Платоновских чтений была создана коллегия профессоров. На конкурсном этапе пленарного заседания выступили с докладами победители секций. Звание Лауреата Платоновских чтений было присуждено студенту Тульского государственного педагогического университета Н. А. Биленко за доклад «Понятия «торгов-

ля» и «торговец» в пореформенной России: проблемы интерпретации в современных исторических исследованиях».

В завершение пленарного заседания состоялся обмен мнениями о перспективах развития исторической науки в России, значимости все-российских форумов научной молодежи. Участники Чтений высказались в пользу высокой необходимости продолжить работу конференции, не прерывать сложившуюся традицию.

По результатам конференции собран и подготовлен к изданию сборник тезисов «Платоновские чтения», объемом 15 печатных листов.

Кабытов П. С., Дубман Э. Л., Тюрин В. А.

СЕКЦИЯ I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

В. В. Заплетин

Самарский государственный университет

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ АСТРАХАНСКОГО ВОССТАНИЯ 1705–1706 ГГ.

Впервые попытка дать оценку астраханским событиям 1705–1706 гг. представлена в особом «Экстракте» – «Выписке об астраханском бунте из архивы кабинетской» – приложении к «Истории Свейской войны», которая писалась по инициативе и под контролем Петра I. По свидетельству М. М. Щербатова [1], Петру было важно передать потомкам «неповрежденным» знание о делах государевых. Петр не был беспристрастен и следил, чтобы «История» способствовала распространению взглядов, выражавших и утверждавших его политическую линию [2, с. 11]. Мотивы Петра представляются естественными для правителя-монарха.

Главной причиной восстания явилось накопившееся недовольство стрельцов, солдат и посадских людей тяжестью налогов, произволом и злоупотреблениями местной администрации во главе с воеводой Т. Ржевским, варварским проведением в жизнь указа о немецком платье. Наиболее организованной силой в этом восстании были стрельцы и солдаты, но оно не стало локальным солдатско-стрелецким мятежом, а вылилось в массовое городское длительное выступление не вполне местного характера, как отмечал С. М. Соловьев, в котором приняли участие массы посадского населения и недовольные из разных городов, включая работных и «гулящих» людей: «Астрахань была только сборным местом... в таком отдалении от Москвы воеводы и начальные люди обыкновенно разнудывались и своими притеснениями возбуждали сильнейшее неудовольствие, чем и воспользовались заводчики мятежа» [5, с. 107]. Помимо посадских людей в числе заводчиков оказались пятидесятники стрелецких полков и сержанты солдатского полка.

Петру I в освещении и оценке Астраханского восстания было важно показать его непосредственную связь со стрелецким бунтом 1698 г. Петра беспокоило и пристальное внимание к восстанию иностранных послов. В частности, австрийский резидент О. Плейер и английский резидент Ч. Витворт связывали восстание с ростом прямого и косвенного обложения, повышением цен на соль, введением государственных монополий и насильственным насаждением нового в быту [6, с. 648–649].

В приложении к «Истории» бунтовщиками назывались, прежде всего, стрельцы. Об участии солдат, купечества, посадских и работных людей практически не говорилось и лишь мимоходом упоминалось, что стрельцы «подсылали подговаривать» бурлаков и людей «иных чинов». Составитель «экстракта» не обратился к тексту повинной челобитной, в котором восставшие выражали протест против непомерного роста налогов, жестости служб, жестокого произвола должностных лиц. Причиной «бунта» объявлялись нежелание подчиниться указам о ношении немецкого платья и брадобритии, а также нелепые слухи о предстоящем запрете «играть свадьбы» и угрозе насильно выдать астраханских девушек замуж за немцев [1, с. 201–203]. Вдохновителем и руководителем восстания был объявлен выдвинутый Петром 17-летний стрелец С. Московитин. Однако Ф. Ю. Ромодановский, производивший по приказу Петра I специальное расследование о связях астраханских стрельцов с Москвой, 23 мая 1707 г. писал ему, что стрельцы «винятца в бунте», но «писем к ним возмутительных с Москвы ни от какова чину и из иных государств не присылаывали». Главной виной Московитина, за которую его казнили, было распространение слуха, что в Москве царствует не настоящий, а «подменный» царь [3, с. 285; 4, с. 698–699].

Точка зрения Петра I на причины и характер восстания 1705–1706 гг. положила начало определению его как стрелецкого выступления и оказала большое влияние на позднейшую историографию. В предположенной опубликованию писем Петра I к Шереметеву [7] публикации Г. -Ф. Миллера (1774 г.) Астраханскому восстанию придан характер стрелецкого бунта, связанного с восстанием 1698 г. Курский купец И. И. Голиков представил восстание как «злодейское ожесточение бунтующих стрельцов», «лютой бунт», который «раздирал сердце его величества» [8, с. 188–193]. В XIX в. Н. Г. Устрялов, широко используя «Историю Свейской войны» и «Экстракт об Астраханском бунте», назвал восстание стихийным и бессмысленным, повторив версию о С. Московитине, ста свадьбах и пьяных стрельцах [6, с. 487–509]. Как главную движущую силу Устрялов выделил стрельцов. Обнаружив в одном из писем Ф. М. Апраксина Петру копию послания астраханцев к донским казакам, Устрялов отметил участие в восстании солдат, купцов и городской «черни» [6, с. 491], поддержку староверов-раскольников [6, с. 486]. Последнее, по Устрялову, обусловило выступления против брития бород и иноземной одежды. С. М. Соловьев, полагавший правление Петра I как период становления цивилизованной России, отмечал, что «переворот сопровождался страшною борьбою», «преобразователь встретил сильное сопротивление в народе», «дело преобразования было делом насилия со стороны верховной власти» [5, с. 441]. Астраханские события 1705–1706 гг. Соловьев характеризовал как «восстание за старину», конфликт двух идеологий: петровской реформаторской передовой и консервативной, которой придерживались отстаивающие прежний

уклад жизни социальные группы. Соловьев отметил протест восставших против налоговой политики правительства, произвола и притеснения властей, значительно расширил круг источников. Он использовал правительственную переписку, материалы следствия по делу восставших, подробно осветил начало восстания, расправу с офицерами и воеводой, выбор старшин, первый поход восставших под Царицын, представил сведения о событиях в Красном Яру и Терках [5, с. 107–111], включил в рассмотрение фрагменты повинной челобитной астраханцев [5, с. 113–115]. В вопросе о движущих силах восстания Соловьев не отводил ведущей роли стрельцам, при этом отметил участие различных слоев населения – «ревнителей старины»: крупного купечества, посадских людей, солдат, стрельцов, «стариков-раскольников» и просто «горожан», а также «не местный» характер астраханского бунта [5, с. 107]. А. Г. Брикнер более рельефно обозначил «имущественные интересы местного приволжского населения, которое было подавлено без меры возрастающими финансовыми налогами правительства», злоупотребления воеводы и офицеров-иностранцев, позволяющими себе «разные надругания над русскими» [9, с. 335–337]. В. О. Ключевский повторил концепцию Петра I: «Летом 1705 г. вспыхнул астраханский бунт, дальний отзвук стрельцких мятежей, отвлекший с театра войны целую дивизию» [10, с. 67]. С. Ф. Платонов, отметил антиреформаторский характер восстания: «В 1705 году произошел бунт в Астрахани, не имевший ни твердой организации, ни ясно сознанный цели. Бунтовщики объявили, что стали за веру, но не против Петра, а против бояр, воевод и немцев, утеснителей веры и народа» [11, с. 532].

В советской историографии подробное исследование Астраханского восстания 1705–1706 гг. было предпринято В. И. Лебедевым, Н. Б. Голиковой, А. В. Черновым, М. Д. Рабиновичем.

По материалам Преображенского приказа В. И. Лебедев пришел к выводу об антифеодальном характере восстания, выделил стрельцов как организаторов заговора, участие широких слоев населения, далеко идущие планы восставших: «... напоследок итти к Москве разорить и убивать управителей государственных и офицеров солдатских и паче иностранцев... и бить челом государю, чтобы велел быть старой веры и немецкого платья не носить и бороды не брить». Если государь “платье немецкое носить и бороды и усов брить перестать не велит и его государя за то убить до смерти” [12]. А. В. Чернов выдвинул тезис об аполитичности требований восставших, ведущей роли посадско-стрелецкой верхушки и стрельцов «Московского» полка [14]. М. Д. Рабинович вернулся к концепции Петра I и его версии о С. Москвитине, указал на обреченность военной организации стрельцов, их готовность бороться за свои узкосословные права [13, с. 287–305]. Н. Б. Голикова, предпринявшая обширные исследования, сделала вывод об антифеодальном и антикрепостническом, классовом характере восстания, его идеологиче-

ской незрелости: восставшие не связывали гнет и произвол с феодальной системой, не посягали на власть царя [2, с. 310].

Возникает вопрос, правомерно ли называть движение антифеодальным, если его основные участники не направляли осознанно свой протест против феодальной системы и принимали ее основу – обожествляемую царскую власть, о чем свидетельствует молебен о здравии самодержца государя Петра Алексеевича в «войске Астраханском» по завершении чтения царской Грамоты [12]. Усиление угнетения социальных низов было вызвано петровскими реформами и объективно-субъективными обстоятельствами исторического времени выхода России на путь европейской цивилизации – жестокими притеснениями со стороны господствующего класса. Это инстинктивно улавливали народные массы, на плечах коих предстояло осилить движение к цивилизации. Как следствие – антиреформаторский настрой восставших, требование защитить веру православную, которая, на наш взгляд, здесь является не только и не столько выражением основ духовной жизни народа, сколько олицетворением «доброй старины», чуть более легкой «дореформенной» жизни. Психологически понятна приверженность народной бытовой традиции: неприятие немецкого платья и брадобрития, вероломно насаждаемых по причине лихоимства, нерадения к службе «начальными» людьми. Неприязнь к иностранцам и мысль народная о том, что иностранцы «не уважали русских обычаев» возникла не прежде того, как они «чинили им налоги горше иных начальных людей».

Астраханское восстание 1705–1706 гг. по характеру, идеологическому оформлению имело преемственную связь со стрелецким бунтом 1698 г. как антиреформаторское и антипетровское. Инициаторы восстания – верхний социальный слой посада и одно из самых реакционных сословий – стрельцы. Но социальная база становится гораздо шире, так как движение по пути реформ идет с огромными, в том числе военными, трудностями, и историческая «человеческая», социальная цена этого движения велика. Посадско-стрелецкие верхи используют недовольство низов в целях возврата «доброй старины», «старой веры», сохранения прежних привилегий и послабления тягот. Отметим сходство технологий, использованных для инициации протестных выступлений в 1698 и в 1705 гг. – роспуск слухов о «женихах-немцах» для астраханских невест, о «подменном» царе и т. п. Слухи формируются с учетом народной психологии, религиозного восприятия бытия. Преследуется цель возбудить ненависть к главному виновнику «реформаторских» бед – Петру I, побудить массы народные вернуть «старую веру» и «неподменного» царя-батюшку: «Не сила божия ему помогает, ересями он силен, христианскую веру обругал и облагнул, обменный он царь. Идти ли нам, нет ли до самой столицы, до родни его до Немецкой слободы и корень бы весь вывести ...» [5, с. 118].

Характеристика Астраханского восстания «как классовой битвы периода феодализма» [2, с. 315] представляется некоторым конъюнктурным смещением акцентов, данью исследователей историко-политическому моменту. Участники восстания, действительно, «боролись, как умели и как могли» [15, с. 194], но был это широкий социальный протест, обусловленный тяготами реформ и усиления эксплуатации, реакционный в смысле сопротивления тяжелейшему движению России по пути европейской цивилизации, но не «классовая битва», участники которой имели сформировавшийся и осознанный, получивший политическое оформление классовый интерес.

Библиографический список

1. Журнал или подневная записка блаженныя и вечностойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мир. Чч. 1–2. СПб., 1770–1772.
2. Голикова Н. Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. М., 1975.
3. Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957.
4. Письма и бумаги Петра Великого. Т. V. СПб., 1907.
5. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VIII. (Т. 15–16). М., 1962.
6. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. СПб., 1884.
7. Письма Петра Великого, писанные к генерал-фельдмаршалу, тайному советнику, Мальтийскому, св. апостола Андрея, Белого орла и прусского ордена кавалеру, графу Борису Петровичу Шереметеву. М., 1874.
8. Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрейшего преобразователя России. Т. II. М., 1788–1789.
9. Брикнер А. Г. Иллюстрированная история Петра Великого. СПб., 1902.
10. Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. IV. М. - Пг., 1923.
11. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1915.
12. Лебедев В. И. Астраханское восстание 1705–1706 гг. // Историк-марксист. 1935. № 4 (44) [Электронный ресурс]. URL: http://www.drevlit.ru/docs/russia/XVIII/1700-1720/Astrachan_vosst/text.php (дата обращения 17.11.2014).
13. Рабинович М. Д. Стрельцы в первой четверти XVIII в. // ИЗ. Кн. 58. М., 1956.
14. Чернов А. В. Астраханское восстание 1705–1706 гг. // ИЗ. Кн. 64. М., 1959.
15. Ленин В. И. К деревенской бедноте // Полн. собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. Т. 7. М., 1967.

РАЗВИТИЕ СЕРНОГО ПРОМЫСЛА НА ТЕРРИТОРИИ САМАРСКОГО КРАЯ В XVIII ВЕКЕ

Зимой 1709–1710 годов по специальному указу Петра I в Самарский край выслали 305 шведских солдат и офицеров, взятых в плен в ходе Полтавской битвы, чтобы использовать их подневольный труд на разработке серного месторождения у пригорода Сергиевск. Серу здесь стали добывать еще в 1703 году, когда российскому императору, ведущему войну с Карлом XII за выход к Балтийскому морю, доложили о почти полном истощении имеющихся запасов серы, необходимой для изготовления пороха. А воевать без пороха, как мы знаем, в то время было невозможно.

Петр I распорядился срочно организовать добычу стратегического сырья, причем не слишком далеко от новой столицы. Из предложенных вариантов (кавказского и волжского) он выбрал Серное озеро, находящееся неподалеку от Самары, о котором ему докладывали еще за несколько лет до начала Северной войны. Вот так в 1703 году на реке Сок, в 90 верстах от нынешней губернской столицы, был основан пригород Сергиевск, а местные кустарные разработки объединены в серный завод. В Серном озере живет один эндемичный вид сине-зеленых водорослей, который нигде в мире более не встречается [2].

Нужно отметить, что впервые серу здесь обнаружили задолго до войны со Швецией. Так, в «Книге Большому чертежу», составленной еще в 1627 году, мы читаем следующее: «А по правой стороне реки Сока от города от Самары 90 верст озеро, а в нем емлют серу горячую» [1]. Конечно же, ее начали добывать из озера не в год составления книги, а гораздо раньше; по архивным данным, серу отсюда брали еще в конце XVI века.

Вскоре после основания Сергиевска по высочайшему указу Сенатом были приняты меры для максимального увеличения производства стратегического сырья. По этой причине на серных ключах был поставлен особый острог, который возвели согнанные сюда со всей Казанской губернии четыре тысячи крестьян; из Симбирска прислали мастера и пятнадцать подмастерьев для работы на заводе, а для охраны всего поселения поставили двести пятнадцать семей служивых людей. На жительство же около серного завода переведено было пятьсот восемь семей ясачных крестьян.

Работами руководил товарищ (выражаясь современным языком – заместитель) казанского воеводы Ждан Кудрявцев. Около родников на месте тростникового болота вырыт был пруд для осаждения из воды серы. Дно его выстланы дубовыми досками, чтобы сера не смешивалась с илом. Этот пруд и стал впоследствии называться Серным озером. Ря-

дом возвели и плавильный двор, где в больших гончарных балакирях (горшках) сера освобождалась от примесей. Работа у воды и у плавильных печей была крайне тяжелой и вредной. Каждый год приходилось присылать новых рабочих – как крепостных, так и вольнонаемных. Однако добровольно идти на серный завод охотников было немного, и потому здесь в основном господствовал принудительный труд. Как уже было сказано, даже работали пленные шведы. Каких-либо других подробностей об их пребывании под Самарой в архивах больше не найдено, известно лишь, что иноземные солдаты проработали здесь от 5 до 7 лет, после чего оставшиеся в живых смогли вернуться на родину [4].

Завод действовал на реке Сок до 1720 года, когда в Жигулях, на самой восточной из вершин этих волжских гор, были обнаружены крупные запасы кристаллической серы. Тогда по личному указу Петра I сюда был переведен Сергиевский серный завод, а сама гора получила название Серная и носит это имя до сих пор.

О целебных свойствах Сергиевских серных вод при дворе хорошо знали уже в то время. В 1717 году это официально подтвердил лейб-медик Петра I Готлиб Шобер, всесторонне обследовавший серные ключи Самарского края и давший о них самое благоприятное заключение. Однако после смерти первого российского императора об этих источниках и об их целебных свойствах в столице забыли на многие десятилетия [3].

Следующее серьезное описание пригорода Сергиевска и Серного озера принадлежит знаменитому ученому и путешественнику XVIII века Петру Палласу, который посетил эти места в 1768 году во главе отряда Оренбургской физической экспедиции. До его исследований ученый мир и столичные власти практически ничего не знали о том, насколько распространены серные родники в Самарском Заволжье. Считалось, что Серное озеро – единственный подобный водоем на востоке странных [5].

Библиографический список

1. Бахрушин С. В. Промышленные предприятия России (XVIII в.). Научные труды. М., 1954.
2. Дубман, Э. Л. Очерки Юго-Востока Европейской России. Ч. 1. Самара, 2004.
3. Кистенев В. В. Создание промышленного производства в Нижнем и Среднем Поволжье в первой четверти XVIII в. Дисс. ... к. и. н., Самара, 2009. С. 64.
4. Посошков И. Т. Книга о скудности и богатстве. М., 1951.
5. Фальк И. П. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. Ч. 3. СПб., 1824.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Завершение Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе, пленение Шамиля и введение военно-народного управления у горских народов решило проблему замирения края, но, несмотря на это, и весьма обострило сложные вопросы, связанные с мирным существованием кавказских людей. Таким вопросом стал аграрный.

Острота вопроса, вполне осмысленная российскими властями, стала предписанием, а точнее сказать императивом, деятельности кавказской администрации. Так, для каждого горца стало главным жизненным интересом определить свои права на владение и пользование сельскими угодьями, которые бы позволили сполна отдалиться развитию сельского хозяйства. В связи с этим нужна была конкретная программа деятельности, демонстрирующая желание правительства идти навстречу этим жизненным интересам [1, с. 176].

В первую очередь необходимо было определиться с земельным наделом для всех горских сословий. Эту идею озвучил начальник кубанской области Филипсон в 1860 г. Но воплощена была в жизни в качестве руководства эта идея лишь спустя год графом Евдокимовым. Идея заключалась в юридическом закреплении земли за оставшимися после ухода в Турцию жителями приставства и Закубанских ногайцев. Это учитывало не только основы гражданского законодательства России, но и сословные особенности.

В проекте, представленном Евдокимовым, было предложено разделить население приставств на три категории. В первую должны были войти владельческие фамилии, которые на основании исторических документов имеют право быть собственниками на Кавказе и лица, которые имеют особые заслуги перед Правительством: эта была небольшая группа, которая бы получила землю в частную собственность на поместном праве владения. Во вторую группу должны были войти «дворяне или уздени, живущие под покровительством владельческих фамилий и потомков княжеских фамилий, потерявших уже значение в народе». Эти лица получали землю не индивидуально, а пофамильно. В третью общность должны были войти все свободные крестьяне, которые наделяются землей по 7 десятин на каждую душу мужского пола на общинном праве владения [2, с. 179].

Ввиду того, что проблема включения горских народов в российскую жизнь была недостаточной важной и главной как в конце Кавказской войны, так и по ее завершении, данный проект Евдокимова был одобрен и

взят за основу при решении аграрного вопроса на Кавказе без каких-либо проб и экспертиз [2, с. 181].

Еще одним вариантом аграрной политики в отношении горцев стала идея главнокомандующего Кавказской армией Г. Д. Орбелиани. Он отмечал, что разрушение устоявшегося порядка землепользования в ходе военных действий, невозможность устроить материальный быт горцев являлись одной из причин их враждебности по отношению к России. В результате чего они уходили сначала к Шамилю, затем в Турцию, были оппозиционно настроены к российским властям. Орбелиани предложил военному министру установить общинную систему землепользования для крестьян, способную защитить их от разорения и обнищания, а из горской элиты создать слой крупных землевладельцев, наделив их участками земли на правах частной собственности. Главным моментом в обоих случаях должно быть наделение горцев постоянными землями. По мнению Орбелиани, в эту новую прослойку должны были войти не только представители аристократического сословия, но и лица, «заслужившие полезной службой и преданностью особое внимание Правительства».

В Петербурге одобрили также и эту идею. Главным мотивирующим фактором принятия положительного решения стало быстрое и эффективное разрешение земельного вопроса за счет передачи части полномочий верховной власти Кавказской администрации.

На протяжении второй половины XIX века царское правительство и лично император рассматривали и воплощали в жизнь не один десяток различных преобразований аграрной жизни горцев: указы и положения, работа комиссий и комитетов – вот лишь частичный перечень проводимых мер.

В 1860-х годах во всех округах Терской области были открыты поземельные комитеты, которые должны были собрать материал о формах землевладения и землепользования и подготовить проекты аграрных преобразований. Председателем данного комитета стал начальник округа князь В. В. Орбелиани. Предметом действия комитета являлся разбор личных и земельных прав населения, основанных на грамотах Екатерины великой, Александра I и Николая I и т. д., касающиеся сословных прав горцев, исторических сведений.

Многочисленные преобразования, так или иначе, производили трансформацию земельных отношений, основанных на нормах обычного права, в землевладение, построенное по нормам российского законодательства. Трансформация была двоякой: она также приводила к уничтожению административно-политической и социальной власти местной феодальной элиты. Безусловно, попытки перестроить под свой (российский) быт традиционную жизнь горского общества не ограничивались в начале 1860-х гг. По завершении Кавказской войны начинался новый этап преобразований, требовавших не только интел-

лектуальных усилий в проведении как аграрной, так и социальной политики, но и преимущественно финансовых.

Библиографический список

1. Избранные документы Кавказского комитета. Политика России на Северном Кавказе в 1860–70-е годы. Публикация Н. Ю. Силаева// Сборник Русского исторического общества. М., 2000. № 2 (150).
2. Кавказский сборник. Том № 7 (39). М., 2011.

И. С. Панин

Самарский государственный университет

СТРОИТЕЛЬСТВО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО САМАРСКОГО ТРУБОЧНОГО ЗАВОДА (1904–1913 гг.)

Российская империя в начале XX в. находилась на завершающем этапе перехода из феодализма к капитализму и поэтому сочетала в своей экономике полуфеодалное сельское хозяйство и передовую капиталистическую промышленность. Фабрично-заводская, в том числе военная, промышленность России имела две формы собственности: государственную и частную. Военная промышленность в большинстве случаев носила государственную форму собственности и состояла из крупных предприятий.

Самарский трубочный завод – предприятие артиллерийской промышленности, выпускавшее алюминиевые взрыватели для снарядов (трубки) и капсюльные втулки для трехдюймовых (76-ти мм.) скорострельных пушек. Это предприятие было крупнейшим предприятием Самарской губернии. Его роль в формировании военно-промышленного комплекса России в начале XX в. и в развитии Самарской губернии и до сих пор недостаточно исследована.

Освещение истории Самарского трубочного завода в научной литературе представлено фрагментарно и преимущественно отдельными упоминаниями. Изредка приводится несистематизированная информация по самым общим показателям производства (Клейн Н. Л., Храмов Л. В., Наякшин К. Я., Попов Ф. Г.). Этап проектирования завода вовсе не рассматривается. В исследованиях, носящих краеведческий характер, деятельность Самарского трубочного завода также слабо отражена. Он также представлен лишь рядом упоминаний о происшествиях и стачках, проходивших на заводе, изредка дается несистематизированная информация по самым общим показателям производства (Синельник А. К. «Градостроительная история Самарского края»).

Специальные публикации по истории Самарского трубочного завода периода начала XX в. носят популярный, агитационно-пропагандист-

ский характер («Наследники славных традиций. Куйбышев, 1985», «Летопись трудового подвига. Куйбышев, 1981»; «Евстропов Н. Т. Полвека борьбы и труда. К 50-летию ЗИМа. Куйбышев, 1962»), история завода изучаемого периода подменяется историей большевистских ячеек Самары, деятельностью большевистских лидеров, либо боевых действий отрядов красной гвардии г. Самары. Производственная деятельность и роль одного из крупнейших артиллерийских предприятий в развитии военной промышленности России до настоящего времени не изучалась.

Таким образом, история Самарского трубочного завода в начале XX в. в научной исторической литературе представлена крайне фрагментарно и, преимущественно, отдельными упоминаниями.

В то же время по истории создания и работы Самарского трубочного завода за период 1904–1918 гг. существует значительный комплекс исторических источников. Центральное место в источниковой базе занимают архивные источники, в частности фонд 701 Самарского трубочного завода в Центральном государственном архиве Самарской области. В его состав входят около 3 тыс. ед. хр. и в том числе: строительные сметы; чертежи и акты приемочной комиссии; контракты и договоры с русскими и зарубежными фирмами на строительство и поставку оборудования заводу; сведения о количестве выпускаемой продукции; ведомости производственных показателей цехов; списки рабочих и служащих; переписка с жандармским управлением о политических неблагонадежных и забастовках.

Среди опубликованных источников следует отметить воспоминания активных членов партии большевиков, бывших работниками Самарского трубочного завода («Октябрь в Самаре: воспоминания. Куйбышев: Кн. изд-во, 1957»). Определенную историко-познавательную ценность также представляют сведения, содержащиеся в местной периодической печати того времени. Данной источниковой базы достаточно для проведения самых разных исследований по истории строительства Самарского трубочного завода.

Причины строительства Самарского трубочного завода связаны с тем, что военная промышленность России в начале XX в. существенно отставала от Германии, Англии и Франции, и даже от Австро-Венгрии [1, с. 20]. Однако в сфере разработки новых артиллерийских орудий Россия находилась на передовых рубежах, но из-за недостатка производственных мощностей заказы также размещались и за рубежом [1, с. 42]. Строительство отечественных военных заводов во многом могло способствовать усилению обороноспособности России.

В 1906 г. после поражения России в Русско-японской войне было принято решение о строительстве в артиллерийской промышленности новых военных заводов. К ним относились: Самарский трубочный завод и Иващенковский (Чапаевский) завод взрывчатых веществ, на котором предполагалось производство бризантных взрывчатых веществ – важ-

нейшей части фугасного снаряда. Эти заводы должны были работать в производственной кооперации, поскольку артиллерийское производство в общих чертах делилось на: а) производство орудий и лафетов; б) производство компонентов артиллерийского выстрела. В систему артиллерийского производства входили заводы: трубочные, пороховые, взрывчатых веществ и выпуск артиллерийских гильз [1, с. 42].

Главным центром артиллерийской промышленности в России был Петербург. Здесь находилось наибольшее число военных артиллерийских предприятий, которые выпускали основную часть российской артиллерии и боеприпасов.

Новым центром артиллерийской промышленности становилась Самара. Создание этих заводов считалось достаточным для подготовки артиллерийской промышленности к новой большой войне. История непосредственного создания завода начинается с письма начальника ГАУ директору Петербургского трубочного завода с заданием проектирования нового трубочного завода в декабре 1904 г. [2, л. 6]. В течение 1905–1906 гг. шли проектные и предварительные сметные работы [3]. Здания завода проектировались в стиле модерн архитектором Шиллингом [4, л. 146].

В 1905 г. Самарская губернская дума предложила участки под строительство 2-х артиллерийских заводов [5, л. 3], но к их осмотру и выбору преступили лишь в 1908–1909 гг. В 1909 г. Военное министерство приняло окончательное решение построить Трубочный завод в Самаре у Постникового оврага, а завод взрывчатых веществ вблизи станции Иващенково [6, л. 2–5]. Выбор был неслучаен: Самара являлась крупным транспортным узлом и была глубоко в тылу.

Следующим этапом создания завода стало заключение контрактов на строительство его главного цеха с фирмой «А. Кустодис» [7, л. 5] и одобрение строительного бюджета Госдумой 8 августа 1909 г. [8, л. 95]. Эта дата стала началом непосредственного строительства предприятия. Завод предполагалось построить за два года. Цена строительства составила 2,3 млн. руб.

На заводе планировалось выпускать 500 тыс. дистанционных трубок (взрывателей артиллерийских снарядов) за год в одну смену. В проект было заложено расширение завода за счет установки нового оборудования [9, л. 6]. Осенью 1909 г. началась разметка площади и земляные работы [10, л. 13]. Зимой 1909–1910 гг. шла заготовка материалов, а также существенная корректировка проекта и смет [11].

После этого проект стал соответствовать новейшим строительным технологиям начала XX в. Весной 1910 г. состоялась закладка здания главного цеха [12, л. 84], шли торги на выполнение остальных работ. В летние периоды 1910–1911 гг. велось интенсивное строительство основных производственных помещений и социальной инфраструктуры предприятия, строились дома для работников завода, дорога от города

до Постникового оврага, устанавливались крупные производственные механизмы. К маю 1912 г. строительные работы в целом были завершены [13, л. 145].

Следующий этап создания завода начался с установки станочного парка в 1911 г., и пуска пробного производства в 1912 г. Станки соответствовали «последнему слову» техники. Для изучения новых технологий в Германию специально командировали специалистов [14, л. 9]. Всего планировалось установить 384 станка фирм «Шпан», «Морган» и др. [15, л. 58]. Все это позволило уже в 1913 г. выпустить первую партию продукции [16] и в дальнейшем наращивать ее производство. Самарский трубочный завод стал самым современным и одним из крупнейших артиллерийских предприятий России начала XX в.

Таким образом, Самарский трубочный завод был построен в 1904–1913 гг. Строительство прошло три этапа:

1. Этап проектирования, принятия решения о строительстве завода и согласования проекта в военном министерстве (1904–1909 гг.).
2. Этап сметных согласований и начала непосредственно самого строительства (1909–1911 гг.).
3. Завершающий этап строительства – этап установки станочного парка и пробного пуска производства и начала выпуска продукции (1911–1913 гг.).

Библиографический список

1. Барсуков Е. З. Русская артиллерия в мировую войну. Т. I. М.: Воениздат, 1938. [О соотношении орудий в войсках европейских стран перед началом Первой мировой войны].
2. Письмо ГАУ начальнику Трубочного завода (г. Петербурга), 2 декабря 1904 г. //Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 701. Оп. 1. Т. 1. Д. 76.
3. Смета на постройку одноэтажного каменного дома для начальника завода, предполагаемого к постройке трубочного завода в г. Самаре//ЦГАСО. Ф. 701 Оп. 1. Т. 1. Д. 6.
4. Записка комиссии о выборе места под постройку новых трубочного и мелинитного заводов//ЦГАСО. Ф. 701. Оп. 1. Т. 1. Д. 76. [Первоначально планировалось построить в Самаре вместо трубочного завода завод патронный].
5. Записка комиссии о выборе места под постройку новых трубочного и мелинитного заводов//ЦГАСО. Ф. 701. Оп. 1. Т. 1. Д. 76.
6. Журналы временной хозяйственно-строительной комиссии по постройке завода. Журнал № 3 от 21 июля 1909 г. //ЦГАСО. Ф. 701. Оп. 1. Т. 1. Д. 63.
7. Отчет временной хозяйственно-строительной комиссии о проделанной к маю 1912 г. работе, май 1912 г. //ЦГАСО. Ф. 701. Оп. 1. Т. 1. Д. 76.

8. Письмо ГАУ начальнику Трубочного завода (г. Петербурга), 2 декабря 1904 г. //ЦГАСО. Ф. 701. Оп. 1. Т. 1. Д. 76.
9. Журналы временной хозяйственно-строительной комиссии по постройке завода. Журнал № 3 от 22 сентября 1909 г. //ЦГАСО. Ф. 701. Оп. 1. Т. 1. Д. 63.
10. Строительные сметы [на строительство Самарского трубочного завода] не предполагавшиеся в 1906 г. //ЦГАСО. Ф. 701. Оп. 1. Т. 1. Д. 19.
11. Планы занятий временной хозяйственно-строительной комиссии для постройки Самарского трубочного завода. С октября 1909 г. по октябрь 1910 г. //ЦГАСО. Ф. 701. Д. 43.
12. Временная хозяйственно-строительная комиссия для постройки Трубочного завода близ г. Самары с предписанием ГАУ об утверждении смет и сметных соображений//ЦГАСО. Ф. 701. Оп. 1. Т. 1. Д. 42.
13. Журналы временной хозяйственно-строительной комиссии по постройке завода. Журнал № 3 от 7 сентября 1909 г. //ЦГАСО. Ф. 701. Оп. 1. Т. 1. Д. 63.
14. Пояснительная записка к смете на изготовление станков для мастерских СТЗ, [ноябрь 1909 г.]//ЦГАСО. Ф. 701. Оп. 1. Т. 1. Д. 43.
15. Михайлов В. С. Очерки по истории военной промышленности. М., 1928.

М. В. Ваккасова, М. Ш. Такташев

Астраханский государственный университет

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В АСТРАХАНИ

Первая мировая война и начавшийся продовольственный кризис отрицательно сказался на социально-экономическом положении женщин.

Наибольшее количество астраханок к началу Великой войны было занято в такой трудовой деятельности как: поденщицы, мелкая торговля, сельскохозяйственные работы. Популярной среди женщин была и профессия зубного врача. Исключительно женской специальностью оставалось акушерство и вместе с ним массажная практика.

Женщины допускались к службе по акцизному ведомству. К занятию по письменной части счетной части в управление государственного имущества, в ведомствах Министерства юстиции и Правительственного Сената. К службе они допускались исключительно по вольному найму, без предоставления каких-либо прав и преимуществ государственной службой приобретаемых. Не имели право на замещение должностей.

Сфера услуг, содержание клубов, постоянных дворов, ночлежных домов в Нижневолжских городах издавна была распространена, вовлекая

женщин в сферу обслуживания. Особенно популярной, к сожалению, стала она в Первую мировую войну. Официально в Астрахани в сфере таких услуг работало до 300 женщин [1, с.5].

Девушки из домов терпимости делились на две категории, представляющие официальный вид «промысла разврата» и неофициальный. Первые обеспечивались постоянной работой, жильем, состояли на учете полиции и имели медицинские «желтые» книжки. На первой странице размещалось фото девушки в полный рост в нарядной одежде, далее писали имя, возраст, адрес (дома терпимости), шли отметки о медицинских осмотрах. Там же приводились выписки из «Правил публичных женщин» [4]. Пока девушки находились в заведении, оплата за квартиру, отопление, освещение, постельное белье, одежду, обувь, стирку белья лежала на содержательнице.

В медицинских книжках так же указывалось о том, что девушке идет 25% от заработанного ею и приводилась некая зарплатная ведомость, в которой указывались ежемесячно заработанные деньги.

Первая мировая война многое изменила в деятельности городского хозяйства. Были закрыты два городских ночлежных дома и две дешевые столовые, еще один ночлежный дом отведен под лазарет, а столовая для бедных при Первом Училище отдана для размещения военнопленных австрийцев [2, с. 8].

Растет число брошенных детей, увеличивается количество краж. Активно ведется борьба с пьянством. Одна жительница Покрово-Болдинского участка написала письмо губернатору, в котором просила освободить ее на 1915 год от платежей за торговые права, поскольку лавочник-муж ушел на войну. В просьбе отказано [6, с. 19].

В 1916 году для борьбы с безработицей в Астрахани были устроены курсы ручного труда для мужчин и женщин. Наиболее активно продвигались мероприятия по распространению образования, включая открытие женских школ, частных гимназий. Сфера образования была близка обществу, видевшего перспективу в использовании образованных женщин. К этому времени в Астрахани был уже наработан достаточный опыт в приобщении женщин к знаниям. В прошениях к губернатору женщины подыскивали места домашних учительниц, гувернанток, содержательниц частных гимназий [7, с. 5].

Война отрицательно сказалась и на женском образовании. Так, в Армянском епархиальном женском училище были преждевременно прекращены занятия в связи с тем, что значительная часть помещений была отдана под постой войск [9, с.8].

Рост цен привел к тому, что многие преподаватели переходили на службу в более обеспеченные учебные заведения. Оставшимся без преподавательских кадров гимназиям и училищам приходилось приглашать на работу лиц со средним образованием, что в свою очередь сказывалось на качестве образовательного процесса. Кроме того, ввиду частых пе-

режен преподавателей происходил перерыв в занятиях до «приискания новых учителей».

Таким образом, говоря о социально-экономическом положении женщины в годы Первой мировой войны, следует отметить три основных направления: Снижение зарплат и продовольственный кризис вынуждали к поиску новых видов более оплачиваемой деятельности; занятость астраханок в трудовой деятельности, которой ранее занимались мужчины. В том числе, рост женщин в промышленном производстве; Экономическая ситуация повлияла на возникновение у женщин отклонение норм поведения, увеличение числа домов терпимости.

Библиографический список

1. Астраханский листок. 1914. № 221
2. Астраханский листок. 1914. № 213
3. Астраханский листок. 1915. № 3
4. ГААО. Ф. 94. Оп. 11. Д. 58. Л. 1–12
5. Известия Астраханского городского общественного управления. 1915. № 32.
6. Известия Астраханского городского общественного управления. 1916. № 2.
7. Отчет Армянского епархиального женского училища за 1914–1915 учебный год. Астрахань, 1915.

М. О. Самуилова

Самарский государственный аэрокосмический университет

РОЛЬ САМАРСКОГО ГОРОДСКОГО КОММУНАЛЬНОГО БАНКА В ВОССТАНОВЛЕНИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1924–1927-е ГОДЫ

Банки как кредитно – финансовые учреждения играют решающую роль в развитии экономики любой страны. От того, как функционируют банки, зависит экономическое развитие государства. Осенью 1920 года в стране разразился глубокий кризис, вызванный тяготами гражданской войны и интервенции. С целью выхода из кризиса и восстановления хозяйства страны на X съезде РКП (б) было принято решение о переходе от политики военного коммунизма к новой экономической политике.

Широкое внедрение экономических форм в руководстве хозяйством требовало новых принципов финансирования и кредитования, а также беспрепятственного денежного обращения, а для этого – восстановления Государственного банка. 30 июня 1921 года был издан декрет Совета народных комиссаров об отмене ограничений денежного обращения и мерах к развитию вкладной и переводной операции. 4 октября 1921 года

В. И. Ленин подписал декрет СНК об учреждении Государственного банка РСФСР [1, с. 75].

В 1922 году преобладали тенденции к децентрализации и сужению сферы государственного предпринимательства, появляются новые кредитные учреждения. Правительство старалось привлечь к восстановлению экономики все свободные средства [2, с. 27].

Согласно Декрету ВЦИК и СНК СССР от 18 января 1923 стали создаваться коммунальные банки [3]. Газета «Известия» от 16 декабря 1923 г. опубликовала объявление Валютного Управления Народного Комиссариата об утверждении устава акционерного общества «Самарский городской банк» постановлением Совета Труда и Оборона СССР от 21 ноября 1923 года [4, л. 21].

Самарский городской коммунальный банк был создан с целью восстановления и развития местной экономической жизни, восстановления коммунального хозяйства и городского строительства [5, л. 21]. Задачи банка в основном сводились к следующему: кредитование коммунального хозяйства, жилищного строительства и местного торгового – промышленного оборота [6, л. 184].

Открытие Самарского коммунального банка состоялось 10 апреля 1924 года. Первоначальный капитал банка составил 200.000 рублей. [7, л. 1]. Первыми акционерами стали: Губисполком (кол-во акций 1020); Жигулевский Пивоваренный завод (кол-во акций 5); Селькредсоюз (кол-во акций 10); Госторг (кол-во акций 5); гражданин С. Г. Райнус (кол-во акций 5); А. Г. Козьмин (кол-во акций 2) [5, л. 3].

За первый операционный год работы банка по текущим счетам и вкладам господствующее положение занимали госучреждения и госторговля. Они составляли 93,3% процента всех вкладов, кооперация 6,3%, розпромышленность 5%, частные лица и предприятия 0,4% [5, л. 23].

Работу по активным операциям банк старался приблизить к потребностям промышленности, торговли и коммунального хозяйства. Статистика показывает, что значительная часть кредитов была выдана на нужды коммунального хозяйства и благоустройства города 239 тыс. 411 руб. 75 коп., а также предприятиям местной промышленности и губторгу 744 тыс. 473 руб. 51 коп. [5, л. 24 об.]. Примерно такую же сумму получили потребительская и сельскохозяйственная кооперации. 12 тыс. 443 руб. было выдано иногородним предприятиям и учреждениям [5, л. 24 об.].

Коммунальные банки на периферии не имели денег для долговременных вложений, и проблема выделения кредитов на жилищное строительство стояло остро [2, с. 91]. Поэтому 26% собственных средств банк ассигновал на дело восстановления жилищ [5, л. 24 а]. К 1927 году основной капитал банка составлял 750.000 рублей [8, л. 2 д].

Среди акционеров банка были: кожзавод, ватная фабрика, Мелекесская льнопрядильная ткацкая фабрика, полиграфпром, мукомольный трест, акционерное общество «Хлебопродукт». Акции приобретались ко-

оперативными обществами инвалидов Бузулука, Мелекесса. Были даже акционеры из городов других областей, например торгово – промышленное товарищество братьев Тикуновых из Казани [9, л. 19–22]. Всего по 3 выпускам было реализовано – 6343 акции [9, л. 22]. Такой широкий список акционеров свидетельствует о том, что в обществе было доверие к банку.

К 1927 году в планах по кредитам доминировали коммунальное и жилищное дело, их величина достигала 47,6%, т.е. почти полностью покрывало размер 50% согласно директиве Собрания акционеров. Выдавались ссуды на ведение работ по восстановлению и ремонту домовладений [8, л. 2 ж].

Таким образом, коммунальный банк Самары в 1924–1927 гг. активными и пассивными банковскими операциями содействовал восстановлению и дальнейшему развитию экономики региона.

Библиографический список

1. Банк России – Самара. Самара: главное управление Центрального банка Российской Федерации по Самарской области, 2012.
2. Черемисинов Г. А. Государственное предпринимательство в отечественной экономике: «узоры» новой экономической политики (20 –е годы – начало 30 – х годов XX века. Саратов: изд – во Саратовского университета, 2002.
3. Декрет от 18 января 1923 года о коммунальных банках. [Электронный ресурс]//Библиотека нормативно – правовых актов Союза Советских Социалистических республик. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1494.htm
4. Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р2290. Оп. 1. Д.1.
5. ЦГАСО. Ф. Р2290. Оп. 1. Д.2.
6. ЦГАСО. Ф. Р2290. Оп. 3. Д.1.
7. ЦГАСО. Ф. Р2290. Оп. 1. Д.3.
8. ЦГАСО. Ф. Р2290. Оп. 3. Д.9.
9. ЦГАСО. Ф. Р2290. Оп. 4. Д.5.

В. А. Калдузова

Оренбургский государственный педагогический университет

СНАБЖЕНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО ОКРУГА В 1928–1930 гг.

Современная ситуация политического вызова и экономического санкционного давления со стороны европейских государств и США, с которой столкнулась Россия, ставит на повестку дня важность исследо-

вания методов продовольственной безопасности, в том числе и в контексте их исторического применения и развития.

Рубеж начала первой пятилетки стал для советской экономической системы переходным периодом к плановому механизму регулирования продовольственной безопасности и потому является показательным в плане изучения снабжения населения продовольственными товарами на трех уровнях – общесоюзном, краевом и окружном. В конъюнктурном обзоре народного хозяйства Средне-Волжского края за первую треть пятилетки только один из двенадцати пунктов касается вопросов продовольствия, да и то в обтекаемой формулировке: «обеспечить продовольствием трудовое население городов» [1, л. 8].

Табл. 1. Потребление основных продуктов питания в 1928–1930 гг. (среднемесячные на душу в кг.) [2, с. 57–58]

Название продуктов	Фактическое потребление		Нормы потребления для рабочих (средние)			
	1928/1929	1929/1930	Рабочие	Служащие		
	Рабочие	Служащие	Рабочие	Служащие		
Мука ржаная	1,41	1,02	1,469	0,860	2,88	1,09
Мука пшеничная	3,64	1,67	2,756	1,824	5,01	3,65
Хлеб пшеничный	6,60	5,28	6,934	5,230	4,65	5,54
Картофель	7,95	6,7	11,357	10,126	10,07	8,53
Овощи	3,58	3,38	3,939	3,641	3,97	3,88
Ягоды и фрукты	1,79	4,53	-	-	4,93	1,90
Мясо, сало	3,95	3,09	3,881	3,740	4,49	4,53
Рыба	0,88	0,8	1,013	0,843	1,98	0,51
Молоко	5,63	7,3	3,005	4,550	3,92	6,00
Яйца	0,29	0,65	0,158	0,171	0,16	0,23
Сахар	1,30	1,15	1,160	0,979	1,15	1,18
Соль	0,44	0,42	0,468	0,425	0,51	0,44
Чай	1,018	0,02	0,019	0,018	0,03	0,022

Целью данной статьи является выяснение соответствия потребности населения в продовольствии и возможностей для ее удовлетворения. Для этого был рассмотрен ряд показателей, имеющих между собой функциональные связи – цена продовольственных товаров, заработная плата, количество населения, нормы снабжения на душу населения и местные запасы продовольствия. Полученные выводы кратко освещены в данной статье.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что среднедушевые нормы питания были очень низкими. Кроме того, фактическое потребление для рабочих и служащих в большинстве случаев было меньше даже этих установленных норм (Табл. 1), и набор продуктов был минимальным и дальнейшему ограничению не подлежал [2, с. 57–58]. Эти выводы подтверждают результаты обследования питания рабочих и служащих городов Урала [3, с. 32].

Сравнение заработной платы рабочих и служащих (Табл. 2) [4, с. 58] и стоимости их питания позволило сделать ряд выводов. Во-первых, самый большой доход был у промышленных рабочих, что указывало на приоритеты советского государства.

Табл. 2. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих (руб.) [4, с. 58].

Категория населения	1926/1927	1927/1928	1928/1929	1929/1930	Средняя заработная плата за 1926–1930 гг.
Ценовая промышленность	64,8	70,6	77,08	77,24 [2, с. 36]	77,43
Нецензовая (кустарно-ремесленная) промышленность	46,75	52,33	52,33	Нет данных	50,47
Учреждения	58,08	63,33	69,42		63,61
В среднем по несельскохозяйственному сектору	59	63,58	68,58		63,72

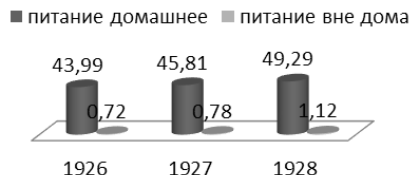
Во-вторых, треть доходов городского населения уходило именно на пропитание (Рис. 1). В-третьих, структура расходов на питание свидетельствует о разнице розничных цен и цен в сфере рыночной торговли, где в основном и приобретались продукты для домашнего

питания, в отличие от общественного питания по месту работы, где продукты поставлялись централизованно, и их стоимость была ниже (Рис. 2).

Рис. 1. Доля ежемесячных расходов на питание в семейном бюджете рабочих и служащих за период 1926 – 1929 гг. в среднем по СССР (%) [4, с. 59].

Рис. 2. Стоимость питания рабочих и служащих за период 1926 – 1928 гг. (руб.) [4, с. 61].

По архивным данным в 1929 году для местного снабжения Оренбургского округа было выделено 16380 тонн зерновой продукции [5, л. 54]. Продовольственная норма на едока в год составляла 254 кг. [6, л. 157]. Выявлено, что данное количество продовольствия способно обеспечить только 8,2% населения округа [7, л. 76].

Причиной может быть изменение социальной структуры общества из-за индустриализации. В Оренбургском округе ситуация повторяла общесоюзную тенденцию роста несельскохозяйственного пролетариата – за первую пятилетку было построено 40 промышленных предприятий. Только в добывающей промышленности число рабочих к 1928 году выросло по сравнению с 1913 г. в пять раз [8, с. 16], что усиливало нагрузку на сельское хозяйство, в котором в это время начались процессы коллективизации и связанные с ними перегибы.

Помимо перегруппировки человеческого ресурса индустриализация требовала материальных затрат. Средств не хватало, поэтому широко использовалась практика займов у населения. В 1929 г. контрольная цифра займа индустриализации для населения по Оренбургскому округу составила 3 млн.руб. [8, с. 16]. В сравнении, например, с доходами Оренбургского округа на 1927/1928 год, эта сумма составляет 30% [9, л. 11]. Одним из способов было повышение цен на товары и продукты. Существовали «ножницы цен». Заготовительные цены на молочно-масляную продукцию в начале 1930 года составляли 1,64 руб., а рыночные – почти в 5 раз выше и доходили до 6 руб. [10, л. 4 об].

Одной из причин несоответствия фактического потребления нормам можно считать сокращение доли частной торговли, которая составляла

от 50 до 61% всех покупок городского населения, а по некоторым показателям доходила до 95% [2, с. 62]. С 1925 года по 1927 год частный сектор потерял в торговой сети только 3,7% своего удельного веса [4, л. 24 об], а в первые месяцы 1930 года число ларьков и палаток сократилось на 57% [10, л. 4 об].

Существовавшая необходимость во ввозе продукции сельского хозяйства в Оренбургский округ была очевидна: в ряде случаев требовалось ввезти практически столько же, сколько было необходимо для населения округа. Местные резервы составили от ввезенного незначительный процент: овса – 0,02%, проса – 0,13%, подсолнуха – 0,8%. Только по пшенице необходимость ввоза была ниже требуемого объема в 3,5 раза [12, л. 7].

Указанные данные свидетельствуют о крайне низком уровне продовольственной безопасности отдельной территории края. Выход из ситуации трудностей со снабжением мог иметь два крайних сценария – голод или жесткая централизация системы и введение карточек. Однако дальнейшая история показала, что даже при усилении административного регулирования и введения карточной системы голод оказался неизбежен.

Библиографический список

1. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДН ИОО). Ф. 4. Оп. 1. Д.338.
2. Труд в СССР. Справочник 1926–1930 гг. /под ред. Я. М. Бинемана. М.: ПЛАНХОЗГИЗ, 1930.
3. Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы. Т. 2./под ред. Г. Е. Корнилова, В. В. Маслакова. Екатеринбург: «Академкнига», 2000.
4. Вопросы труда в цифрах. Статистический справочник за 1927–1930 гг. М.: Госиздат, 1930.
5. ЦДН ИОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 196.
6. Самарский государственный архив социально-политической истории (СГАСПИ). Ф. 1141. Оп. 20. Д.84.
7. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 205.
8. Лапаева М. Г. Развитие хозяйства Оренбургской области (1875–1996 гг.). Оренбург: 1996. ГАОО. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 39.
9. ЦДН ИОО. Ф.4. Оп. 1. Д. 338.
10. ЦДН ИОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 330.
11. ЦДН ИОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 335.

ВОЕННАЯ ИНДУСТРИЯ «МАЛЫХ ГОРОДОВ» КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД И ПЕРЕВОД ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ВОЕННЫЙ ЛАД В 1941 ГОДУ

Накануне войны все большую роль в промышленном развитии страны играли «малые города» Куйбышевской области. Особенно быстрыми темпами развивались города областного подчинения (Чапаевск, Ульяновск Сызрань, Кинель, Мелекес (ныне Димитровград). Наиболее проблемной стороной развития промышленности городов в годы довоенных пятилеток являлась отсутствие комплекса мероприятий по развитию производств [5, л. 4]. Завод № 102 в городе Чапаевске имел очень важное значение для развития химической отрасли в СССР. Инженер-химик Наталья Михайловна Годжелло вспоминает: «Ажиотаж был такой в 20–30 годы как например в 60-е XX века вокруг ядерных разработок...» [2, с. 1–2]. Многие заводы в стране стали работать тогда над выпуском боевых отравляющих веществ. Выпуск иприта планировался на заводе № 93 в Дзержинском и на заводе № 102 в Чапаевске.

Предполагалось, что немцы завезут, запустят и установят оборудование по выпуску иприта в течении 1923–1926 годов, но эти планы не были осуществлены. Договор с фирмой «Штольценберг» расторгли. Единственное что успели сделать 80 рабочих немецкой фирмы построить ТЭЦ [2, с. 1–2]. В 1926 году население Чапаевска составляло 13400 тысяч человек. На заводе № 102 работало 3500 тысячи человек [1]. С 1927 года строительство осуществлялось самостоятельно без помощи Германии. В 1934 году завод работал в 3 смены. Главное что производили был иприт. Им начинались снаряды: 107-мм стальные мины, 122-мм химические снаряды, для химических гаубиц, а также производили и химические авиабомбы [2]. В 1939 году на заводе уже трудилось 17 тысяч челок, резко увеличились объемы производства иприта до 59 тонн в сутки. По плану на заводе № 102 в 1933 году должно было начаться глобальное строительство, но только в 1940 году увеличивается тротиловое и кислотное производство. В 1933 году на заводе состоялось заседание комиссии Главного управления химической промышленности во главе с директором Рябенкиным. Было выделено 16528000 рублей на модернизацию производства [2, с. 2].

Перед началом Великой Отечественной войны 11 июня 1941 года был издан приказ по первому главному управлению народного комиссариата химической промышленности (НКХП): «Немедленно приступить к подготовке производства к выполнению мобилизационного плана для возможного пуска с 1 июля 1941 года на полную мощность. Тогда же заводу был спущен план второго полугодия на выпуск артиллерийских

снарядов, оснащенных химическими отравляющими веществами, в том числе люизитом (Р-6) в объеме 600 тонн.

23 июня 1941 года вышел приказ № 16 по заводу № 102: 1. Начальникам цехов 1,2,3,5,7 приступить к развертыванию производства для выполнения мобилизационного задания; 2. С 23 июня прекратить очередные отпуска рабочих, ИТР и служащих, а лицам, находящимся в отпуске, предложить вернуться; 3. Перевести в течении 23–24 июня все работы и службы на увеличенный рабочий день, на 3 часа в каждую смену.

После этого директору завода Шукшину предоставлен полный отчет состояния основных цехов. Цех № 5 завода № 102 с 1936 года находился в состоянии реконструкции, и хотя установленный комитетом обороны срок её окончания - март 1940 года – уже прошел, но она так и не была закончена.

Цех № 8 по производству люизита при проектной мощности 12 тонн продукта в сутки фактически выпускал 6 тонн. Цех пущен в эксплуатацию только 1 апреля 1941 года, да и то с большими недоделками. Цех № 1 имел большую изношенность почти всего оборудования. Цех № 3 по производству бертолетовой соли в октябре 1940 года был перепрофилирован на выпуск хлористого бария, перевод на прежние рельсы требовал времени и дополнительных затрат. Тем более была не готова к эксплуатации собственная ТЭЦ завода [6].

В результате обследования завода контролерами народного комиссариата Госконтроля СССР с 27 июня по 5 июля 1941 года сделан вывод: «Завод № 102 к выполнению мобилизационного плана не готов в полном объеме мощности всех цехов». Необходимо 1,5–2 года для доведения его до полной мощности». Среди основных причин названы: дефицит пара, воды и электроэнергии, а также невыполнения плана по реконструкции цехов.

Большое значение в военно-промышленной отрасли играл Чапаевский полигон. В годовом отчете за 1934 год отмечалось, что Управление полигонов находилось в стадии реорганизации и постройки трех полигонов: Софринского, Павлоградского и Чапаевского.

19 ноября 1934 года принято считать днем рождения Чапаевского артиллерийского полигона. Вместе с тем, подводя итоги 1934 года, пришлось констатировать: годовая программа по строительству необходимых сооружений, обеспечивающих выполнение программы, не выполнена. Перерыв в основной деятельности полигона затянулся и продлен на 5 месяцев. Не выдержаны плановые сроки перевозки на новое место людей и оборудования. В итоге, к январю 1935 года готовность Чапаевского полигона составляла всего 5%. На общем партийном собрании рабочих и служащих полигона 4 февраля 1935 года отмечалось, что основными причинами невыполнения поставленных задач явились отрыв начальника контрольно-испытательного отдела Полегаева от руководства, боязнь трудностей переезда. Договор на

строительство полигона был заключен, но к строительству не приступали.

Как отмечалось в протоколе собрания, что только благодаря правильному руководству со стороны прибывшего начальника полигона Ф. Ф. Гончаровского «организуемые кадры расстановлены каждый на свои места с поставленной конкретной задачей». В постановлении собрания было записано: «Начальника полигона Ф. Ф. Гончаровского отметить как лучшего ударника-организатора оформления полигона и ходатайствовать перед начальником Управления полигонов о зачислении в списки лучших ударников при руководстве полигонов». Там же призывалось повысить в 1935 году темпы работ по основной деятельности и строительству полигона. Несмотря на большой объем строительных работ, в довоенные годы плановые показатели не выполнялись. Основные причины: нехватка квалифицированных кадров, отсутствие механизации работ, низкая по сравнению с промышленностью заработная плата и, как следствие, большая текучесть кадров. Поэтому в первую очередь выполнялись работы на объектах, обеспечивающих непрерывный процесс испытаний боеприпасов.

Территория полигона, как режимного военного предприятия, после постройки, сразу же была обнесена колючей проволокой. Вход и выход разрешался только по пропускам. Вряд ли были желающие добровольно жить за колючей проволокой. Поэтому в первое время строительства все работники полигона жили в Чапаевске. В 1935 году на улице Рабочей по решению горисполкома начато строительство 32 квартирного четырехэтажного дома с котельной в подвале для ИТР, принятого в эксплуатацию в январе 1938 года. Практически все семьи командного состава были обеспечены благоустроенными квартирами.

И основная задача была решена: к началу Великой Отечественной войны Чапаевский артиллерийский полигон стал важным звеном новой испытательной подотрасли промышленности боеприпасов. К тому времени он обеспечивал испытания боеприпасов всех военных заводов Поволжья и Южного Урала.

Библиографический список

1. ГУСО ЦГАСО. Ф. Р.-2700. Оп. 11. Д.7.
2. ГУСО ЦГАСО. Ф. Р.-2305. Оп. 3. Д.8.
3. ГУСО ЦГАСО. Ф. Р.-2700. Оп. 11. Д.118. Л.155.
4. Засекреченный подвиг. О тружениках спецехов завода № 102 в годы Великой Отечественной войны. Чапаевск, 2005.
5. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 358.
6. Чигринев М. В тылу как на фронте//Чапаевский рабочий. 2003. 8 мая.

ФЕЛЬДЪЕГЕРСКАЯ СВЯЗЬ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

В данной статье на основе изучения материалов Государственного архива Российской Федерации кратко рассматриваются основные направления работы фельдъегерских отделов Куйбышевской, Пензенской и Ульяновской областей в 1941–1945 гг.

Как известно, для обслуживания связей высших правительственных организаций в стране действовала служба фельдъегерской связи. На местах ее работу обеспечивали отделы фельдъегерской службы, функционировавшие при областных НКВД. Так, в начале войны в штате фельдъегерской службы Пензенской области состояло 10 человек, которые в среднем обслуживали 35 организаций. Кроме этого, ежедневно правительственный железнодорожный маршрут Пенза–Саранск, а также производили встречу фельдъегерей, курсирующих железнодорожным маршрутом Ташкент–Москва. Доставку корреспонденции по областному центру осуществляли на грузовой автомашине ГАЗ-АА [1, л. 124–134].

В первые годы войны в фельдъегерском отделе Куйбышевской области состояло 14 человек, из них 2 шофера. Они обслуживали фельдъегерские маршруты Куйбышев–Москва, Куйбышев–Ташкент, Куйбышев–Челябинск, а также областные организации. Доставку корреспонденции по городу, как правило, производили пешим порядком или на трамваях [3, л. 84].

Как свидетельствуют документы, в 1942 г. количество фельдъегерских маршрутов Пензенской области возросло, в то время как численность личного состава не увеличивалась. Так, на пензенских фельдъегерей, наряду с обслуживанием 60 организаций области и правительственного маршрута Пенза–Саранск, была возложена ответственная задача по встрече и отправке маршрутных фельдъегерей, курсирующих по маршрутам Москва–Челябинск, Борисоглебск–Пенза [3, л. 175–178]. В 1943 г. к колоссальной нагрузке Пензенского отдела фельдъегерской связи руководство НКВД добавило обслуживание еще 40 организаций [5, л. 195–201]. При этом штат службы наполовину обновился: ушедших на фронт заменили мужчины среднего возраста и одна женщина [4, л. 99].

Возросло количество городских маршрутов и у куйбышевских фельдъегерей. Это потребовало увеличения штата в 1943 г. до 21 человека [5, л. 81–85], а в 1944 г. – до 22 человек [7, л. 171–183]. На автомашине по городу доставляли только грузовую корреспонденцию, а в отдаленные районы (Безымянка и Кряж) – пригородными поездами. Таким

образом, региональный отдел в 1943–1944 г. обслуживал областные организации и производил перевозку корреспонденции по маршрутам Куйбышев-Москва, Куйбышев-Ташкент, Куйбышев-Челябинск.

Штат отдела фельдъегерской связи Ульяновской области в 1943 г. был полностью укомплектован и состоял из 13 человек. Среди них трудились 2 женщины: старший сержант Л. П. Груздева в должности экспедитора и фельдъегерь М. П. Юдгма (без звания). Фельдъегеря и экспедиторы пешим порядком обслуживали 70 областных организаций, правительственный железнодорожный маршрут Ульяновск-Инза [6, л. 84–90], а также обменивали корреспонденцию с маршрутными фельдъегерями, курсирующими в направлении Москва-Ташкент. В 1944 г. был введен дополнительный сквозной маршрут Уфа-Москва [8, л. 186–193].

В течение 1944 г. еще больше возросло количество городских фельдъегерских маршрутов в Пензенской области. Так, в день фельдъегеря обслуживали 140–150 областных организаций. При этом сократилось число обменов корреспонденции с проезжающими поездами. Согласно архивным материалам, местный аппарат осуществлял встречу маршрутных фельдъегерей, курсирующих по маршруту Москва-Челябинск и обратно [8, л. 50–55].

В последний военный год количество маршрутов фельдъегерских отделов Пензенской и Ульяновской области не изменилось, поэтому штат остался прежним: 10 и 13 человек соответственно [10, л. 81–92, 231–241]. Зато в Куйбышевской области в связи с увеличением числа городских фельдъегерских маршрутов штат был увеличен на 1 единицу и стал составлять 23 человека. Но этого оказалось недостаточно для обслуживания всех 6 городских маршрутов. Поэтому доставку корреспонденции на Безымянку и Кряж осуществляли через отдел специальной связи Наркомата связи (за исключением корреспонденции серии «К» и шифровок) [9, л. 247–250].

Подводя некоторые итоги следует отметить, что работа в органах фельдъегерской связи в 1941–1945 гг. была не только очень трудной, но и крайне опасной. В фондах ГАРФ сохранились многочисленные примеры того, как при выполнении заданий фельдъегеря, попадая в зону боевых действий, погибали или получали серьезные ранения [2]. Только по счастливой случайности ни один работник местной фельдъегерской службы в годы войны не пострадал, выполняя задание.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р-9411. Оп. 1. Д. 16.
2. ГАРФ Ф. Р-9411. Оп. 1. Д. 17.
3. ГАРФ Ф. Р-9411. Оп. 1. Д. 35.
4. ГАРФ Ф. Р-9411. Оп. 1. Д. 37.
5. ГАРФ Ф. Р-9411. Оп. 1. Д. 44.

6. ГАРФ Ф. Р-9411. Оп. 1. Д. 45.
7. ГАРФ Ф. Р-9411. Оп. 1. Д. 53.
8. ГАРФ Ф. Р-9411. Оп. 1. Д. 54.
9. ГАРФ Ф. Р-9411. Оп. 1. Д. 63.
10. ГАРФ Ф. Р-9411. Оп. 1. Д. 64.

Е. Г. Богданов

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

СТАХАНОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ПРИВОЛЖСКОГО ОКРУЖНОГО ВОЕННО-СТРОИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Приволжское окружное военно-строительное управление (далее ОВСУ) входило в состав Главного управления военно-промышленного строительства (далее ГУВПС) при СНК СССР. ОВСУ выполняло различные строительные-монтажные и ремонтные работы гражданского и тылового значения. Основными заказчиками выступали: Народный комиссариат обороны (НКО), Народный комиссариат авиационной промышленности (НКАП), Народный комиссариат вооружения (НКВ) [1, л. 6]. Во время Великой Отечественной войны организация имела следующую структуру: строительные участки, Окружная контора военного электрического строительства, редакция и типография «Строитель Поволжья», автомобильная база, жилищная контора, Управление ОВСУ в городе Куйбышеве, авторемонтные мастерские, военные лесопромышленные хозяйства, военно-механический завод, каменный карьер, кирпичный завод, окружная материальная контора, управление рабочего снабжения [2, л. 15].

В условиях войны перед Приволжским ОВСУ ставились важнейшие задачи оборонного и местного строительства, выполнение которых происходило в условиях серьезного недостатка рабочей силы, который должен был компенсироваться новыми индустриальными методами строительства. Особое место в выполнении и перевыполнении планов было отведено движению стахановцев и ударников [3, л. 25].

Руководство ОВСУ уделяло значительное внимание развитию движения, вводя поощрения стахановцам и ударникам производства. Оно проходило в нескольких формах. Осуществлялось индивидуальное премирование рабочих по итогам всесоюзного соревнования, за счет денежных поступлений от заказчиков работ [4, л. 37]. В военной обстановке руководство столкнулось с острой нехваткой продовольствия, в связи с чем среди рабочих выявлялись многочисленные случаи дистрофии, который приводил к тифу. Невыходы на работу по болезни сказывались на производительности работ и выполнении планов, в связи с чем ру-

ководством было принято решение выделять стахановцам и ударникам дополнительное питание из овощей, которые были выращены отделами рабочего снабжения, организованными Приволжским ОВСУ в 1942 г. [5, л. 45] и организация специальных стахановских столовых. Росту количества стахановцев способствовало создание для них лучших жилищно-бытовых условий, по сравнению с рядовыми рабочими, основная масса которых размещалась в землянках, оборудуемых в непосредственной близости от участков работ [6, л. 54].

Особенно сложным для организации стахановского движения стал 1941 г. Из-за острого недостатка рабочей силы и изменившихся условий труда движение стахановцев и ударников не приобрело массовый характер. К концу 1941 г. насчитывалось 395 ударников и 210 стахановцев [6, л. 78], а в декабре 1942 г. ударников 966 и 489 стахановцев [5, л. 83], т. е. их число выросло более чем в два раза. Динамика сохранилась в дальнейшем, в 1943 г. на стройках Приволжского ОВСУ работало 988 стахановцев [7, л. 138], а в 1944 г. 1283 или 33,2% от общего числа рабочих [8, л. 37]. На завершающем этапе Великой Отечественной войны роль стахановцев оставалась чрезвычайно важной, однако, в условиях постепенного перехода к работе в мирных условиях, их число постепенно сокращалось.

Применение труда стахановцев находило отражение не только в росте показателей строительно-монтажной работы. Руководство Приволжского ОВСУ задействовало передовиков в качестве инструкторов новых методов работ, которые передавали свой опыт и способствовали росту производительности труда, а так же в качестве бригадиров, что позволяло обучать новые кадры без отрыва от производства. Стахановцам были предоставлены широкие возможности для рационализаторской деятельности, благодаря своевременной и продуманной подготовке рабочих мест, улучшению порядка работ, применению стахановских инструментов и приспособлений строители-стахановцы добивались перевыполнения норм. Проводились, общественные смотры состояния организации производства и труда рабочих, смотры на лучшего бригадира, конкурс на лучшую организацию труда, стахановские вахты, социалистические соревнования [6, л. 83], которые способствовали обмену опытом между предприятиями ГВСУ и способствовали выполнению планов работ.

Оценить роль эффективности работы стахановцев позволяют следующие данные. В 1941 г. кузнец Кузнецов из УВСР № 263 – рационализатор и стахановец, упростил и облегчил конструкцию фабричных ножниц, что позволило увеличить производительность по резке болтов от 500 штук до 3000 в смену. Кровельщик Кононов – рационализатор производства, обеспечивавший производительность труда в среднем 250–300%. Маляр Маркова, выполнявшая нормы на 410%. [9, л. 78]. В 1942 Гаранин Василий Николаевич – плотник 5-го разряда – возглавил бригаду и добился

производительности 200 и более % [5, л. 85]. В 1944 г. к наиболее значимым результатам относятся: Бригада плотников систематически выполняет нормы на 200–227%. В августе месяце, встав на стахановскую вахту, выполнила нормы на 480%; кровельщики Толстой Михаил Степанович и Кальзин Петр Гаврилович, встав на вахту в честь побед Красной Армии, показала производительность труда в августе месяце: Толстой – 588%, Кальзин – 343%; бригада штукатуров Малоземова, Першина, Красновой, Володиной, встав на стахановскую вахту в августе месяце дали производительность труда – 788%; и другие значительные показатели. [8, л. 39]

Итак, во время Великой Отечественной войны труд стахановцев, успешная рационализаторская и руководящая деятельность на предприятиях Приволжского ОВСУ способствовал выполнению планов по строительству важнейших оборонных и гражданских объектов.

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р. 4248 Оп. 4. Д. 58.
2. ЦГАСО. Ф. Р. 4248. Оп. 4. Д. 34.
3. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8516 Оп. 4. Д. 41.
4. ЦГАСО. Ф. Р. 4248. Оп. 4. Д. 52.
5. ЦГАСО. Ф. Р. 4248. Оп. 4. Д. 39.
6. РГАЭ Ф. 8516 Оп. 1. Д. 129.
7. ЦГАСО. Ф. Р. 4248. Оп. 4. Д. 46.
8. ЦГАСО. Ф. Р. 4248. Оп. 4. Д. 52.
9. ЦГАСО. Ф. Р. 4248. Оп. 4. Д. 32.

А. В. Горшенин

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

ЖАЛОБЫ ГРАЖДАН В ПЕЧАТИ И ИХ РОЛЬ В УЛУЧШЕНИИ РАБОТЫ ГОРОДСКОГО ТРАНСПОРТА ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ (ПО МАТЕРИАЛАМ г. КУЙБЫШЕВА И г. ПЕНЗЫ)

Периодическая печать всегда играла важную роль в жизни советского общества. Именно в газету люди писали жалобы, делились своими проблемами. И сотрудники газет, как правило, разбирались с большей частью писем. Читатель охотно делился в печати своим опытом, своими успехами, передавал свои пожелания, предложения, способствующие ускорению темпов строительства, смело, открыто критиковал в газетах недостатки, обличал расхитителей социалистической собственности, рвачей и бюрократов. Редакционная коллегия должна была воздействовать на волокитчиков, чтобы добиться реальных мер по каждому сигналу [1, с. 1].

И это было не простым пожеланием. Ещё в 1948 г. министр юстиции СССР К. П. Горшенин издал приказ, которым обязывал все органы юстиции немедленно реагировать на сигналы печати. Начальники областных управлений должны были лично осуществлять контроль за быстрой и тщательной проверкой сообщаемых в печати фактов нарушения законности и недостатков в работе и принимать необходимые меры к их устранению, привлекая виновных к строгой ответственности [2, с. 5].

Так, в феврале 1949 г. поступила жалоба некоего Ремизова на плохую работу автобусов Куйбышева и злоупотребления шофёров. При расследовании факты подтвердились. Управляющий областным автотрестом сообщил, что за провоз безбилетных пассажиров шофёр В. Парфёнов лишён прав управления машиной и уволен с работы, а водитель Ф. Кузнецов переведён на другую работу. Принимались меры для улучшения обслуживания пассажиров [3, с. 3].

Очень часто жалобы граждан касались грубого обращения работников транспорта с пассажирами. Например, врач Павлова обратилась в редакцию с жалобой на недопустимое обращение с пассажирами со стороны вагонновожатой трамвая Шенгуловой. При проверке эти факты подтвердились. На работницу было наложено административное взыскание, а данное письмо обсуждалось на сменах бригад и собраниях вагонновожатых и кондукторов [4, с. 3].

Водитель куйбышевского троллейбуса Карев вел себя по отношению к пассажирам грубо. Об этом написал в редакцию газеты рабочий Алексеев. Начальник ТТУ Соколов сообщил, что указанные нарушения подтвердились, а шофёру был объявлен строгий выговор [5, с. 2].

Руководители транспортных предприятий нередко принимали во внимание рекомендации граждан по организации работы подвижного состава. Так, предложение гражданина Росовского об установке на всех вагонах табличек с указанием конечных остановок было реализовано к концу декабря 1949 г. главным инженером ТТУ Артемьевым [6, с. 3].

По многочисленным просьбам горожан, были введены специальные транспортные единицы. После этого, на спектакли театров города жители Кировского района могли приезжать на специальных поездах трамвая. В часы перед началом и после спектаклей трамваи шли беспересадочным прямым рейсом по маршруту «Безымянский тупик — центр города». На площадь Куйбышева также стали подаваться специальные автобусы [7, с. 4].

Иногда в решении вопросов улучшения работы транспорта активное участие принимали местные органы власти. К примеру, группа рабочих заводов Кировского района написала в редакцию о том, что после вечерней смены им приходится пешком ходить на расстояние 8–9 км., так как в это время сообщения между Кировским районом и городом нет. В решении этой задачи личное участие принял заместитель председателя исполкома горсовета Говоров. И уже через несколько дней, после его

вмешательства, из Кировского трамвайного депо до ул. Полевой в два часа ночи начал курсировать бригадный поезд, который производил посадку пассажиров [8, с. 3].

Выполняя предложения трудящихся, городской Совет уделил особое внимание улучшению работы городского транспорта. В начале ноября 1949 г. в городе было открыто движение по трамвайному маршруту № 4 (Ж/д вокзал — овраг Подпольщиков), а также была поострена и введена в эксплуатацию линия второго троллейбусного маршрута (пл. Революции — Никитинская пл.) [9, с. 3].

В целях создания удобства в пользовании трамваем трудящимися города, исполком горсовета ввёл с 1 сентября 1949 г. для проезда на всех маршрутах трамвая персональные месячные и квартальные проездные билеты [10, л. 64].

Не лучшим образом складывалась организация городского транспортного сообщения в Пензе. Очень ярко иллюстрирует работу городского автобуса письмо инвалида Отечественной войны К. Зайцева в областную газету.

«Как-то мне нужно было добраться до завода «Пензтекстильмаш». Ходить на костылях в весеннюю распутицу особенно трудно. Я решил попробовать доехать до места на автобусе. Ровно в 10 часов утра пришёл на автобусную остановку около Облисполкома. Скамейка для ожидающих пассажиров была покрыта грязью, а очищать её, видно некому было. Поэтому, я решил стоять, опираясь на костыли. Захотелось узнать, когда же здесь по утрам бывает машина. Подошёл к полустёртому от времени расписанию, — оказалось, что оно висит с лета прошлого года и соответствует старым маршрутам.

Час спустя, дребезжа разбитыми стёклами, к остановке подошёл автобус. Зная, что дети, старики и инвалиды имеют право входить через переднюю площадку, я взялся за поручни передней дверцы. Но не тут-то было. Кондукторша крикнула водителю: Ванюша, переднюю дверь не открывай!

У заднего входа раздавались вопли и ругательства толпы, осаждающей автобус. Я решил не возлагать более надежд на автобусное сообщение и отправился пешком. Но у ближайшей остановки автобус догнал меня, и я ещё раз попытал счастья. В машину-то сесть удалось, а вот выйти из неё на нужной остановке не было никакой возможности, потому что кондукторша дала отправление через несколько секунд. Оставшиеся пассажиры умоляли её задержать машину хоть на одну минуту, но кондукторша была непреклонна. Так, силой отвезли меня в тот день на завод им. Фрунзе, откуда я с трудом, только к вечеру добрался до дома» [11, с. 3].

Данная заметка разбиралась на совещании у руководителя Пензенского областного автотранспортного треста. Признали, что заметка совершенно справедливо отражает недостатки в работе кондукторов и в организации автобусного сообщения. Основными недостатками в работе автобусов на линии являлось то, что кондукторский состав

не следил за посадкой пассажиров, допускал перегруз машин, грубость в обращении с пассажирами, масса людей, не имеющих права бесплатного проезда, ездил бесплатно и т. д.

Для нормализации автобусного сообщения, было принято решение до приведения в надлежащий порядок линии «Завод № 50 – Завод № 163» установить работу только по маршруту «Облисполком – завод № 50», привести в порядок автобусные павильоны, а также составить чёткое расписание работы автобусов и обновить вывески на остановках [12, л. 28].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что периодическая печать являлась выразителем чаяний граждан. Практически ни одна жалоба, написанная в редакцию областной газеты, несмотря на то, была ли она опубликована или нет, не оставалась без внимания. Хотя и не все меры, которые принимались по жалобам граждан, были действительными, всё же руководители транспортных предприятий и органы власти считались с обращениями людей, поэтому наказывались нерадивые работники, а также налаживалось транспортное сообщение, в соответствии с интересами горожан.

Библиографический список

1. Правда. 1949. 30 июня.
2. Сборник приказов и инструкций министерства юстиции СССР (1936–1948). М., 1949.
3. Волжская коммуна. 1949. 22 февраля.
4. Волжская коммуна. 1950. 15 апреля.
5. Волжская коммуна. 1950. 1 июля.
6. Волжская коммуна. 1949. 29 ноября.
7. Волжская коммуна. 1949. 30 января.
8. Волжская коммуна. 1950. 22 марта.
9. Волжская коммуна. 1949. 22 ноября.
10. ЦГАСО. Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 254.
11. Сталинское знамя. 1946. 2 апреля.
12. Государственный архив Пензенской области. Ф. Р-2450. Оп. 1. Д. 17.

А. Ю. Меркулова

Высшая школа экономики

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, КАК ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСА СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В послевоенные годы российское общество находилось в кризисной ситуации. Продовольственный кризис, черный рынок, отсутствие жилья, недостаток одежды и обуви, обострение криминальной ситуации –

эти и другие оставшиеся в наследство от войны проблемы становились послевоенной повседневностью, формировали стратегию выживания послевоенного общества [2, с. 12]. Рассмотрим послевоенное общество на примере рабочих угольной промышленности.

Все дела угольной промышленности находились под контролем у партии. На партийном собрании главной задачей ставили повышение производительности труда путем большего применения механизации, добиться полного использования механизмов на подготовительных работах. Полученное трестами оборудование к концу мая 1945 г. фактически не применялись, так как не было квалифицированных рабочих, которые могли бы работать данным оборудованием. Состояние технического обучения в тресте находилось на низком уровне, требовались квалифицированные шахтерские кадры, которые имели специальные знания для обслуживания горной техники, угольных комбайнов и т. д.

Между тем, на момент окончания войны шахтерские кадры состояли из трудящихся граждан, с подорванным здоровьем, не имеющих специальной подготовки и квалификации и проживавших, как правило, в совершенно неудовлетворительных бытовых условиях. На 1 мая 1946 г. на комбинате «Молотовуголь» имелось рабочей силы 55 тыс. человек. Из них: кадровый состав – 8099 человек (14,5%), мобилизованные НКО – 7316 (13%), мобилизованные исполкомами (в том числе женщины и подростки) – 4749, окончившие систему ФЗО и РУ – 999, колхозники, прибывшие по договорам – 230, было принято самими предприятиями – 8386. Всего категории рабочих, не относящиеся к спецконтингенту, составляли 55% всего персонала. Остальные 45% – это: расконвоированные окруженцы – 18659 человек (33% всех рабочих), репатриированные – 2418 (4,5%), мобилизованные немцы Поволжья – 2493 (4,5%), мобилизованные татары – 193, заключенные – 10, военнопленные – 463203 [1, с. 154]. Характеризуя шахтерские кадры Урала необходимо обратить внимание и на то, что существенную долю штатов занимали женщины и подростки.

Ослабла и трудовая дисциплина: рабочие занимались личными делами во время рабочего дня. Среди рабочих, прибывших с Донбасса и других областей появились настроения дезорганизующие нормальную работу предприятия, учреждений (стремление уехать домой). Подобные настроения оказывали свое влияние на снижение добычи угля.

Абсолютное большинство шахтеров проживало в общежитиях, а также временных, приспособленных помещениях, бараках или землянках. Квартирный кризис в угольных бассейнах оставался довольно острым. Руководство треста недостаточно занималось укомплектованием штата рабочих, что срывало улучшение бытовых условий рабочих. Бытовые условия были крайне плохи. Существовала острая необходимость принять меры к усилению ЖКО шахт и приступить к ремонту общежитий и квартир рабочих. В экстренном порядке требовалось производить капи-

тальный ремонт домов на шахт им. Ленина и им. Володарского [3, л. 24]. Вопросы быта ставили наравне с вопросами добычи угля, объясняя это закреплением рабсилы на шахтах.

Работы по ремонту продвигались довольно слабо, транспорта в ЖКО не было. В АХО не было людей, которые могли бы делать ремонтные работы, а имеющиеся представляют собой инвалидов. Также была нехватка строительных материалов. Отсутствовали пиломатериалы, железо, штифер — применяли старый, краски, арматура, не было котлов, недостаток секции для котлов, это не дает привести в порядок паровое отопление, недостаточно рабочей силы, особенно слесарей. На июль 1945 г. было только 2 слесаря, с которыми провести ремонт в оставшееся время к зиме невозможно. Отмечалось, что низкое количество рабочих АХО связано с тем, что не было поощрений и стимула к поднятию производительности труда. Парторганизации взяли контроль ремонт домов. К августу в АХО стало 97 человек рабочих.

Неправильно проходила эксплуатация зданий, некоторые рабочие жили в подвалах, которые для жилья абсолютно не пригодны были. Рабочие, которые жили в квартирах не соблюдали элементарные правила чистоты и порядка.

Партсобрание отмечало, к августу 1945 г., несмотря на то, что прошло больше 2х месяцев ремонтно-строительного сезона, работа по ремонту проходила неудовлетворительно. К домам требующим неотложного капитального ремонта не приступали. В аварийной ситуации находилась отопительная система. Благоустройство домов находятся в крайне запущенном состоянии, не производится уборка мусора, ремонт тротуаров не произведен, ограждения поломаны, общежития находятся в антисанитарном состоянии.

Помимо ремонтно-строительных проблем, отмечалось, что ухудшилось питание шахтеров из-за отсутствия свежих овощей, мяса, круп. Задача угольщиков была дать больше стране угля, задача коллектива ОРС — обеспечить рабочих вкусным, сытным питанием, через сеть столовых и магазинов.

Рассматривая положение рабочих угольной промышленности в очередной раз удалось убедиться, что послевоенные годы выдались особенно тяжелыми для России.

Библиографический список

1. Баканов С.А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка: монография. Челябинск: Энциклопедия, 2012.
2. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999.
3. ПГАНИ. Ф.32/1. Оп. 1. Д. 267.

Внешиполитические проблемы истории России

Н. А. Петрова

Санкт-Петербургский государственный университет

НОВГОРОД, ПСКОВ И ГАНЗА В 1362–1363 гг.

С 60-х гг. XIV в. в объеме коммерческих операций, осуществляемых Ганзейским союзом с Новгородом и Псковом, постепенно увеличивалась доля ливонских городов — Риги, Ревеля и Дерпта [2, с. 250–209; 12, с. 54].

Увеличению значения ливонских городов в торговле с новгородским и псковским купечеством предшествовало окончательное оформление Ганзейского союза: в 1356 г. в Любеке состоялся первый общеганзейский съезд. Одним из итогов этого съезда стало решение, согласно которому все постановления, принимаемые купцами иноземного двора в Новгороде, приобретали силу закона только в случае одобрения их городскими советами Любека, Висбю, а также Риги, Ревеля и Дерпта. [6, с. 87; 12, с. 46–47].

Вхождение в Ганзейский союз ливонских городов поставило членов этого сообщества перед необходимостью разрешения конфликтных ситуаций, постоянно возникавших между купцами, торговавшими в регионе.

Одной из причин разногласий было то, что на Северо-Западе Руси гегемония в осуществлении торговых операций с представителями Ганзы традиционно принадлежала Новгороду, но со второй половины XIV в. Псков стал укреплять и расширять экономические связи с иноземцами. Торговый путь в Новгород из Дерпта проходил по территории Псковской земли, что, соответственно, увеличивало значение Пскова в русско-ганзейских экономических отношениях, позволяло ему использовать это в качестве «рычага» для ведения самостоятельной внешней торговли. Это не устраивало новгородцев и приводило к острым разногласиям между этими двумя общинами, что непосредственно сказывалось на осуществлении международных коммерческих операций. Псковичи стремились к тому, чтобы в заключающихся торговых договорах их община выступала контрагентом. Эта роль всегда принадлежала новгородцам, которые в русско-ганзейских актах выступали от имени обеих городских общин Северо-Западной Руси. Волховская столица рассматривалась самими ганзейцами как главная сторона, ответственная за все коммерческие операции, осуществляемые иностранными купцами в Северо-Западной Руси и русскими гостями в городах, где были представительства этого экономического союза.

На торговлю ганзейских купцов с представителями Пскова и Новгорода также большое влияние оказывал военных фактор: любые противо-

речия, территориальные споры и конфликты с немецкими рыцарями на псковско-ливонской границе приводили к затруднениям в международных отношениях, арестам купцов и их товара.

В новых условиях предстояло определить, кто являлся сторонами-участниками экономических отношений, выработать и юридически закрепить их права и обязанности, а также механизм разрешения возникших противоречий.

Вхождение Риги, Ревеля и Дерпта в Ганзейский торговый союз привело к тому, что вторая половина XIV в. ознаменовалась рядом серьезных русско-ганзейских конфликтов, в процессе разрешения которых складывались основные принципы, регулирующие коммерческие отношения сторон.

Первый такой конфликт произошел в 1362 г., когда ливонские рыцари вместе с войсками Дерптского епископства совершили «на миру» военный набег на псковские территории [11, с. 103]. В это время в Пскове находились купцы «и поморьские и заморьские» [9, с. 368], то есть выходцы из собственно немецких и ливонских городов. Гости, вероятно, направлялись в Новгород. Это был традиционный маршрут: купцы, отправлявшиеся в Волховскую столицу из Дерпта, непременно останавливались в Пскове [3, с. 64, 85; 5, с. 198–199; 2, с. 86; 1, с. 7–8]. Однако, когда в 1362 г. рыцари совершили нападение на псковские приграничные территории, жители города на берегах р. Великой посчитали, что они могут возместить ущерб, нанесенный их земле, посредством ареста гостей и их имущества. Подобная практика, когда возмещение ущерба истца происходило за счет соотечественников ответчика, являлась традиционной для международных отношений в средневековом обществе [8, с. 32–33; 7, с. 378–379]. Таким образом псковско-ливонское приграничное столкновение 1362 г. затронуло интересы Ганзы.

Так как уполномоченные представители немецкого торгового союза располагались в Волховской столице, решение конфликта было перенесено туда. В 1363 г. «приихаша послове немецкыи, юрьевскыи и велиевидьскыи в Новьгород на смолву со плесковици, и приихаша плесковици в Новьгород», — сообщает летописец [9, с. 368]. Подчеркнем, что жители Пскова в этой ситуации действовали как одна из сторон конфликта, самостоятельно отстаивающая свои интересы, об участии новгородцев летописец не сообщает. Но поездка оказалась безрезультатной. В обострившейся ситуации жители Дерпта воспользовались правом репрессалий и арестовали у себя русских гостей, а именно, — новгородцев, которые в то время жили в этом городе [9, с. 368]. По мнению юрьевцев, они должны были нести коллективную ответственность за действия Пскова.

Арест новгородских гостей заставил уже власти Волховской столицы принять участие в урегулировании конфликта между Псковом и ганзейским купечеством. Поэтому в том же 1363 г. «ездивши нов-

городчкыя послове, ис концевъ по боярину, въ Юрьевъ в Немечкой, смолвиша Немець съ плесковици в любовь и бысть межю ими мирно, и попускаша плесковици от себе немецкыи гость, а Немци новгородчкыи гость попускаша» [9, с. 368]. Псковский летописец отметил, что 14 сентября 1363 г. немцев «выпоустиша ... серебро на них поимаше за головы избиенных» [11, с. 103]. По-видимому, кроме вопроса о выдаче купцов, на переговорах в Дерпте также рассматривалась проблема возмещения ущерба, нанесенного псковичам рыцарями в 1362 г. Немцам пришлось пойти на уступки и признать право этого города на компенсацию потерь. Отметим, что на переговорах в Юрьеве Псков также выступил в качестве самостоятельной стороны, а новгородское посольство выполняло функцию посредника. Это новое явление в жизни городских общин Северо-Западной Руси, которое еще не получило юридического оформления.

Итак, после вхождения ливонских городов в северонемецкий торговый союз, ганзейцы столкнулись с необходимостью регулирования взаимоотношений не только с Новгородом, но и с Псковом. А в условиях постоянных военных столкновений последнего с ливонскими рыцарями; встала проблема защиты жизни и имущества купечества всех торговых сторон, также возник вопрос о возмещении ущерба понесенного участниками конфликта. Экономические интересы способствовали тому, что псковичи и новгородцы, представители ливонских земель и гости «заморские» были заинтересованы в сохранении мира, поэтому конфликт 1362–1363 гг. был улажен. В ходе переговоров между немецкими купцами и псковичами при посредничестве Новгорода было положено начало практике разрешения разногласий. Однако эта практика еще не получила юридического оформления. Это произошло только в 1392 г., когда Новгород и Псков заключили с представителями Ганзы договоры, юридически регулировавшие коммерческие отношения сторон [9, с. 384; 10, с. 368; 4, с. 80–83]. Договоры 1392 г. впоследствии легли в основу всех последующих актов, заключаемых представителями купечества Новгорода, Пскова и Ганзы.

Библиографический список

1. Аракчеев В. А. Псков и Ганза в эпоху средневековья: Научная справка/Псковская областная общественная организация «Чудской проект». Псков, 2012.
2. Бережков М. О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб., 1879.
3. Болховитинов Е. История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова. Ч. I. Киев, 1831
4. Грамоты Великого Новгорода и Пскова/Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 80–83. № 46.
5. Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. Т. 2. СПб., 1863.

6. Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли. СПб., 1923.
7. Мартышин О. В. Вольный Новгород. М., 1992.
8. Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М, 1947.
9. Полное собрание русских летописей (далее. – ПСРЛ). Т. 3. Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.; Л., 1950.
10. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Новгородская Четвертая летопись Пг., 1917.
11. Псковские летописи. Вып. 2. М.; Л. 1955.
12. Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986.

М. Я. Мединец

Самарский государственный университет

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕВОБЕРЕЖНОГО ПРИДНЕСТРОВЬЯ В XVIII – XIX ВВ.

Проблема этнического состава регионов Российской Империи привлекает внимание учёных с XIX века и до нашего времени. Относительно Приднестровья эта проблема приобретает не только научный, но и общественно-политический интерес (в связи с «замороженным» приднестровским конфликтом). Как и в большинстве этнополитических конфликтов, значительную роль при обосновании позиций сторон здесь играет демографическая история региона.

По данным выдающегося советского специалиста по исторической географии В. М. Кабузана, активное переселение молдаван на территорию Новороссии развернулось в начале 1760-х гг. [1, с. 12–13]. Первоначально они занимали второе место по численности среди народностей региона после украинцев [1, с. 15]. Однако в связи с усилением раздачи недавно завоёванных земель великорусским и малорусским помещикам доля молдаван быстро падала, несмотря на рост их абсолютной численности (падение с 49,08 % до 39,12 % всего за 7 лет) [1, с. 60].

Более подробно этнический состав региона описывает другой советский историк, В. С. Зеленчук. В его работе 1979 г. речь идёт в первую очередь о социальной и этнической структуре Бессарабии. В то же время приводятся данные и по Херсонской губернии, в соответствии с которыми численность молдавского населения здесь постоянно возрастала [2, с. 152], но одновременно регион становился всё более многонациональным. Доминирующим народом в регионе, основываясь на переписи 1897 г. и более ранних статистических материалах, Зеленчук признаёт украинцев (53,5 % в 1897 г.). Также во второй половине XIX в. быстро росла доля русских и евреев, в то время как доля молдаван имела тенденцию к сокращению [2, с. 158–159].

В современной Молдове проблема этнического состава Приднестровья в составе Российской Империи довольно политизирована. Так, представитель русской общины Молдавии И. А. Анцупов в своей книге о русском населении Молдавии (включая казаков) предполагает, что переписи населения XIX в. занижали численность русских в регионе, а само оно стало органической частью полиэтничного населения Бессарабии и Приднестровья [3]. Однако у большинства молдавских авторов оценка заселения Приднестровья иммигрантами из других регионов носит скорее отрицательный характер. Так, И. И. Жаркуцкий в своей статье опишет об «усиленной колонизации» региона и «прибытии мощного потока иммигрантов ... которые заметно изменили существовавшую здесь в конце XVIII в. демографическую ситуацию». Приводятся данные переписей населённых пунктов, согласно которым в 1792 г. почти 50 % жителей Очаковской губернии были молдаванами, а к середине XIX в. их доля упала до 17 %. Одновременно автор сообщает, что в Тираспольском уезде этнически доминирующей группой всё равно являлись молдаване (42,3 % в 1905 г.) [4].

Библиографический список

1. Кабузан В. М. Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья. Кишинев, 1974.
2. Зеленчук В. С. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (Этнические и социально-демографические процессы). Кишинев, 1979.
3. Анцупов И. А. Русское население Бессарабии и Левобережного Поднестровья в конце XVIII – XIX вв. (социально-экономический очерк). Кишинев, 1996.
4. Жаркуцкий И. И. Из истории левобережья Днестра (XIX – начало XX века)//URL: www.dacoromania.net/article/из-истории-левобережья-днестра-xix-начало-xx-века.

О. С. Целёра

Поволжская социально-гуманитарная академия

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ БРИТАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 1830–1885 гг.

В 1830 году лорд Пальмерстон стал британским министром иностранных дел и начал свою долгую карьеру в качестве основателя британской мировой политики [1, р. 74]. Именно с этой даты мы начнём рассматривать противостояние Великобритании и России, так как оно стало уже достаточно явным в Центральной Азии. С именем Пальмерстона связано достаточно традиционное, для того времени направление британской внешней политики по защите территориальной целостности Османской им-

перии и других исламских правителей в средней Азии от посягательств любых европейских держав (в том числе и от России). Таким образом, Исламская Азия становилась своеобразным буфером от императорской России. Главным страхом Пальмерстона была уверенность в том, что если азиатские режимы рухнут, борьба между европейскими державами за делёж ресурсов и земель будет неизбежен и начнётся мировая война, в которую будут вовлечены все мировые державы.

Но существуют и другие объяснения политики Пальмерстона. В 1832 году в Великобритании была проведена относительная демократизация власти, путём принятия закона, увеличившего количество избирателей; в то время как в России в 1830–1840-е, было довольно жестокое подавление восстаний в Польше и Венгрии, поэтому различие между идеологиями становилось всё явственнее, и они стали причинами конфликтов между странами. Рядовые британцы видели проблему не сколько в том, что делает Россия, сколько в её факте существования. Русофобия вскоре начала влиять и на внешнюю политику, которая выражалась в стремлении контроля Британии над Азией и остановки всеми силами продвижения России, что противоречило идеям Пальмерстона, указывающего, что у Британии не должно быть ни вечных друзей, ни вечных врагов. Истории до сих пор спорят, что вызвало такое уникальное явление, но факт остаётся фактом — русофобия была одной из причин, определявших политику Великобритании на протяжении большей части девятнадцатого века, в большей или в меньшей мере проявляясь в действиях политического руководства [2, р. 3].

Другим фактором, влиявшим на внешнюю политику Соединённого королевства был экономический. Первоначально, проникновение в Среднюю Азию британских войск было вызвано стремлением обезопасить жемчужину британской короны — Индии, но объёмы торговли, весьма скромные первоначально, начали стремительно расти. После англо-турецкого договора 1838 года, и отмены хлебных законов в 1846 году [3, с. 35], торговля с Османской империей стало одним из приоритетных направлений, и турецкий рынок стал третьим рынком сбыта по величине для британских товаров. Планы России относительно Османской империи создавало угрозу Британской торговле и влиянию в средней Азии. Более того, Османская империя была открыта для британских производителей, когда в России были установлены высокие таможенные пошлины. Британские товары были не исключением.

Ещё один момент был далеко неясным. Южное побережье Азии было таковым, что узкие участки воды и земли пронизывали всё побережье, и можно было легко в любом месте перекрыть движение, и Великобритания было крайне необходимо, чтобы вся линия побережья находилась в дружественных руках [4, с. 27]. А в это время Россия увеличивает влияние в Персии, что ставит выполнение этой цели весьма затруднительным.

У британцев было семь причин для остановки дальнейшего продвижения русских в Центральную Азию: 1) это нарушит баланс сил в Европе, сделав Россию сильнейшей державой; 2) Возможное вторжение в Британскую Индию; 3) Русские могут провоцировать восстания в Индии; 4) Уничтожение старых режимов в Центральной Азии приведёт к борьбе европейских держав за эти территории; 5) Россия — враг по идеологическим идеям; 6) была угроза срыва британской торговли в Азии; 7) Угроза британским морским коммуникациям. Ещё одну причину озвучил лорд Солсбери, ставший главой МИД в конце века — потеря османами Константинополя нанесёт удар по Англии, как мировой державе.

Иногда как холодная война, иногда как прямые столкновения эта игра протекала во всей Азии. С запада на восток, от сражений в Османской империи до Персидской, от ханства Туркестан в Центральной Азии до горных районов Афганистана, вдоль границ с Индией.

Британия казалась успешной в защите Османской империи. Она защитила Константинополь и проливы от русских; и в Крымской войне (1853–56) и в Берлинском конгрессе (1878) Великобритания закрепила свои успехи. Иначе обстояло дело с Персидской империей. За десятилетия борьбы первой части девятнадцатого века, Россия завоевала Закавказье и окончательно закрепились в Грузии, Черкесии, части Армении и Азербайджана. Угроза, исходящая от Российской империи была куда существенней, чем от британцев, поэтому персидские шахи быстро попали под влияние царской власти. Но она, из-за опасения ответных действий британского правительства, не стремилось развивать успех [5, с. 142].

А во второй половине девятнадцатого века Российская империя начала планомерное продвижение в Среднюю Азию: за счёт ханств Хивы, Бухары и Коканда в Западной Туркестане, и Туркменской племенной области (так, тогда назывался Закаспий). Британцы только высказали протест. Но они очень яростно реагировали на любые намёки на присутствие влияния России в областях, граничащих с Индией. Из-за сведений о деятельности русских агентов в Афганистане, Великобритания дважды вторгалась в него — первая афганская война (1838–42) и вторая афганская война (1878–80); а когда Россия призвала Персию выступить против Афганистана, Великобритании приняла решительные меры в 1838 и в англо-персидской войне (1856–57). Когда российские пограничные патрули достигли афганской границы, в условиях афганского кризиса 1885, Великобритания и Россия сами почти начали войну.

Библиографический список

1. Bourne, Kenneth. The foreign policy of Victorian England, 1830–1902. London, 1970.
2. John Howes Gleason, The Genesis of Russophobia in Great Britain. London, Cambridge: Harvard University Press, 1950.

3. Мортон А. Л. История Англии. М.: Издательство политической литературы, 1950.
4. Фурсов К. А. Две империи. Экономическая политика колониальных держав в Русском Туркестане и Британской Индии во второй половине XIX — начале XX в. (научный доклад). М.: Институт экономики РАН, 2009.
5. Пирс Брендон. Упадок и Разрушение Британской империи 1781—1997 г. М.: Астрель, 2011.

А. А. Чибисова

Московский государственный университет

ВОПРОС О КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМ ПАТРИАРХАТЕ НА ЛОЗАННСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Рост национализма в Европе после окончания Первой мировой войны вызвал новое обострение греко-турецких противоречий. В межвоенный период Константинопольская патриархия являлась серьезным камнем преткновения между двумя странами. Константинопольский Патриархат в бывшей Османской империи был не столько духовным, сколько политическим институтом, представляющим интересы православной (преимущественно греческой) общины. Поэтому с оккупацией войсками Антанты Стамбула Константинопольский патриархат продемонстрировал свою политическую приверженность Греции и предпринял ряд действий, носящих ярко выраженный антитурецкий характер [7]. Внезапное поражение Греции в ходе греко-турецкой войны в Малой Азии поставило под угрозу само существование патриархата. Константинопольский патриарх воспринимался в качестве рассадника греческого национализма и антитурецкой пропаганды [14, с. 319, 321]. В связи с этим не удивительно, что проблема патриархии была поставлена турками на повестку дня Лозаннской мирной конференции, которая начала работу в ноябре 1922 года.

Во время обсуждения вопроса о двустороннем обмене населением между Турцией и Грецией турецкая делегация выдвинула ряд условий, наиболее болезненным из которых стало требование удалить Константинопольского патриарха вместе со всей структурой патриархата за пределы Турции [14, с. 331]. Попытки западных держав вразумить турецкую делегацию ни к чему не привели. В работе подкомиссии сложилась патовая ситуация. Новый сдвиг произошел только в конце декабря, когда французская делегация вынесла на повестку дня новое предложение, согласно которому патриарх должен был лишиться всех своих прежних политических функций и ограничиться лишь должностью председателя всего православного христианства [14, с. 334–335].

10 января 1922 года на очередном заседании. Председатель конференции Дж. Керзон поддержал французское предложение, заявив, что «если же патриарший престол покинет Константинополь, это станет шоком для совести всего цивилизованного мира» [14, с. 319]. Находясь под столь сильным давлением союзников, Турция вынуждена была отступить. Будучи еще недавно непреклонным (всего за пять дней до этого в одном из интервью главы турецкой делегации Исмет Инёню прозвучало заявление, что он не разрешит ни под каким предлогом греческим организациям, которые показали, что стоят на службе у эллинизма, остаться в городе [21, с. 9]), Исмет Инёню снял требование об удалении патриархата с повестки дня на предложенных союзниками условиях [11]. Таким образом, власть Константинопольского патриархата свелась к минимуму.

В ходе обсуждений в Лозанне начал складываться новый образ Фанара как центра православного мира. Этому способствовало несколько факторов. Во-первых, политики, в поисках аргументов, часто ссылались на церковное право, подчеркивая невозможность удаления патриархата из Константинополя «с канонической точки зрения» [14, с. 324]. Греки настаивали на том, что решение об удалении патриархата из Константинополя может быть принято только на новом Вселенском Соборе, любые решения, которые примет политическая конференция не будут иметь никакой юридической силы [14, с. 335].

Во-вторых, особую роль играла пресса. Газеты разных стран буквально кипели сообщениями о выселении греческого патриарха из Константинополя. О масштабах шумихи, которая возникла вокруг этой темы, свидетельствуют не только ежедневные публикации в английских, французских, итальянских, американских и греческих газетах. Резонанс был настолько силён, что докатился даже до Советской России [2, 3, 6]. Пресса тиражировала образ «греческого папы» [13, с. 1] в лице патриарха Константинопольского, выстраивая постоянные параллели между Константинополем и Римом [1, с. 41; 15, 16].

Лозаннские переговоры беспокоили и церковное сообщество. Забеспокоились Иерусалимский и Александрийский патриархаты [19, с. 10], глава русского Синода за границей митрополит Антоний (Храповицкий) отправил послание участникам Лозаннской конференции, в котором из-за весьма вольной трактовки 17 правила Халкидонского собора и буквального употребления термина «вселенский» сделал Константинопольского патриарха владыкой всей вселенной и верховным судьей над всеми епископами [5, с. 1–2]. Патриарх Мелетий (Метаксакис) вел активную переписку, пытаясь привлечь сторонников. Особую надежду Мелетий возлагал на давнего союзника Фанара — архиепископа Кентерберийского Рэнделла Давидсона [21, с. 474; 20]. Давидсон уверял Мелетия в горячей поддержке, однако особой роли в разрешении сложившейся ситуации не сыграл, ограничившись письмами на имя Керзона [18].

Решение, принятое в Лозанне вызвало всеобщее одобрение [10, с. 11; 17, с. 11], но отнюдь не единогласно было поддержано турками. «Ни Лозаннская конференция, ни англиканская церковь, ни любая другая сила не сможет предотвратить отправку в далёкие дали патриархата и уберечь греков от наказания», — писала она из радикальных турецких газет [8, с. 94], а 1 июня 1923 года при попустительстве турецкого правительства было совершено нападение на Фанар [4, с. 38–39; 9, с. 8; 12, с. 12]. 24 июля 1923 года был подписан Лозаннский договор, в итоговом тексте которого не содержится статей, которые бы регулировали статус Константинопольского патриарха. В итоге договоренности, достигнутые в Лозанне, так и остались устными. Очевидно, что таким образом турки развязали себе руки, сделав отныне отношения между Анкарой и Фанаром внутренним делом суверенного государства. Греки, потерпевшие поражение в Малой Азии, были не в состоянии настаивать на письменном подтверждении договоренностей, европейские державы были рады снять вопрос с повестки дня, поскольку больше были заинтересованы в решении других проблем, касающихся проливов и мосульской нефти. В то же время именно во время работы Лозаннской мирной конференции были заложены основы для будущей концепции о вселенском статусе Константинопольского патриархата, которая до сих пор вызывает массу вопросов и у церковного сообщества и у Анкары.

Библиографический список

1. Ермилов П. В. Происхождение теории о первенстве Константинопольского патриарха//Вестник ПСТГУ. I: Богословие. Философия. Вып. 1 (51). 2014.
2. Лозаннская конференция. Вопрос о национальных меньшинствах// Известия ВЦИК, 22.12.1922.
3. Лозаннская конференция. Соглашение о патриархате//Известия ВЦИК, 13.01.1923.
4. Нанакис А. История вселенского константинопольского патриархата в XX столетии//Православная церковь в странах Восточной Европы. XX век. Киев, 2010.
5. Письмо господину Президенту Лозаннской конференции//Церковные ведомости. Сермски Карловци. 1923. № 1–2.
6. Союзники отказались от своих главных требований в вопросе о национальных меньшинствах//Известия ВЦИК, 12.01.1923.
7. Шкаровский М. В. Константинопольский Патриархат и его отношения с Русской и Болгарской Православными Церквями в 1917–1950-е гг. //URL: Ресурс: http://ippo.ru/holy-land/v_p/konst/1/(дата последнего обращения: 16.09.2014).
8. Alexandris A. The Greek minority of Istanbul and Greek-Turkish relations 1918–1974. Athens, 1992.
9. Attack on Greek Patriarch. Measures to secure future safety. Test of Turk sincerity//The Times. 18.06.1923.

10. Compromise at Lausanne//The Times. 11.09.1923.
11. Cyber Telegram to Sir Byre Crowe (Foreign Office) № 192. January 10th. 1923//The National Archives of the UK. FO 839/35.
12. Greek Patriarch attacked. Constantinople disorder//The Times. 02.06.1923.
13. Greek recognize Church Patriarch Metaxakis again is “Greek Pope”//San Francisco chronicle.04.10.1922.
14. Lausanne conference on Near Eastern affairs 1922–1923. Records of proceedings and draft terms of peace. London, 1923.
15. Metaxakis elected Greek Patriarch will resume at Alexandria title stripped from him by the Turks//The New York Times. 13.06.1926.
16. Metaxakis elected Greek Patriarch. Venizelist sojourning here elevated to the Highest Office in his Church//The New York Times. 10.12.1921.
17. The Greek Patriarch//The Times. 17.01.1923.
18. The letter from Old Palace, Canterbury. December 21st, 1922//The National Archives of the UK. FO 839/35.
19. The patriarchate. A French proposal//The Times. 27.12.1922.
20. The patriarchate in Constantinople. Exchange of telegrams//The Times. 23.12.1922. P.8. The Greek Patriarch//The Times. 17.01.1923.
21. The problems at Lausanne. Ismet Pasha’s views. Allies and the straits.// The Times. 05.01.1923.
22. Πери την συνδια΄σχεψιν της Λωζαννης//’Εκκλησιαστικη΄ ’Αλη΄φεια, 1922.

А. В. Филинов

Московский государственный университет

ВОСПРИЯТИЕ СОВЕТСКОЙ РУКОВОДЯЩЕЙ ЭЛИТОЙ ЯПОНИИ В ПЕРИОД МАНЬЧЖУРСКОГО КРИЗИСА (1931–1935 гг.)

После оккупации Японией Маньчжурии в сентябре 1931 г., а затем создания в марте 1932 г. на территории Северо-Восточного Китая марионеточного государства Маньчжоу-Го (Маньчжоу-ди-го с 1-го марта 1934 г.) взаимоотношения между СССР и Японией вступили в новый этап. Потенциальная угроза военного противостояния на Дальнем Востоке в значительной степени влияла на советскую внешнюю и внутреннюю политику. Важным элементом этого нового курса были длительные переговоры и последовавшая за ними в марте 1935 г. продажа СССР Японии Китайской Восточной железной дороги.

Исследование ситуации на Дальнем Востоке вообще и советско-японских отношений в частности, занимает достаточно важное место в современной российской и зарубежной историографии. Здесь следует отметить в первую очередь статьи и публикации документов А. С. Лож-

киной, посвящённые формированию образа Страны Восходящего солнца в СССР в 1931–1939 гг. [12, 20, 21, 22, 23]; статью Ю. Георгиева о том, как И. В. Сталин изучал Японию [19], работы Г. А. Бордюгова [18], Б. М. Орлова [25], М. М. Минца [24] о восприятии Японии высшим руководством в качестве вероятного военного противника.

Актуальность исследования заключается в использовании неопубликованных архивных материалов [1, л. 10–14], позволяющих реконструировать представления о Японии, которые имели место среди высшей советской политической и военной элиты в первой половине 1930-х гг. Эту задачу необходимо решить, поскольку в имеющейся на данный момент литературе далеко не всегда должное внимание уделяется выявлению механизмов выстраивания конкретной линии поведения руководства СССР по отношению к тем или иным проблемам во внутренней и внешней политике на Дальнем Востоке.

Исходя из материалов, имевшихся в распоряжении советских политических и военных лидеров, на основании которых отчасти и формировалось представление о Японии, можно выделить несколько видов источников: личная переписка [15, 17]; сообщения военной разведки и органов госбезопасности [8, 10, 13]; протоколы заседаний Политбюро и материалы так называемой «Особой папки» [4, 16].

В целях изучения точки зрения руководства Красной Армии возможно привлечение материалов Военного совета при народном комиссаре обороны СССР за 1934–1935 гг. [3, 4]. Ещё один немаловажный источник, с помощью которого советские лидеры (и, в частности, сам И. В. Сталин) получали некую информацию о Японии, это специальная литература [2].

Что касается открытых источников, с помощью которых советское руководство ретранслировало уже сформировавшиеся у него представления в сторону остальной части населения СССР, то примерами могут послужить стенограммы выступлений на XVII-м съезде ВКП (б) в 1934 г. [14], а также сборники статей и произнесённых речей В. К. Блюхера [3], К. Е. Ворошилова [7], М. М. Литвинова [9], В. М. Молотова [11].

Существовали и иные каналы получения информации, которые пока не затронуты нашим исследованием, но тем не менее существуют и в большей или меньшей степени доступны для разработки. Это, в частности, ежедневные обзоры иностранной прессы; сообщения, подготовленные Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей (ВОКС); информационные сводки Телеграфного агентства Советского Союза; встречи членов Политбюро с представителями иностранных отделов, с дипломатами [21, с. 95–96, 97–98]. В качестве интересного примера получения и анализа информации, а также механизма выработки советскими руководителями линии поведения в отношении Японии, можно привести стенограмму беседы М. И. Калинина с представителями ИНО ОГПУ в мае 1934 г. [12; 21, с. 91].

Библиографический список

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 120. Д. 44.
2. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Дд. 48, 49, 98.
3. Блюхер В. К. Статьи и речи. М., 1963.
4. ВКП (б), Коминтерн и Япония. 1917–41 гг. М., 2001.
5. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР: декабрь 1934 г.: документы и материалы: [сборник] М: РОССПЭН, 2007.
6. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР: декабрь 1935 г.: документы и материалы. М: РОССПЭН, 2008.
7. Ворошилов К. Е. Статьи и речи. М., 1937.
8. Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы. СПб; М., 2000.
9. Литвинов М. М. Внешняя политика СССР. Речи и заявления. 1927–37 гг. М., 1937.
10. Лубянка: Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД, январь 1922 – декабрь М., 2003.
11. Молотов В. М. Статьи и речи 1935–36 гг. М., 1937.
12. «Нам было бы очень выгодно подражаться с Японией и основательно побить её». Стенограмма беседы М. И. Калинина «с группой приглашённых товарищей». 1934 г. //Исторический архив. 2008. № 6.
13. Пограничные войска СССР 1929–38 гг. сб. док и материалов. М., 1972.
14. Семнадцатый съезд ВКП (б). Стенографический отчёт. М., 1934.
15. Сталин и Каганович: Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001.
16. Сталинское Политбюро в 30-е гг. Сб. док. М., 1995.
17. Советское руководство. Переписка. 1928–41 гг. М., 1999.
18. Бордюгов Г. А. Гитлер приходит к власти: новые доминанты внешнеполитических решений сталинского руководства. 1933–34 гг. // Отечественная история. 1999. № 2.
19. Георгиев Ю. Как И. В. Сталин изучал Японию. //Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 2.
20. Ложкина А. С. Представления советской военной элиты о Японии в 30-е гг. XX в. //Историки размышляют. Сб. Статей. Вып. 6. Изд-во Моск. Ун-та. М., 2008.
21. Ложкина А. С. Формирование образа Японии в политическом сознании советского руководства 1930-х гг. //Вестник МГУ. Серия 21. Управление. 2008, № 4.
22. Ложкина А. С. Япония в представлениях высшего советского руководства 30-х гг.: мифотворчество и прагматизм. //АИРО-XXI. – Япония. Ежегодник. 2008.
23. Ложкина А. С. Япония в представлениях советского военного руководства 30-х гг. //Известия Алтайского госуниверситета. Серия история, политика. 2008. № 4/5.
24. Минц М. М. Представления советского военно-политического ру-

ководства о составе вероятных противников СССР в будущей войне (кон. 1920х — нач. 1940х гг.) // Военно-исторический архив. 2012. № 8.

25. Орлов Б. М. В поисках союзников: командование Красной Армии и проблемы внешней политики СССР в 30-е гг. // Вопросы истории. 1990. № 4.

Е. А. Ковалёва

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ВОЛГОГРАД И КОВЕНТРИ: НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

В годы противостояния капиталистической и социалистической систем люди из противоборствующих блоков стремились вопреки политическим преградам прийти к взаимопониманию и не допустить новой войны. Международные контакты и связи посредством реализации научных, культурных, образовательных программ — вся многообразная деятельность по взаимодействию с гражданским обществом и аудиториями зарубежных стран — стала трактоваться как народная дипломатия [1, с. 1].

Одним из ключевых направлений народной дипломатии является движение городов-побратимов, появившееся в годы Второй Мировой войны.

Дружба между Сталинградом и Ковентри зародилась в результате желания жителей английского города поддержать Советский союз в борьбе с фашизмом [2, с. 28]. Но инициатива Ковентри и его предложения по развитию дружбы на протяжении 1940-х годов оставались без ответа, так как советский город был занят проблемами восстановления хозяйства.

В начале 1950-х годов произошел поворот во взаимоотношениях. Два города, столкнувшись с ужасами войны, написали совместное обращение в ООН о запрете атомного и водородного оружия [3, с. 5]. Несмотря на то, что их резолюция была проигнорирована международной организацией, Ковентри и Сталинград показали свою готовность к сотрудничеству в борьбе за мир и дальнейшему укреплению дружбы.

Обмен делегациями, состоявших из членов муниципалитетов, позволял представителям двух городов познакомиться с экономической, культурной и политической жизнью своего побратима. Общение между городами не прекращалось даже в годы международных кризисов: несмотря на обострившуюся внешнеполитическую ситуацию осенью 1956 года, и активизацией деятельности противников дружбы с СССР в Ковентри, Комитет англо-советского единства расформировать им не удалось. Рядовые жители города выступили в поддержку дружбы со Сталинградом [4, с. 61]. В 1968 году муниципалитет города Ковентри

писал «мы глубоко сожалеем о последних действиях против Чехословакии... и просим жителей Волгограда, чтобы сделали все возможное и воздействовали на Ваше правительство с тем, чтобы не делалось ничего, что могло бы мешать страстному желанию простых людей везде на земле — к дружбе, свободе, миру. ...Пусть дружба, свобода и мир останутся по-прежнему нашей целью независимо от временных неудач» [5, с. 18].

На взаимодействие между муниципалитетами влиял другой фактор: политические и идеологические убеждения людей, входящих в городской Совет Ковентри. После 1955 года связь между городами ослабла, МИД СССР напрямую связывало это с личностью нового мэра Т. Дюиса, который считал, что побратимство может помешать его карьере [6, с. 40]. Также отношения между городами «охладели» в середине семидесятых, что во многом связано с позицией лорд-мэра Ковентри Гарри Ричардзом, который в 1979 году отказался от поездки в Волгоград [7, с. 2].

Несмотря на интерес коventрийцев разных социальных кругов к жизни советских людей, русской культуре и искусству, о котором свидетельствуют письма английских граждан (например, деревенский житель Д. Девис, получив учебники русского языка от горисполкома Сталинграда, самостоятельно выучил русский язык и с увлечением читал советскую литературу. Он даже перевел на английский несколько рассказов Чехова [8, с. 10]) большая часть жителей (прежде всего Сталинграда-Волгограда, где не было общественных организаций, специализирующихся на взаимодействии с зарубежным обществом) не были включены во взаимодействие между городами.

Решением этого вопроса стало создание в 1959 году Волгоградского областного отделения общества дружбы «СССР-Великобритания», коллективными членами которого стали школы города, кафедры английского языка Волгоградских институтов и промышленные и сельскохозяйственные предприятия города [9, с. 29]. Данные предприятия и учебные заведения создавали у себя Клубы интернациональной дружбы (КИДы) и устанавливали связь с подобным заведением в Ковентри. Общество дружбы занималось приемом и встречей туристов из Великобритании, организацией Вечеров дружбы и встреч с людьми, побывавшими в английских городах. В 1969 году Союз Советских обществ Дружбы порекомендовал горкому КПСС преобразовать состав общества и «оставить во главе политически зрелых, авторитетных, активных коммунистов», что привело к более строгому контролю со стороны партии за деятельностью общества [10, с. 22].

Благодаря активной деятельности общества дружбы и первичных клубов интернациональной дружбы развивалось взаимодействие между школьниками, молодежью, рабочими, деятелями культуры и науки родственных городов. Оно осуществлялось прежде всего в ходе культурного взаимодействия. Значительное место занимал также образовательный туризм: языковые стажировки преподавателей и студентов.

Ковентри и Волгоград, являясь членами Всемирной Федерации Породненных городов, активно принимали участие в международных проектах: В 1969 году в Ковентри проходил международный Молодежный форум, который обсуждал актуальные вопросы молодежи, оказавшейся в духовном кризисе после революций 1968 года [11, с. 13] в 1983 году делегация Волгограда приняла участие в Международном молодежном форуме в рамках Фестиваля мира, посвященном 43-й годовщине бомбардировке Ковентри.

Таким образом, дружба Ковентри и Волгограда, положившая начало движению породненных городов, стирала противоречия и стереотипы, порожденные противостоянием двух систем и была ответной реакцией общества на холодную войну.

Библиографический список

1. Мухаметшин Ф. Народная дипломатия: взаимопонимание во имя развития//Литературные известия. 2010. № 37.
2. Белов Д. А. Сталинград в оценке общественности Великобритании и США. 1942–1945 гг. Волгоград-Самара, 2011.
3. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф.71. Оп. 1. Д. 1486 а.
4. Туманов, Ю. П. Сталинград-Ковентри – Сталинград, 1958 г.
5. ГАВО. Ф. 71. Оп. 4. Д. 467.
6. ГАВО. Ф. 71. Оп. 3. Д. 222.
7. Вечерний Волгоград. «Не дал бы дуба этот дуб». 23 апреля 1994 г.
8. ГАВО. Ф.71. Оп. 1. Д. 1486 в.
9. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф.6873.Оп. 1. Д. 11.
10. ЦДНИВО. Ф.6873.Оп. 1. Д. 37.
11. ГАВО. Ф. 71. Оп. 4. Д. 466.

СЕКЦИЯ II. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ

М. М. Гумеров

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

ЯНЫЧАРСКИЙ БУНТ 1703 ГОДА В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ДОНЕСЕНИЙ П. А. ТОЛСТОГО

На протяжении всей своей дипломатической миссии в Османской империи с 1702 по 1714 гг. [5, с. 3]. Пётр Алексеевич Толстой выполнил огромную работу. До нас дошли описания, которые он сделал по социальной, экономической, политической сферам общественной жизни страны [1, с. 192].

Наше особое внимание привлекло событие под названием «Янычарский бунт», которое произошло в 1703 году. Граф Толстой дает наем подробнейшее описание произошедшего. В отдельных письмах, отправленных им Федору Алексеевичу Головину, он указывает свое видение причин, хронологию, отдельные факты, события и итоги. Во многом его описания носят объективный характер. Большинство фактов по данной проблеме сходятся с исследователями данной проблемы как с запада, так и с самой Турции.

Рассматривая янычарского бунта 1703 года, Петр Алексеевич заранее определил возможные причины и поводы его возникновения, относя к ним в том числе и разгульный образ жизни самого султана Мустафы II. В одном из писем он пишет о султани: «все свои дела положил на своего крайняговезира.. а прилежание и охоту большую ни к воинским, ниже к духовным делам, ниже ко управлениям домовым имеет, но внутри дому своего забаву держит, разных жен, с которыми безразлично веселится...», а также «... охоту имеет великую в ловитвах за зверми... и в различных ловлях чинит великий расход и казна народная велми отягчилась такими расходы» [4, д. 2, л. 450]. Как возможную причину он также указывает на чрезмерное злоупотребление своими полномочиями шейх-уль-исламом Фейзуллах-эфенди, хотя прямо об этом не говорит. Пользуясь своим влиянием на султана Мустафу II, он все важные религиозно-судебные должности, таких как муфтиев, кадиаскеров и других, заполнил своими сыновьями, родственниками, друзьями [2, с. 144]. В то же время все лица, которых Фейзуллах подозревал в нелояльном отношении к нему, высылались из Стамбула в глухие уголки Анатолии. Назначение на гражданские должности, вплоть до великого визира, тоже производилось по рекомендации муфтия [3, с. 185]. Граф Толстой пишет: «Сего, государь, июля в 10 день пришла к Порте ведомость из Константинополя, что тамояныччане

забунтовали, и многих честных людей побили и домымногия разграбили. А учинился тот бунт на муфтия с детьми его, и уже помышляют янычаны и на салтана, и зовут его в Константинополь говоря чтоб приехал жить в Константинополь, понеже царствующий град, где и надлежит быть величеству ево, зане и время суть покойно 150, а ежели де не приедет, мы де в Константинополя учиним нового салтана» [4, д. 2, л. 462]. В этом же отрывке он указывает, что бунтовщики требуют, чтобы столицей снова стал Константинополь. Анализируя причины бунта, граф предполагал, что против государства могли выступить значительные группы столичного городского населения, в особенности торговцы из-за перенесения столицы в Адрианополь. Всего Петр Алексеевич говорит, что участвовало более 100 тысяч бунтовщиков. «... доношу милости твоей, как я писал тебе, государю моему, сего июля в 12 день, еже учинилось от янычан в Константинополе смятение, и до днес по всяк день прирастало, и уже превеликой огонь разгорелся и преселное возмущение чинится, не от одних янычан, но и другие служивых чинов люди с теми мятежники соединились, и уже Константинополь наполнился теми бунтовщиками, сказывают есть их болши ста тысяч, а во Андрианополи новой чиненной везирьМегметь паша вступил в правительво зело ко всем ласково и разсмотрително, понеже человек зело разумен» [4, д. 3, л. 416].

Общий ход бунта Граф Толстой описывает скудно. Во многом это не его вина. Несколько раз он жалуется в письмах на негативное и пренебрежительное к нему отношение. Указывал, что его отдалают от царского двора. Также надо сказать, что за 1710–1713 гг. Пётр Алексеевич дважды просидел в Семибашенном замке, из-за несколько осложнившихся отношений между Турцией и Россией в годы Северной войны. Из отдельных отрывков мы можем узнать, что попытки султана поднять жалование янычарам не привели ни к каким успехам. Видимо, неудачные войны с европейской антитурецкой коалицией, безответственное правление Мустафы II и деятельность его подопечных оказали слишком большое давление на сознание бунтовщиков. Также Граф Толстой почти не упоминает о каких-либо кровопролитных эпизодах. И только в одном случае, касаясь гибели главной жертвы бунтовщиков он пишет так «Муфтия, государь, казнили, отсеки голову. Тело ево волочили по городу и по полям с великим поругательством, а детей ево да селихтара да кызлар агу держат в тюрьме» [4, д. 2, л. 283–285]. Далее он пишет «Мятежники константинопольские наущением нововыбранного муфтия желают инога салтана и намереваются учинить салтаном брата сего салтанамалолетнасуца, толко десяти лет» [4, д. 2, л. 450].

Последнее письмо, которое соответствует янычарскому бунту датируется 27 августа 1703 года. В нем приводится следующий итог «Августа в 11 день пришли во Андрианополь бунтовщики, и салтана Мустафу посадили за караул, а на ево место обралисалтаном брата ево родного Агметсалтана, а везиряучинили Агмет пашу, прежнему везирюГусейн

паше зятя; и янычанам всем дали жалованье по сороку левков человеку» [4, д. 3, л. 426–427].

Таким образом, мы можем сделать следующий вывод. В целом работа, которую проделал, перед и в ходе бунта Петр Алексеевич Толстой – уникальна. Об этом нам говорит не только общий набор фактов о переменах в высшем руководстве Турции, которые он, несмотря на всю сложившуюся ситуацию, быстро смог собрать в ходе кризиса и вовремя преподнести Российской империи, но и глубина анализа им поводов, идейных обоснований и причин бунта. Благодаря его трудам мы имеем возможность ознакомиться с внутренней ситуацией и политическими перипетиями Османской империи глазами хорошо образованного и грамотного очевидца-наблюдателя в период с 1702 по 1714 гг. Касательно данной тематики, у графа Толстого четко выделен ряд причин и поводов бунта, выделена важнейшая часть событий и итог, данные по личностям участников событий. Конечно, определенная часть информации осталась за пределами его видения, но его описания изменений в экономической, социальной, политической и других сферах жизни общества перед, в ходе и по итогам бунта, имеют и будут продолжать иметь важнейшее значение в анализе истории политического и социально-экономического развития Турции во второй половине XIX века.

Библиографический список

1. Новичев А.Д. История Турции: в 4 тт. Т. 1. Эпоха феодализма (XI–XVIII вв.). М.: Наука, 1963. 284 с.
2. Очерки по истории Турции/М.А. Гасратян, С.Ф. Орешкова, Ю.А. Петросян; под ред. А.М. Шамсутдинов. М.: Наука, 1983. 279 с.
3. Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. М.: Наука, 1990. 234 с.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 89. Турецкие дела, 1703. Оп. 1.
5. İsmail Bülbul. Osmanlı Belgelerine Göre Rus Elçisi Tolstoy'un Faaliyetleri. Balıkesir: Sosyal Bilimler Enstitüsü Tarih Anabilim Dalı, 2007, 100 s.

Ю. В. Арапова

Самарский государственный университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САМАРСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ ПО ЛИКВИДАЦИИ БЕЗГРАМОТНОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Руководство города Самары в конце XIX – начале XX века проводило политику, направленную на создание сети образовательных учреждений, так как нуждалось в квалифицированных специалистах. В городе Самаре увеличилось количество печатных изданий, расширилась

литературная деятельность, постепенно росла грамотность городского населения. Устраивались всевозможные народные чтения, лекции для разных слоев населения, образовывались литературные кружки сообщества, открывались типографии, библиотеки-читальни, которые сыграли важную роль в ликвидации безграмотности.

«Народные чтения» (лекции, беседы на популярные темы для населения) первоначально проводились в здании городского театра Самарской городской Думы. «Благодаря частным пожертвованиям и денежной помощи Самарской Думы чтения приняли самое желательное развитие. Они привлекали множество посетителей. Бывали чтения, на которые собиралось более тысячи слушателей» [5, с. 107]. Активное участие в работе кружка «народных чтений» принимали В. О. Португалов, Н. М. Федоров, П. А. Арапов, П. О. Крылов и другие [6, л. 984–985]. Большинство из них являлись гласными Самарской городской Думы.

2 февраля 1895 г. в Самаре состоялись очередные «народные чтения», на которых гласный Думы П. А. Арапов прочитал собравшимся лекцию «О Суворове». «Чтение сопровождалось туманными картинами, в заключение были показаны комические туманные картины с объяснениями...». Присутствовали 980 посетителей [5, с. 165; 8, л. 120 об.].

Таким образом, «народные чтения» с каждым годом приобретали все большую популярность, только в течение 1897 года в Самаре, в городском театре, было 20 «народных чтений», одно литературное утро и один «народный спектакль». «Чтения», концерты и спектакли посетили 23788 человек, «в среднем по 1082 посетителя» на представление. «Год от году чтения развиваются, – с удовлетворением отмечала «Самарская газета» [4, с. 45]. С развитием чтений в геометрической прогрессии росла и грамотность городского населения.

Немалое значение Самарская городская Дума придавала вопросам развития библиотечного дела. Крупнейшей в Самаре Публичной библиотекой управлял комитет, составленный из членов городской Думы. В рассматриваемый период создавались книжные склады с целью обеспечения населения книгами (кстати, доходы, полученные от продажи книг, предназначались для поощрения учителей, а также учеников, успешно окончивших школу), устраивались воскресные школы, повторительные курсы для взрослых, вечерние классы. Все эти меры, несомненно, способствовали повышению уровня грамотности населения, что особенно важно было для такого аграрного региона как Среднее Поволжье. Так как образование населения должно было лечь в основу практического разрешения назревших задач, поскольку невежество и рациональное хозяйство – два совершенно исключаящие друг друга понятия [3].

Сознавая, что грамотность горожан определяет в конечном итоге успех социально-экономических преобразований в городе, органы городского самоуправления несли основные расходы на содержание средних учебных заведений. Доходы Самары как губернского города позво-

ляли содержать больше учебных заведений и предоставлять учителям более высокое жалованье, чем в других начальных школах губернии. В 1894–1895 гг. учителя восьми мужских и учительницы шести женских городских приходских училищ Самары получали по 500 руб. в год (отметим равную оплату труда вне зависимости от пола), а помощницы учительниц – по 360 руб. [7, л. 7] При необходимости учителя получали разовые вспомоществования. Так, 15 мая 1881 г. Самарская Дума постановила выдать из городских средств пособие в размере 100 руб. на лечение учителю 1-го мужского приходского училища Тихвидову, принимаемая во внимание его болезненное состояние, бедность и восьмилетнюю полезную деятельность на своей должности [2, с. 49]. Рост школ давал уже качественные перемены к лучшему в состоянии образованности в целом. Если грамотными среди населения Самары в 1897 г. были пока еще менее половины жителей, то училось в разных учебных заведениях уже более 90 % всех детей в возрасте от 8 до 11 лет [1, с. 395–401].

Однако городу остро не хватало высших учебных заведений, о которых заговорили в конце XIX в. Самарская городская Дума совместно с общественностью города ходатайствовала перед органами власти имперской России об открытии в губернии института. Образовалось целое сообщество «Самарское общество народных университетов», в которое входили образованные активисты города, занимающие высокие посты. Немаловажную роль в решение данного вопроса сыграл и тот факт, что в конце XIX–XX вв. город Самара уже являлся культурным центром. Все эти обстоятельства позволили добиться открытия земского женского педагогического института в 1911 г., который в дальнейшем переименован в Высший женский педагогический институт. А спустя год в 1914 г. император подписал долгожданный приказ об открытии политехнического института в городе Самаре. Было положено начало развития высшего образования в городе и губернии в целом.

Таким образом, конец XIX – начало XX вв. стал для города периодом развития народного образования и просвещения. Уровень грамотности городского населения с каждым годом возрастал, что, несомненно, положительно повлияло на социально-экономическое положение города Самары.

Библиографический список

1. Дмитриева Э. Я., Савельев П. И. Образование и воспитательная среда//Самарская область: учеб. пособие. Изд. 3-е. Самара, 2001.
2. Народное образование Самары.
3. Румянцева Н. М. Развитие инфраструктуры Среднего Поволжья в период промышленного подъема в 90-е годы XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1998.
4. Самарская губерния: день за днем...1896–1900 годы. Хроника событий/сост. А. Н. Завальный, П. С. Кабытов, Ю. Е. Рыбалко. Самара: Изд-во «Универс-групп», 2006.

5. Самарская губерния: день за днем... 1891—1895 годы. Хроника событий./Сост. А. Н. Завальный, П. С. Кабытов, Ю. Е. Рыбалко. Самара: Изд-во «Универс-групп», 2004.
6. ЦГАСО. Ф.5. Оп. 12. Д.125.
7. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 43. Д. 2.
8. ЦГАСО. Ф.3. Оп. 182. Д. 1.

Е. С. Хорьякова

Самарская академия государственного и муниципального управления

ИНСТИТУТЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮСТИЦИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Проблема законности в государственном управлении не теряет своей актуальности. Еще на этапах становления системы органов государственного управления требовался жесткий контроль над их деятельностью, и одним из результатов такого контроля стало образование органов административной юстиции.

Можно обоснованно утверждать, что в России, также как в Западной Европе, зачатки административной юстиции встречались в Средние века. Эти «зачатки» представляли собой лишь единственный орган, — Челобитный Приказ, выступавший в качестве надзорного органа [6, с. 62]. По мнению С. А. Корфа, административная юстиция исторически всегда зарождалась именно среди функций власти надзора [5, с. 6—7]. В 80-е гг. XVII века Челобитный приказ был упразднен; некоторое время в России органов надзора «за властью» не имелось вовсе.

Впоследствии административная юстиция «возродилась» уже в виде системы органов: Сената, фискалов, прокуратуры. Петр I наделил Сенат функцией «высшего надзора за исполнением законов». Чтобы сдерживать произвол Сената в 1722 году император учредил должность генерал-прокурора. В обязанности этого чиновника вменялось «накрепко смотреть, дабы Сенат должность во всех делах поступал порядочно» [2, с. 8—9.].

В петровскую эпоху единая система органов административной юстиции не оформилась окончательно: после смерти Петра I фискалы были устранены, прокуратура начала носить формальный характер. Сенат стал верховным административным, надзорным и судебным органом, и больше не мог беспристрастно исполнять возложенные на него полномочия.

Именно это и способствовало проведению реформы 1763 года. Она сделала Сенат исключительно административно-судебным органом. Такая специализация Сената способствовала упорядочению надзора на местном уровне, где его осуществляли генерал-губернаторы, губернаторы, гу-

бернские прокуроры. Таким образом, в России к концу XVIII века сформировалась определенная система органов административной юстиции на высшем и местном уровнях власти, которые оказались более устойчивыми.

В дальнейшем ослабление Сената продолжилось путем передачи контрольно-надзорных полномочий в руки генерал-прокуроров. С одной стороны, это способствовало росту злоупотреблений представительной власти, с другой стороны, способствовало принятию оперативных решений столь нужных местной власти. В это же время менялся и способ выбора объекта надзора. Теперь он осуществлялся как сверху, так и снизу: и надзорные органы сами выбирали объект своего контроля, и поданные путем жалоб давали повод для его осуществления.

Неэффективность работы института рассмотрения жалоб привела к тому, что в начале XIX века Сенат вновь стал главным надзорным органом. Накопленный опыт позволил Александру II после проведения судебной реформы нормативно закрепить понятие административной юстиции: «делами судебно-административными признаются такие из подлежащих ведению Первого Департамента Сената, которые имеют предметом своим личные или имущественные права частных лиц, обществ и установлений, когда дела сии восходят вследствие возбуждения самими административными учреждениями вопросов или вследствие жалоб на нарушения административной властью личных или имущественных прав» [4, с. 84—85].

На местном уровне судебная реформа установила способ рассмотрения споров смешанными губернскими присутствиями. Но их функционирование при отсутствии процессуальных основ не отличалось регулярностью и постоянством [1]. Таким образом, уже наметилась тенденция перехода разрешения административных дел судебными органами.

Через некоторое время система административной юстиции «созрела» для создания собственной системы судов. В начале XX века появилось большое количество проектов реформирования органов административной юстиции. И уже 30 мая 1917 г. Временным Правительством было принято «Положение о судах по административным делам», согласно которому административные дела рассматривались административными судьями, окружными судами и Правительствующим Сенатом. Впрочем, до практического воплощения нового правового института дело так и не дошло. Изначально было отложено образование административных отделений окружных судов по экономическим причинам. А затем, после событий октября 1917 года, идея претворения реформы вообще потеряла надежду на осуществление.

Хотя данное Положение и не получило должного развития, тем не менее, именно в этот период времени в России впервые была создана законом полноценная система административной юстиции, опыт которой как в процессуальном, так и в организационном аспектах может быть использован и в наши дни [3].

Библиографический список

1. Бадин А. В. Административная юстиция в дореволюционной России // Закон и право. 2009. № 9.
2. Вицын А. И. Краткий очерк управления в России от Петра Великого до издания Общего учреждения министерств. Казань, 1855.
3. Громова Н. В. Административная юстиция: История и современность: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
4. История Правительствующего сената за двести лет: 1711–1911 — Репринтное издание 1911 г. СПб.: Альфарет, 2011.
5. Корф С. А. Административная юстиция в России. Кн.1. Очерк исторического развития власти надзора и административной юстиции в России. СПб., 1910.
6. Фролов С. В. Становление института административной юстиции в дореволюционной России: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005.

Р. И. Гальперин

Саратовский государственный университет

«САМАРСКИЕ ДЕЛА» ПРИСЯЖНОГО ПОВЕРЕННОГО Н. Н. МЯСОЕДОВА

Судебная реформа 1864 г. разделила Российскую империю на 14 округов. Самарская губерния входила в округ Саратовской судебной палаты. В конце XIX — начале XX вв. в Самаре трудились известные присяжные поверенные А. Н. Хардин, О. Г. Гиришфельд, Е. А. Тимрот, К. К. Позерн, П. П. Подбельский и т. д. [1, с. 63–67.] По своим профессиональным качествам, местные адвокаты ни сколько не уступали даже столичным коллегам. Несмотря на это, к участию в судебных процессах приглашались саратовские юристы. Одним из самых активных был Николай Николаевич Мясоедов [2].

Родился он в Пензе в 1866 г. в семье потомственного дворянина, «отца Судебной реформы» Николая Николаевича Мясоедова-старшего. В 1906 году он начал свою блистательную адвокатскую карьеру. Присяжный поверенный занимался исключительно делами «политического характера». За десять лет он выступил защитником 4759 подсудимых на 373 делах.

Одним из самых значимых «самарских» дел для Мясоедова стал процесс об убийстве местного губернатора И. Л. Блока. 21 июля 1907 г., с криком: «Довольно тебе раскатываться!», к пролетке губернатора подбежал Г. Н. Фролов и бросил снаряд [3, л. 1]. Убийца являлся членом областной летучей боевой дружины партии социалистов-революционеров. Свою партийную принадлежность террористы не скрывали, а с губернатором Блоком они «поквитались» за Матвеевское дело [4]. Следствие продолжалось более

семи месяцев. Террористы были преданы Казанскому Военно-Окружному суду. Дело слушалось в стенах тюрьмы, т. к. власти боялись, что обвиняемых отобьют от конвоя, если их доставить в здание суда. Трое участников боевого отряда получили различные сроки ссылки в Енисейскую губернию, а главного фигуранта дела Г. Н. Фролова приговорили к расстрелу. Усилиями Н. Н. Мясоедова смертную казнь заменили 20-летней каторгой, что в данном случае было безусловной победой защиты.

В своей автобиографии Н. Н. Мясоедов оставил воспоминания еще об одном «самарском» деле. 19 декабря 1907 г. в своей квартире был застрелен Начальник Самарского Губернского Жандармского Управления подполковник М. П. Бобров. Главного полицейского Самары убил Петр Романов [5, л. 2]. Когда Николай Николаевич приехал по этому делу в город, чтобы защищать Романова, он впервые познакомился с военным судьей генералом Тыртовым, под председательством которого впоследствии саратовский адвокат провел множество защит. Тогда Мясоедов узнал, что где-то в музее по уголовной части уже висит портрет его подзащитного с краткою надписью «убийца полковника Боброва» [6, л. 18 об.]. Когда Николай Николаевич обратился к военному судье с просьбой ознакомиться с делом, он выразил готовность сделать это и удивился: «Неужели Вы трудились нарочно приезжать из Саратова, разве мы без Вас не могли бы повесить его». Мясоедов ответил, что дела еще не знает, а по слухам Петр Романов совсем невиновен. «Ну как невиновен, все улики», ответил генерал. Через 2 дня он сам вынес по этому делу оправдательный приговор [6, л. 18 об.].

Н. Н. Мясоедов защищал пятерых самарских крестьян, которые стали участниками дела об экспроприации. 10 февраля 1906 г. в селе Красный Кут, Новоузенского уезда, Самарской губернии они напали на квартиру агента Северного банка Иванова. Разбойники выломали железный сейф, который находился в стене кирпичного дома. В кассе находилось около 10 тысяч рублей. Всех пятерых обвиняли в деянии, предусмотренном 13, 1627, 1629, 1632 ст. Улож. о Наказ. Но благодаря слаженной работе адвокатов во главе с Н. Н. Мясоедовым, приговор удалось смягчить [7, л. 9.].

В неполном списке политических дел Н. Н. Мясоедова значится еще с десятков «самарских дел», среди которых процессы об оскорблении Особы Государя Императора, сопротивления властям, распространение нелегальной литературы и т. д. Материалы политических процессов Н. Н. Мясоедова позволяют проследить противоречия, происходившие не только в отдельно взятом самарском обществе, но и в России в целом, а также изучить историю общественного движения в начале XX века.

Библиографический список

1. Луковкин К. Е. Профессиональная деятельность адвокатов Самарской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2010. Т. 12. № 2.

2. Гальперин Р. И. Присяжный поверенный Н. Н. Мясоедов//Социально-гуманитарные науки и современность: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2011. Вып. 6.
3. Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. 409. Оп. 2. Д. 254.
4. 13 июля 1906 г. в с. Матвеевка, Николаевского уезда, произошло возмущение крестьян, сопровождавшееся убийством пристава Пастуховского. Губернатор Блок прибыл на место для расследования беспорядков. По его приказу были арестованы более 20 зачинщиков, которых публично выпороли на площади казаки, а участников убийства увезли в Самару, где предали военно-полевому суду.
5. ГАСО. Ф. 409. Оп. 2. Д. 612.
6. ГАСО. Ф. 409. Оп. 1. Д. 356.
7. ГАСО. Ф. 409. Оп. 2. Д. 515.

М. А. Васильева

Оренбургский государственный педагогический университет

СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ ДЕТЯМ-СИРОТАМ ОКАЗАННАЯ В ПЕРИОД ЭПИДЕМИИ ХОЛЕРЫ 1892 г. (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В 1881 г. на территории Японии, Китая и Аравийского полуострова началась одна из наиболее масштабных эпидемий холеры XIX в., за тринадцать лет своего существования охватившая 2/3 стран мира, к 1892 г. эпидемия достигла границ Российской империи. Первые случаи холеры были зарегистрированы в мае 1892 г. на станции Каакха Закаспийской железной дороги, летом того же года случаи заражения были отмечены в 70 губерниях, в число которых входила и Оренбургская губерния. [1, с. 66]

Современные исследователи, занимающиеся изучением данной эпидемией, выделяют несколько основных причин появления и быстрого распространения холеры на территории Оренбургской губернии. Во-первых, это географическое положение края. На протяжении многих столетий Оренбургская губерния занимала своеобразное положение «ворот в Азию» из европейской России и была особенно повреждена эпидемическим процессам. [2, с. 111]

Во-вторых, санитарное состояние края было крайне неудовлетворительным. Так, городской врач в 1882 г. в газете «Оренбургский листок» отмечал: «Мне привелось видеть много городов, как русских, так и болгарских и турецких, но такого грязного города, как Оренбург, я не встречал. Горodne имеет канализации, берега Урала и овраги завалены навозом и мусором». [3, л. 3]

В-третьих, неурожай 1890 г. привел к голоду в 1891 г. способствовал систематическим вспышкам эпидемий, сопровождавшихся высокой смертностью населения [1, с. 67].

Первый случай заражения азиатской холерой на территории Оренбургской губернии был зафиксирован 8 июля 1892 г. на хуторе Шихобанова Покровский волости среди рабочих, пришедших на полевые работы из Самарской губернии, а 9 июля был выявлен первый заболевший в г. Оренбурге. Им оказался соборный протоиерей А. Виноградов, который приехал из Самары. К 27 июля эпидемия достигла своего максимума – 233 новых заболевших в день [2, с. 111].

Стоит отметить, что начавшаяся в 1892 г. эпидемия холеры для властей губернии не была неожиданностью. Летом того же года были образованы санитарно-исполнительные комиссии во всех городах Оренбургской губернии. По решению Оренбургской городской думы в разных частях города были избраны санитарные попечители и создан совет врачей. Однако, действия, предпринятые оренбургскими властями, были незначительными, об этом свидетельствуют материалы статистических данных – с августа по декабрь 1892 г. на территории Оренбургской губернии заболело свыше 12 тыс., а умерло более 7 тыс. человек. [2. С. 110] высокая смертность среди взрослого, преимущественно мужского населения, привела к тому, что многие семьи остались без средств к существованию и не могли себе позволить прием у врача или соблюдать все рекомендации санитарных служб. Наиболее беззащитными в сложившейся ситуации оказались дети, чьи родители умерли во время эпидемии.

Власти губернии, различные общественные и благотворительные организации, меценаты и жители города старались принять участие в судьбе сирот. В результате, в августе 1892 г. в г. Оренбурге был создан Временный комитет по сбору и распределению пожертвований в пользу сирот, пострадавших от холеры, существовавший преимущественно на средства благотворителей, которые перечисляли свои пожертвования в Оренбургский городской общественный банк. К моменту открытия на счет Временного комитета поступило 5531 руб. [4. Л. 2], к концу 1892 г. общая сумма средств, переданная в распоряжение Комитета, составила 9465 руб. 74 коп., не считая других пожертвований вещами, продуктами питания и материалами [5, л. 4].

На полученные средства Временным комитетом по сбору и распределению пожертвований в пользу сирот, пострадавших от холеры, было выдано свыше двух тысяч штук платьев и обуви населению. Кроме того, Комитетом осуществлялась выплата пособий тем, кто брал на содержание и воспитание детей-сирот, или тем, кто находился в крайне бедственном положении [5, л. 4, 6, 8]

В этот же период при Комитете был создан приют для детей-сирот, оставшихся после смерти их родителей от холеры. Приют просуществовал семь лет, в 1899 г. по Указу губернатора В. И. Ершова был расфор-

мирован, а дети распределены по другим приютам и сиротским домам [7, л. 2–2 об.].

За время существования в приюте призревалося 249 детей в возрасте от одного месяца до 14 лет, разных сословий, званий и материального положения (102 ребенка из мещан, крестьян – 69, детей солдат – 36, казаков – 12, дворян – 1). Средства Комитета были ограничены, поэтому содержать всех детей, оставшихся без попечения родителей, не представлялось возможным. В сложившейся ситуации Временный комитет по призрению детей-сирот, оставшихся после смерти родителей во время эпидемии, занимался определением сирот в семьи и учебные заведения. Так, с 1892 по январь 1893 г. при помощи Комитета было устроено 94 ребенка (46 мальчиков, 48 девочек). Из них 46 детей забрали родители, 5 забрали родственники, 25 были усыновлены, 20 – распределены по другим приютам [8, л. 32–37].

Таким образом, исследование показало, что губернские власти не могли должным образом оказывать материальную и социальную поддержку детям, оставшимся без попечения родителей после эпидемии холеры 1892 г., поэтому заботу об обездоленных сиротах брали на себя общественные организации, благотворители и жители городов. Однако, благотворительных средств на оказание помощи всем нуждающимся не хватало. Данные обстоятельства еще раз подтверждают, что, несмотря на существование в конце XIX в. в России разветвленной системы социального призрения детей-сирот, государственные и благотворительные организации на территории Оренбургской губернии по-прежнему не могли найти общих путей решения данной проблемы.

Библиографический список

1. Шляхтина Н. С. Борьба эпидемиями и профилактика заболеваемости на территории Южного Урала в конце XIX в. // Альманах современной науки и образования [Грамота]. 2011. № 8 (51).
2. Ризванова Т. Р. Система противоэпидемических мероприятий в Оренбургской губернии на примере холерной компании 1892 г. // Молодой ученый. 2010. № 5. Т. 2.
3. Санитарная заметка // Оренбургский листок. 18 апреля 1882. № 16.
4. Заметка. Пожертвования во временный комитет по сбору и распределению пожертвований в пользу сирот и семей, пострадавших от холеры // Оренбургский листок. 2 августа 1892. № 32.
5. Заметка. Пожертвования во временный комитет по сбору и распределению пожертвований в пользу сирот и семей, пострадавших от холеры // Оренбургский листок. 8 декабря 1892. № 113.
6. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 138. Оп. 1. Д. 3.
7. ГАОО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 25.
8. ГАОО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1.

РОЛЬ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР В БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ 1891–1892 гг. НА ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

Голод 1891–92 гг. вызвал широкий резонанс в обществе: всплеск благотворительной деятельности, бурные дискуссии в печати, создание различных обществ. Не было ни одного периодического издания, где не затрагивалась бы тема голода, среди интеллигенции, в первую очередь студенчества, стала распространенным явлением поездка «на голод», т. е. в пострадавшие губернии для помощи нуждающимся.

Благотворительность стала одной из самых доступных форм помощи нуждающемуся населению, а потому в этот период различные общества помощи пострадавшим от неурожая создаются повсеместно, активизируется и частная благотворительность.

Развитию дела благотворительности в годы голода во многом способствовало государство, взяв его под свой контроль. Так 18 ноября 1891 г. при министерстве внутренних дел был создан Особый Комитет для помощи нуждающимся в местностях, постигнутых неурожаем под председательством цесаревича Николая Александровича [5].

Помимо централизованных благотворительных органов (попечительства Красного Креста и Епархиальный комитет) существовало понятие частной благотворительности, но эти случаи в Оренбургской губернии редки. Так купец 1 гильдии Ахмет Хусаинов открыл в Оренбурге бесплатную столовую на 1000 человек и обратился в городскую Думу с просьбой о переводе из домов неимущих всех магометан в нанятый им отдельный дом, а также прислал 200 ярлыков для раздачи их беднейшим русским. В сообщении губернатору от 3 апреля 1892 г. говорится также о том, что купец Хусаинов по случаю магометанского поста «Ураза» на свои средства продовольствует нуждающееся население в числе 6094 душ из магометан в Сеитовском посаде, отпуская на каждого едока в день по 1/8 фунта пшеницы, 1/2 фунта пшеничной муки, 1/4 фунта соленой баранины. Пособие выдается с 15 марта каждому семейству на 15 дней [1, с. 172, 181]. В Троицком уезде бесплатная столовая была организована в Егорьевской волости для жителей двух деревень по инициативе графини Мордвиновой на собственные средства. В селе Куртамыш Челябинского уезда 13 октября на деньги купца В. Юферова была открыта столовая, в которой ежедневно обедали 340 человек, преимущественно дети и старики. Еще одна столовая на 100 человек была открыта в этом же уезде, в селе Петровском при содействии жены генерал-майора Шмурло Раисы Корнильевны [1, с. 68]. На Миасском заводе был создан особый комитет под председательством местного купца 1 гильдии Петра Кузнецова на капитал, собранный среди состоятельных обывателей –

10 т.р. [2, с. 177.] Подобный комитет был образован и в поселке Кочкарском Троицкого уезда по инициативе золотопромышленника, купца Подвинцева. Бесплатная столовая была организована в селе Михайловском Оренбургского уезда по инициативе и на пожертвования наиболее состоятельных местных торговцев, также свою лепту в дело помощи голодающим внесли и известные Оренбургские меценаты – владелец пивоварни Клюмп, купцы Афанасий Иванов, Степан Назаров и братья Деевы [2, с. 178].

Однако частная благотворительность не имела такого широкого размаха как правительственная, на этот факт указывается в записке «О благотворительных организациях в Оренбургской губернии», предоставленной губернатору 26 декабря 1891 г. для составления ежегодного отчета: «В настоящее время, несмотря даже на крайне удрученное положение Оренбургской губернии в экономическом отношении, благотворительная в пределах ее деятельность главным образом сосредотачивается в деятельности открытых по инициативе самого Правительства учреждений, каковы Епархиальный комитет и учреждения Красного Креста» [2, с. 177].

Делом обеспечения продовольствием городского населения занимались органы городского самоуправления. Главной мерой, которую предпринимали городские правления для помощи пострадавшему населению, стало открытие городских лавок, из которых хлеб отпускался по заготовительной цене, а для неимущих бесплатно. В некоторых уездах открывались общественные работы в небольшом объеме. Этих мер явно было не достаточно для борьбы с народным бедствием. Не удивительно, поэтому, что городские думы являлись предметом постоянных насмешек и критики со стороны газеты «Оренбургский листок». Редакция газеты критикует как способы решения насущных задач городской думой так и ее неактивность в работе. Достаточно привести несколько примеров, чтобы убедить в этом. Так, газета рассказывает о том, как оренбургская городская дума всячески препятствовала открытию общественных работ в Оренбурге, заканчивая свою статью емкой фразой: «Умора» [3], постоянно печатаются сообщения о том, что заседание думы не состоялось. Так, например, в одном из мартовских номеров за 1892 г. отмечено: «... дума не состоялась ни разу за неприбытием узаконенного числа гласных, которые, очевидно, утомились уже и ждут возможности передать свои полномочия новому составу гласных» [4].

Свою лепту в борьбу с голодом внесла и местная пресса в лице единственной на тот момент частной газеты – «Оренбургский листок», выполняющая 3 важных функции: информационную, побудительную и обличительную.

Негосударственные структуры сыграли важную роль в деле борьбы с голодом. Несмотря на то, что их помощь по размерам несопоставима с государственной, активизация общественной деятельности в опреде-

ленной степени способствовала развитию чувства гражданской ответственности у провинциального населения Оренбургской губернии.

Библиографический список

1. ГАОО. Ф. 10.О.1. Д.99
2. ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 77.
3. Оренбургский листок 1891 г. 4 декабря.
4. Оренбургский листок 1891 г. 23 февраля.
5. РГИА. Ф.1204.Оп. 1. Д.1.

Т. Б. Плиева

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ В 1905–1917 гг.

В данной статье совершена попытка обзора общественно-политических воззрений немцев Поволжья в период 1905–1917 гг.

Проблематика, касающаяся поволжских немцев, имеет относительно молодую отечественную историографию. Объективное изучение темы началось только на рубеже XX – XXI вв. Причины этого скрываются, прежде всего, в запрете до 90-х годов изучать проблемы, которые касаются народов, подвергшихся репрессиям и депортации [1, с. 68]. Несмотря на то, что тема этого депортированного народа в последние годы стала предметом особого внимания ученых, в ней остается не мало вопросов. Вне анализа остаются большое количество событий, причастных к развитию общественно-политических воззрений в сложный для России период 1905–1917 гг.

Процесс общей политизации сознания колонистов в Поволжье наиболее четко проявился в поведении молодежи. Именно эта часть населения была особенно отзывчива на оппозиционную и революционную пропаганду [2, л. 1–17].

Этот факт, зафиксировали жандармское управление по Самарской губернии и «Самарская газета». Они отмечают, что 5 декабря 1905 года в зале Губернской земской управы совершенно случайно состоялся митинг по поводу аграрного кризиса. Председатель митинга социал-демократ Яков Яковлев Винс заявил «Горе стране, у ней правитель слабоумный. Горе России, потому что у ней правитель без разума, он дал манифест призвал к себе Божию Милость и провозгласил свободы. Но скоро перед лицом всего света сам нарушил эти свободы. Зачем же он говорил – «Божией милостью», зачем над ней посмеялся? Он клятвопреступник и от гнева народного не скроется» [3, л. 12].

Тенденции неповиновения начальству проявились и в ряде немецких колоний в период столыпинской земельной реформы [4, с. 89]. Староста

селения Таловка, очень точно охарактеризовал причины апатичности среди немецких поселян при сравнении их с русскоязычными соседями: «Невозможное творится у нас в стране, — замечал пожилой колонист, — все разбились на партии, идущие друг против друга. Мы немцы-колонисты до сих пор воздерживались от принятия участия в каких-либо партиях. У нас нет земли, нет порядка, а явись мы со своими требованиями, нас забьют, скажут: «и вы с жидами заодно, бунтовать вздумали, хотите заводить у нас свои немецкие порядки». И признают нас изменниками и казачьими полчищами сотрут с лица земли» [5, с. 3].

Х. Шмидт, характеризуя общественно-политический настрой в немецкой деревне говорил, «Революция 1905 г. в немецких колониях не имела характера целенаправленной классовой борьбы рабочих против царского самодержавия и их собственных эксплуататоров, не была зафиксирована здесь и необузданная вспышка ненависти крестьян против их мучителей — помещиков. Для развития этих двух форм классовой борьбы в колониях не имелось необходимых предпосылок. Здесь не было ни достаточного количества рабочих, которые должны были встать во главе пролетарской борьбы, ни самого класса помещиков, на которых и должна была быть направлена раскаленная ненависть крестьян» [6, с. 340].

В то же время, революция 1905 г. стала и большим разочарованием для колонистов Поволжья, так как все их попытки добиться радикального самоуправления своими колониями и школами были отклонены [7, с. 149].

С началом Первой мировой войны, крестьянские массы Поволжья были охвачены не только волной неудержимого патриотизма, но и проблемами всеобщей мобилизации мужского населения [8, л. 57 об.— 58 об.]. Регулярные призывы в армию резко усложнили весь процесс ведения крестьянского хозяйства, ухудшив экономическое положение большинства крестьянских семей.

Анализ актов жандармского управления по Самарской губернии за 1914—1917 гг., позволяет утверждать, что Первая мировая война с каждым годом все более влияла на общество, усиливая разочарование, пессимизм и социальную напряженность. Все чаще недовольство ухудшающимся положением и продолжением войны обращалось на политиков, правительство и царя, ускорив революционный взрыв в феврале 1917 г. Доказательством данного тезиса могут служить такие уголовные дела, как преступления, предусмотренные 102, 103 и 106 статьями Уголовного Уложения, а именно оскорбление личности государя императора и закона в целом. Например, дело немца поселянина Вильгельма Августова Пайкера. Основанием к возбуждению уголовного дела послужило не лестное высказывание обвиняемого в сторону царя. «Вы русские свиньи хотели отобрать у немцев землю, но теперь посмотрим, кто у кого отберет. Немцы взяли Варшаву и возьмут Москву и скоро завоюют всю Россию, тогда в России будет царствовать германский царь, а не русский».

И далее по списку оскорблял непристойными словами царствующего императора, великого князя Николая Николаевича, Закон и Русское начальство в целом [9, л. 2—2 об].

После утверждения Советом Министров в феврале 1917 г. дополнительного узаконения о ликвидации немецкого землевладения в 28 губерниях Российской империи, включая Поволжский регион, в Саратовской и Самарской губерниях проявились случаи массового недовольства и враждебного отношения немцев к органам центральной власти. Только Февральская революция 1917 г., отменившая все национальные ограничения и привилегии, сумела приостановить развернутую в стране анти-немецкую кампанию.

Таким образом, в 1905 г. поволжские немцы почти не вступали в открытый конфликт с властями. Тем не менее, обстановка в немецких колониях была крайне напряженной.

В процессе аграрных реформ Петра Столыпина в немецких селениях, на начальном этапе преобразований имело место инертное отношение поселян к выходу из общины. Большинство сельских обществ противились переменам, предпочитая новому аграрному порядку традиционные переделы земли.

Первая мировая война лишь обнажила деятельность по созданию негативного общественного мнения в отношении российских немцев, обвиненных в «мирном завоевании» России и в пособничестве ее врагам.

Февральская революция, защищавшая политические права и свободы, сыграла положительную роль для немцев колонистов.

Библиографический список

1. Вашкау Н. Э. Немцы в России: история и судьба. О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья. Указ Президиума Верховного Совета СССР № 21—160 от 28.08.1941 г. От 28 августа 1941 года. Волгоград. ВГУ. 1994.
2. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 468. Самарское губернское жандармское управление 1860—1917. Оп. 1. Д. 756.
3. ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1787.
4. Бокарев Ю. П. «Умом Россию не понять» (поведение крестьян в революционную эпоху)//Революция и человек. М., 1996.
5. Дитц Я. Путевые заметки//Камышинский вестник (Камышин). 1906. 2 февр. № 27. С. 2; Он же. Депутат Я. Е. Дитц в роли обвиняемого и его объяснение//Приволжская газета. 1906. 6 июня. № 118.
6. Шмидт Х. Революция 1905 года в немецких колониях на Волге. Т. 1. 1927.
7. Дённингхаус В. Революция, реформа и война: немцы Поволжья в период заката Российской империи/Под ред. проф. А. А. Германа. Саратов.: Изд-во «Наука», 2008.

8. ЦГАСО. Ф. 1. Самарское губернское правление. 1851–1917 гг. Оп. 1. Д. 8473 [Сведения об эмиграции по 1-му земскому участку, без даты].
9. ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2110.

Ю. Н. Сорокопудова

Самарский государственный институт культуры

БУДНИ ДВОРЯНСКИХ КОРПОРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Дворянское сословие российского общества имеет очень обширную и противоречивую в оценочном плане историографию. Работы по истории дворянства, можно условно разделить на несколько групп по характеру проблем, поднятых в них. В рамках социальной истории основное внимание уделяется анализу дворянства как общественной группы и класса. Политическая история направлена на изучение участия его представителей в деятельности партий и общественных организаций, городских дум и земских учреждений. Исследователи экономических отношений основное внимание уделяли изучению помещичьего землевладения и хозяйства. История культуры богата исследованиями, посвящёнными дворянской усадьбе, культуре и быту дворянского сословия. Социально-психологическое направление уделяло основное внимание анализу менталитета этого сословия, трансформации его сознания и поведения.

В различных регионах России выходят исследования, посвященные дворянским семьям или содержащие биографические и генеалогические сведения об отдельных представителях дворянского сословия. В них показан их вклад в общественно-политическую жизнь страны и ее регионов, прослеживаются судьбы конкретных личностей, в том числе в эпоху военных и революционных потрясений. В этой связи у самарских исследователей особый интерес вызывают жизнь, деятельность, воспоминания предводителя местного дворянства и видной политической фигуры общероссийского масштаба А. Н. Наумова [3].

Также историей самарского дворянства занимался другой его предводитель А. А. Чемодуров. На современном этапе положение этого сословия в начале XX в. изучали П. С. Кабытов, Е. П. Баринаева, З. М. Кобозева, О. А. Курсеева, Г. А. Третьякова и другие историки. В их трудах исследовались взаимоотношения власти и дворянства России в период Первой мировой войны, поднималась актуальная тема дворянской культуры и повседневности [1]. Было показано отношение дворянских обществ и корпоративных организаций к войне, их участие в общественной жизни тыла и в сборе средств на военные нужды. Последнее происходило, несмотря на ухудшение экономического положения дворянства, на

постепенную утрату доверия к высшей власти и правительству, на кризис, переживаемый поместным дворянством и его организациями [2].

Будни самарского дворянства в период Первой мировой войны стали темой настоящей статьи. Кроме использования выявленной литературы по теме, был проведен поиск новых материалов в Центральном государственном архиве Са-марской области (ЦГАСО), особенно в фонде «Самарский губернский предводитель дворянства». В нем и фондах уездных предводителей дворянства хранятся доклады на губернских и уездных дворянских собраниях, переписка о деятельности дворянских обществ. Эти источники раскрывают основные направления деятельности корпоративных организаций и предводителей дворянства, их влияние на политическую и экономическую жизнь в губернии.

Приведем два примера. На объединенном заседании предводителей и депутатов дворянства и правления губернской дворянской кассы взаимопомощи 19 августа 1915 г. поднимались такие вопросы: об использовании Аксаковской слесарно-кузнечно-столярной мастерской для выработки предметов военного снаряжения; о назначении пожизненной стипендии вдове титулярного советника А. И. Никитиной; о производстве выборов Новоузенского предводителя дворянства; о деятельности Губернской дворянской кассы взаимопомощи по вопросу об открытии активных действий кассы [4, л. 3]. 9 мая 1916 г. на подобном собрании рассматривались такие вопросы, как созыв съезда губернских предводителей дворянства; о необходимости ускорения созыва съезда уполномоченных дворянских обществ; о замещении двух вакансий в Дворянском имени Царствующего Дома Романовых интернате-пансионате; о перечислении сборе и перечислении средств на текущий счет правления Губернской дворянской кассы взаимопомощи для увеличения ее основного капитала кассы; о предоставлении возможности помещения в Саратовский Мариинский институт дочери дворянки Загорской за счет средств самарского дворянского общества [5, л. 4,5,6].

Наряду с повседневными делами, поднимались и более масштабные вопросы. Так, дворянские общества были обеспокоены послевоенным государственным обустройством, когда уже ничто не будет удерживать различные политические партии «от предъявления своих запросов». Представлялось желательным «уже теперь попытаться, хотя бы в общих чертах, наметить вехи того пути, или тех путей, по которым пойдет дворянство» в будущем [5, л. 10].

В решении подобных вопросов не было единства даже среди представителей одного сословия. Предполагаемый общий съезд уполномоченных дворянских обществ и его резолюции должны были выработать положения, объединяющие все российское дворянство. Это предотвратило бы раскол среди отдельных организаций дворянства. Общий съезд представителей дворянских обществ мог бы рассмотреть весь круг политических, экономических и финансовых вопросов, затрагивающих

интересы сословия, дать дворянству возможность постоянно-но следить «за курсом русской общественной жизни», периодически вынося оценки, которые отражали бы господствующее «во всем российском дворянстве» мнение [5, л. 14 и об.].

В неопубликованных делах ЦГАСО содержатся также обширный статистический и фактический материал, затрагивающий как собственно дворянское общество, так и содержащий общие сведения о губернии: информационные и аналитические обзоры, ведомости, записки. В целом имеющаяся литература и архивные документы создают возможность дальнейшей продуктивной разработки темы общественной деятельности и повседневной жизни самарского дворянства и его корпоративных организаций в годы Первой мировой войны.

Библиографический список

1. Баринаева Е. П., Кабытов П. С. Дворянство Поволжья второй половины 19 века – начала 20 века: историография проблемы // Вестник СамГУ. 2012. № 8/2 (99).
2. Баринаева Е. П. Власть и поместное дворянство России начала XX века. Саратов, 2003.
3. Кабытов П. С., Баринаева Е. П. Воспоминания А. Н. Наумова как исторический источник // Государство и общество. Проблемы социально-политической и экономической истории России. Вып. 5. Пенза, 2010.
4. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 663. Оп. 1. Д. 86.
5. ЦГАСО. Ф. 663. Оп. 1. Д. 90.

И. А. Концевой

Московский государственный университет

ЛЕВЫЕ СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ (ДЕКАБРЬ 1917 – ИЮЛЬ 1918 гг.)

Проблематика сотрудничества и противостояния между партиями большевиков и левых социалистов-революционеров представляет собой отдельную страницу в революции 1917–1918 гг. В ноябре-декабре 1917 г. эти партии образовали правительственный блок. 7 декабря 1917 г. была создана Всероссийская Чрезвычайная комиссия, состоявшая из одних большевиков, которую возглавил Ф. Э. Дзержинский. Этот факт не мог не сказаться на взаимоотношениях двух советских партий.

Сразу после создания правительственной коалиции назначенный наркомом юстиции левый эсер И. З. Штейнберг стал проводить поли-

тику упорядочения деятельности следственных органов, пытаясь поставить под свой контроль работу ВЧК, одной из функций которой являлась борьба против политических противников советской власти [10, с. 143]. Такие действия левого эсера привели к столкновению между ним и Дзержинским, поводом для которого стало освобождение Штейнбергом арестованных по указанию руководителя ВЧК членов Союза защиты Учредительного собрания, преимущественно эсеров и меньшевиков [1, л. 1–1 об]. Конфликт отчетливо проявился на заседании СНК 19 декабря 1917 г., где с докладом выступал глава ВЧК [9, с. 128]. В ходе бурных дебатов была принята резолюция, в которой действия наркома по освобождению задержанных именовались не иначе как «нарушение принятого левыми эсерами обязательства проводить советскую политику» [4, с. 26].

Принятие этой резолюции не спасло большевиков от претензий левых эсеров по контролю над работой ВЧК. Вследствие настойчивых требований ПЛСР о введении ее представителей в состав Чрезвычайной комиссии большевики пошли им навстречу. 8 января 1918 г. в коллегию ВЧК были включены четверо членов ПЛСР, причем левый эсер П. А. Александрович стал заместителем Дзержинского [4, с. 36]. Левозеролевская фракция в коллегии ВЧК в марте-апреле 1918 г. пополнилась еще тремя представителями: А. А. Гуркиным, В. А. Алгасовым и Г. Д. Заксом [2, с. 173, 200]. Образование двухпартийной коллегии Чрезвычайной комиссии на некоторое время снизило градус противоречий между представителями двух советских партий.

Центральной проблемой взаимоотношений большевиков и левых эсеров в ВЧК являлось применение чекистами смертной казни. После издания декрета-воззвания «Социалистическое отечество в опасности!» ВЧК фактически получила право применять смертную казнь [3, с. 491]. Этот факт вызывал возмущение со стороны наркома юстиции Штейнберга, который пытался воспрепятствовать проведению расстрелов какими бы то ни было учреждениями [7, с. 440]. Однако позиция членов ПЛСР в ВЧК по данному вопросу была не столь однозначной. Левые эсеры зачастую уклонялись от обсуждения вопросов о расстрелах, поднимавшихся на заседаниях коллегии ВЧК. Например, фракция ЛСР уклонилась от прений и голосования по вопросу об убийстве самокатчика Гноевого, в котором подозревалось несколько его сослуживцев [2, с. 186]. В итоге ВЧК с молчаливого согласия левых эсеров постановила расстрелять «шайку убийц» [2, с. 186]. Подобное поведение союзников большевиков можно объяснить тем, что они являлись приверженцами курса на сохранения политического союза с РКП (б). Тем не менее члены ПЛСР препятствовали осуществлению репрессий против политических оппонентов большевиков. Так, чекисты – левые эсеры – воспротивились применению смертной казни против задержанных офицеров из «Союза защиты Родины и свобод», несмотря на требования большевиков расправиться с офицерами «как с изменниками» [8, с. 17].

Усиление репрессивных функций ВЧК послужило причиной создания 15 июня 1918 г. особой «тройки», оперативного органа руководства комиссией, состоявшей из М. Я. Лациса, Ф. Э. Дзержинского и В. А. Александровича, которая могла принимать решения о расстрелах [5, с. 75]. Тот факт, что данное решение должно было приниматься единогласно, позволял левому эсеру блокировать вынесение смертных приговоров. Это привело большевиков и левых эсеров к очередным конфликтам. По данным одного из лидеров левых эсеров М. А. Спиридоновой, большевики настояли на выводе Александровича из состава «тройки» [6, с. 50]. Александрович мог покинуть комиссию ввиду своего несогласия с усилением репрессий, не желая брать на себя ответственность за деятельность «чрезвычайки». Однако никаких иных подтверждений этого факта у нас нет. Работа большевиков и ПЛСР в комиссии продолжалась. Так, чекисты – левые эсеры – Я. Г. Бломкин и Н. А. Андреев, стали важными действующими лицами левоэсеровского восстания 6 июля 1918 г., которое навсегда уничтожило политический союз двух советских партий.

Левые эсеры оказали влияние на работу ВЧК, создавая противовес большевистскому руководству комиссии, стремившемуся к более жесткому подавлению политических оппонентов советской власти. Препятствуя вынесению смертных приговоров, члены ПЛСР способствовали тому, что большевики не перешли к политике «красного террора» в первой половине 1918 г., несмотря на начало Гражданской войны и активизацию антибольшевистских сил.

Библиографический список

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 2565.
2. Архив ВЧК: сборник документов/Ред. В. К. Виноградов и др. М., 2007.
3. Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957.
4. Ленин и ВЧК. Сборник документов/Ред. В. П. Пирожков и др. М., 1987.
5. Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004.
6. Открытое письмо М. А. Спиридоновой в Центральный комитет партии большевиков//Родина. 1990. № 5.
7. Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы/Сост. Я. В. Леонтьев, М. И. Люхудзаев. Т. 2. Ч. 1. М., 2010.
8. Петерс Я. Х. Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции//Пролетарская революция. 1924. № 10 (33).
9. Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР (ноябрь 1917 – март 1918 гг.)/Ред. Ю. Н. Амиантов, В. М. Лавров и др. М., 2006.
10. Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М, 2007.

КАДРОВЫЙ СОСТАВ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Придя к власти в октябре 1917 г., большевики столкнулись с достаточно острыми кадровыми проблемами во всех областях государственного строительства. Классовая борьба, возведенная в ранг основной движущей силы исторического процесса; декларированный слом старой государственной машины; достаточно аморфная система местной власти; известные заявления о стремлении научить кухарок управлять государством – все это не могло не вызвать антагонизма между бывшим чиновничьим аппаратом и новой властью. Историческая наука никогда не оспаривала того факта, что большевики испытывали серьезный недостаток в квалифицированных кадрах. В данной статье рассматривается проблема кадрового обеспечения деятельности местных органов Советской России в сложный период становления советского государства.

В 1918–1920-е гг. сформировался механизм кадрового пополнения местных органов власти Советской России. Губернские и уездные структуры ВКП (б) стали его основным источником.

Съезды местных Советов. На губернские съезды согласно Конституции должны делегироваться представители городских Советов и волостных съездов [1, с. 95] «по расчету 1 депутат на 10 тысяч жителей, а от городов по 1 депутату на 2 тысячи избирателей, но не свыше 300 депутатов на всю губернию (округ). Уездные (районные) съезды формировались из представителей сельских Советов, по расчету 1 депутат на 1 тысячу жителей, но не свыше 300 депутатов на весь уезд (район). Волостные съезды составлялись из представителей всех сельских Советов волости, по расчету 1 депутат на каждые 10 членов Совета» [2, с. 318–319]. По такой схеме соответственно формировались съезды и в Самарской губернии.

Губисполком. В «период между съездами Советов он наделялся и законодательными функциями». «губернский исполнительный комитет избирает из своей среды президиум в составе 5 человек: одного председателя, 2-х товарищей председателя и 2-х секретарей».

ГубЧК. К июлю 1918 г. в большинстве губерний были сформированы губернские и уездные ЧК. В Самарской губернии в это время действовали карательные структуры КОМУЧа. Поэтому Самарская губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем была образована только 1 декабря 1918 г.

Рассмотрим вопрос кадрового обеспечения СамГубЧК. Для увеличения числа рабов военно-коммунистической системы по инициативе партийных органов с октября 1919 г. началась компания «по очистке советских учреждений от присосавшихся элементов». Они отстранялись «от

занимаемых должностей с привлечением к принудительным работам». Все лица, подвергавшиеся чистке, должны были в «пятидневный срок явиться для регистрации к уполномоченному Губчека в мобилизационную комиссию по проведению трудовой повинности... По отношению к семьям уклонившихся от явки будут приняты репрессивные меры» [3]. Количество сотрудников СамГубЧК за годы Гражданской войны тоже возросло: с 68 членов в октябре 1918 г. до 200 человек в мае 1920 г. [4] Губернские и уездные структуры ВКП (б) стали основным источником кадрового обеспечения СамГубЧК. В переписке СамГубЧК с партийными органами отмечалось, что условием стабильной работы ГубЧК является предоставление Губкомом коммунистов [5]. «ЧК является единственным аппаратом, проводящим в жизнь диктатуру пролетариата и что ... оно должно выноситься только лицами, стоящими всецело на страже социалистической революции, т. е. членами РКП (б)». Поэтому состоять на службе в ЧК, в секретно-оперативной части, беспартийные не могли никак, весь состав коллегии ГубЧК представлялся на утверждение Губкому. По причине невозможности пополнения всех властных органов коммунистами на ответственные посты назначались беспартийные [6]. Постоянным фактором, осложняющим деятельность органов ГубЧК, была нехватка и текучесть кадров.

Библиографический список

1. Тропов. И. А. Конституция 1918 г. и опыт организации Советов на местах//Общество. Среда. Развитие. 2011. № 4.
2. Конституция 1918 г. //Первые декреты Советской власти: Сб. документов. М., 1987.
3. ЦГАСО. Ф. Р. 81. Оп. 1. Д.16. Л.31.
4. ЦГАСО. Ф. Р. 81. Оп. 1. Д.9. Л.2.
5. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144. Л. 228.
6. СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144. Л. 24.

П. С. Иванов

Марийский государственный университет

ГЕРБЕРТ ГУВЕР И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АМЕРИКАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПОМОЩИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Голод, обрушившийся на Поволжье в первой половине 1920-х годов, стал настоящей национальной катастрофой, унесшей миллионы жизней. Советское правительство, будучи неспособным справиться с проблемой, вынуждено было просить зарубежной помощи. Огромную роль в борьбе с голодной эпидемией сыграла Американская администрация помощи (далее – АРА). Ее возглавлял Герберт Кларк Гувер.

Американский историк, профессор Стэнфордского университета, Берtrand Патенод, пишет, что президентский срок, пришедшийся на Великую депрессию, сильно испортил репутацию Гуверу, и с тех пор (президентство Гувера окончилось в 1933 году) говорить о нем принято в негативных тонах [4, с. 8]. Однако в 1921 году, когда АРА выдвинулась на помощь голодающим в Советской России, все было по-другому.

Во время Первой мировой войны Гувер возглавлял Продовольственную комиссию США, а уже после окончания войны возглавляемая им АРА провела успешные кампании по борьбе с голодом в Центральной и Восточной Европе. Неслучайно «Нью-Йорк Таймс» от 14 сентября 1919 года писала: «Гувер больше всех со времен Наполеона заслужил звание диктатором. Он накормил всю Европу к востоку от Рейна». «Блестящий экономический диктатор» – такого звания удостоила главу АРА вышеназванная газета [6].

Однако решение помочь голодающей России – решение, встретившее много противников в Сенате США, особенно среди республиканцев – было встречено соотечественниками Гувера неоднозначно. Известно, что во время гражданской войны АРА поставляла продовольствие Северо-Западной белогвардейской армии (что, как мне представляется, было дополнительным поводом для советских историков для того, чтобы подвергнуть деятельность АРА в голодающей России жесткой критике). Кроме того, известна фраза, которую Гувер произнес на Парижской Мирной конференции в 1920 году – «Большевизм – это хуже, чем война» [5, с. 40].

А потому почти сразу же многие стали задаваться вопросом о мотивах деятельности АРА. Так, Эй Си Фриман в статье, вышедшей в журнале «Нью-Йорк Колл» 7 августа 1921 года, задавался вопросом: «А что же везет Герберт Гувер в Советскую Россию?» «Не пытается ли он привезти туда контрреволюцию и Белый Террор?» – спрашивает автор, а в финале статьи использует термины «еда-наживка» и «крючок контрреволюции» [2]. Впрочем, указанный журнал издавался социалистической партией, и вряд ли мог претендовать на беспристрастные суждения.

Однако вопрос, поднятый в той статье, заслуживает рассмотрения. Какие мотивы преследовала АРА и лично Герберт Гувер, взваливая на себя миссию помощи голодающей России? Его критики, конечно, утверждали, что им двигает преследование собственных политических интересов. Обратная точка зрения – Гувер просто хочет накормить голодных – также была распространена. Это неудивительно, если вспомнить указанные выше похвалы, которых он удостоивался за свою работу по борьбе с голодом в послевоенной Европе, и прибавить к ним еще одно, встречавшееся в прессе – «спаситель Бельгии».

Бенджамин Вайсманн в своей работе «Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia, 1921–1923» упоминает еще одну точку зрения: «бескорыстная помощь – не более чем форма выражения неприязни к

большевистскому режиму, форма куда более хитрая и изощренная, нежели банальная контрреволюция» [7, с. 18].

Советский дипломат Максим Литвинов на рижских переговорах в августе 1921 года, на которых было достигнуто соглашение о деятельности АРА в Советской России, не раз повторял американским коллегам: «Джентльмены, еда — это оружие» [3].

Мы согласился с ним, и позволим предположить, что Герберт Гувер придерживался такой же точки зрения. Однако оговоримся сразу — во все не в том значении, о котором говорили противники Гувера.

Для прояснения ситуации обратимся к показаниям, которые он давал комитету иностранных дел при Сенате США в декабре 1921 года: «Продукты, которые мы собираемся поставить в Россию Соединенных Штатах в избытке... Я считаю, что мы столкнулись с трудной экономической ситуацией и должны понимать, что совершаем не дело не только благородное, но и экономически значимое. Мне, после оценки наших возможностей, не нужны другие аргументы помимо истинно человеческих. [5, с. 42].

Здесь, как нам видится, и прослеживаются очень ясно мотивы Герберта Гувера. Еда как оружие — но не для свержения врага, а для победы над собственными проблемами. Имея большой опыт в деле борьбы с голодом, Гувер понимал, какую может извлечь из ситуации выгоду экономика США. Отметим тут, что с 5 марта 1921 года он занимал также должность министра торговли США. Однако нам представляется, что не следует отодвигать окончательно на второй план гуманитарные мотивы Гувера. Не случайно Джордж Кеннан, известный, как критик экономической политики Гувера, писал о том, что с его точки зрения, «только и исключительно желание помочь голодающим двигало им при организации деятельности АРА в Советской России» [7, с. 18].

И все же, главным итогом деятельности АРА явились миллионы спасенных жизней, а также уникальный опыт взаимодействия и сотрудничества двух противоборствующих систем на фоне общей проблемы. Как отечественные, так и зарубежные исследователи положительно характеризуют этот опыт и высказываются о необходимости исследования и раскрытия этой темы и сотрудничества российских и американских историков в данной области.

Библиографический список

1. Помогалова О. И. Масштабы и причины голода 1921 года в Поволжье в Западной историографии//Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2011. Т. 11. № 2–1. С. 71–73.
2. Freeman A. C. Is Hoover Bringing Russia Food or Reaction?//New York Call Magazine. 1921. August 7.
3. Patenaude B. M. Food as a weapon.//Hoover Digest. 2007. № 1.

4. Patenaude B. M. The Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921. Stanford, 2002. 832 с.
5. Rice A. S. Herbert Hoover, 1874–1964: chronology, documents, bibliographical aids. N. Y.: Oceana Publications, 1971. 114 с.
6. Vastness of Hoover's work realized as he returns//The New York Times. 1919. September 14.
7. Weismann B. M. Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia, 1921–1923. Stanford: Hoover press, 1974. 247 с.

А. Ю. Вещева

Тольяттинский государственный университет

ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ РАСКОЛ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЦЕРКОВНУЮ ЖИЗНЬ В САМАРСКОЙ ЕПАРХИИ 1922–1925 гг.

В прагматических интересах Церковь использовалась Советской властью как инструмент для достижения конкретных целей. Одним из примеров подобного подхода является поддержка движения обновленцев, в котором видели силу, способную, если не разрушить, то хотя бы подорвать изнутри РПЦ.

В мае 1922 г. группа оппозиционного духовенства свершила попытку возглавить церковное управление в обход каноническим правилам. Они попытались сместить Патриарха Тихона, модернизировать некоторые аспекты внутри церковной жизни и наладить государственно-церковные отношения. При поддержке местных органов власти в Самаре была организована группа прогрессивного духовенства, в которую вошли представитель ВЦУ Соловьев, протоиерей Руковский, протоиерей Стрельников. Попытки организовать подобные группы происходили по всей Самарской области. В июле проходят съезды духовенства и мирян благочиннических округов, на которых организуются окружные комитеты «Живая церковь», подчиняющиеся губернскому комитету.

Значительная часть членов Св. Синода, оставшихся в конце мая 1922 г. на свободе, приняла постановление, обязывающее викарных епископов порывать отношения с правящими архиереями, если те признали власть обновленческого ВЦУ. Постановление требовало, чтобы в случае ареста правящего архиерея вся полнота церковной власти в епархии перешла в руки викария. При аресте епархиального епископата верующим надлежало обращаться к «тихоновским» архиереям соседних епархий. В конце 1922 г. это постановление было дополнено требованием, чтобы верующие отказывались от общения со священнослужителями, отпавшими в обновленческий раскол.

Подтверждением того, что главной силой выступало государство, является то, что делегатом на съезде духовенства Пугачевского уезда был

предложен священник Аммасийский, работавший под руководством уполномоченного ГПУ и утвержденный управлением как «весьма желательный» [1, л. 86].

Существовали районы, где прогрессивное движение поддерживалось с особой активностью. Киржиманский волостной комитет совместно с комитетом бедноты устроил манифестацию во время богослужения. Был отслужен молебен за здравие тов. Ленина, с пением многолетия, затем отслужена панихида о павших борцах за свободу. По окончании панихиды была прочитана краткая биография Ленина, устроен сбор для семей, погибших солдат, хор исполнил «Марсельезу». Манифестация с пением «Смело товарищи в ногу» двинулась по улицам [2, л. 20]. Бузулукские обновленцы переименовали свой собор в «пролетарский», а Бугурусланские свою церковь перекрасили красный цвет [3, л. 44]

Обновленческое движение складывалось как «конгломерация» разнородной церковной реформаторской мысли. Поэтому не удивительно, что в течение лета 1922 г. основные обновленческие течения не смогли прийти к общему знаменателю в вопросах переустройства Церкви. Внедрению обновленческой идеологии противодействовали представители традиционной церкви. В меморандуме от 31 октября 1922 г., направленном в ГПУ отмечается, что «Тихоновцы весьма обострены против прогрессивного духовенства, лидером и подстрекателем является протоиерей Архангельский» и предлагается убрать Архангельского из Самарской епархии, «дабы он не мешал проведению обновления церкви» [4, л. 3].

Для захвата церковного правления на местах в епархии России было направлено 56 «уполномоченных» ВЦУ. Им вменялось в обязанность «изгнание монахов», т. е. архиереев православного поставления, из архиерейских домов, создание обновленческих епархиальных управлений, изъятие храмов у православных [5, с. 24]. 6 сентября 1923 г. старый епархиальный совет был распущен и назначен новый – из группы «Живая Церковь». Агентура доносила: «епархиальный совет реорганизован. Волнений среди мирян не наблюдалось. К группе «Живая Церковь» примкнули попы, которые пользуются популярностью среди паствы. В конце 1923 г. у обновленцев появился свой епископ с титулованием «Самарский» [6, с. 18].

По мнению А. Г. Подмарицына, «появление обновленчества в Самаре – не искусственный, не занесенный из Москвы вирус. Либеральное и просоциалистически настроенное духовенство существовало в епархии еще до революции... Неурожаи, страшный голод, плюс политика большевиков, решивших воспользоваться этими событиями, что бы уничтожить духовенство путем репрессий и разделений, послужили благодатной почвой для появления обновленческих идей в Самаре. Какое-то время практически вся епархия стояла на позициях ВЦУ» [7, с. 143–144].

С ноября 1924 г. до конца 1925 г. Самарской епархией управлял в сане епископа Мелитопольского, викария Таврической епархии епи-

скоп Сергей (Зверев). Ему удалось сплотить православные общины епархии и нанести удар по обновленцам. Многие церковные общины стали переходить на позиции традиционной церкви. В первую очередь это произошло там, где священники с тяжелым сердцем приняли обновленчество; в других местах начинали работу миряне. Они посылали выборных к уважаемым священникам, с их помощью разбирались в сути дела и предъявляли своим батюшкам ультиматум: или присоединиться к православию, или оставить приход, многие подчинились и приносили покаяние, но некоторые упорно держались своего.

Таким образом, этот период характеризуется сочетанием различных вариантов отношений государства с РПЦ и верующими: от уголовного преследования священников до поддержки обновленцев. На местах атеистическая работа проводилась в основном административными методами, которые вызывали противодействия со стороны населения и давали незначительный эффект.

Библиографический список

1. СОГАСПИ. Ф 1. Оп 1. Д. 726.
2. СОГАСПИ. Ф.1. Оп. 1. Д.726.
3. ЦГАСО. Ф.356. Оп. 1. Д.499.
4. СОГАСПИ Ф.53, Оп. 2. Д.2.
5. Жоголев А. Крах обновленчества//Благовест. 1996. № 4.
6. Якунин В. Н. История Самарской Епархии. Тольятти, 2011.
7. Подмарицын А. Г. Взаимоотношения РПЦ и государственных органов в Самарском регионе 1917–1941: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2006.

М. Г. Сотников

Волгоградский социально-педагогический университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОБРОВОЛЬНОГО СПОРТИВНОГО ОБЩЕСТВА «СПАРТАК» В СТАЛИНГРАДЕ В 1943–1944 гг.

Для написания работы были использованы архивные документы Центра документации новейшей истории Волгоградской области. 2 февраля 1943 года окончилась Сталинградская битва, но Великая Отечественная война еще продолжалась. Восстановление разрушенного Сталинграда началось после окончания боёв в городе.

Первоочередными задачами было восстановление жилья и промышленности, поэтому возрождение физической культуры и массового спорта в городе легло на плечи добровольных спортивных обществ (ДСО) под руководством городского комитета по делам физической культуры и спорта (горком по делам ФК и Спорта).

Одним из первых возобновило свою работу ДСО «Спартак». Оно «начало свою деятельность с 20 мая 1943 года» [1, л. 39]. В целом деятель-

ность ДСО в 1943 году носило экстенсивный характер. Главное было развернуть работу в городе. Изначально в состав областного совета общества вошло 5 человек.

Для увеличения количества сотрудников за 1943 год ДСО «Спартак» подготовило 36 общественных кадров, 14 инструкторов, судей и председателей низовых советов – 14 человек. Однако «примерно 70% всего состава общественных кадров ушло из системы промкооперации» [1, л. 39].

Причинами этому было отсутствие спортивных сооружений и малое количество спортивного инвентаря. У «Спартака» имелось лишь две секции по легкой атлетике и волейболу. В 1943 году ДСО имело 18 коллективов по городу с общим охватом в 219 человек. Общество провело 9 физкультурных мероприятий, в том числе кроссы, городские и динамовские соревнования (см. Ф. 71 о. 4 д. 87). Однако были и качественные показатели. В первом году работы ДСО подготовило 21 разрядника по легкой атлетике, гимнастике и лыжам.

Как отмечалось в горкоме по делам ФК и Спорта работа ДСО в 1944 году «будет зависеть от наличия спортивного инвентаря и спортсооружений» [1, л. 39].

В зимний физкультурный период «Спартак» имел 160 пар лыж в 5 точках города: Ворошиловский район – 50 пар, Ерманский район – 25 пар, Красный Октябрь – 10 пар, Сталинградский тракторный завод – 12 пар, Кировский район – 40 пар. При этом было всего 40 пар лыжных ботинок и 20 лыжных костюмов. ДСО подготовило бойцов лыжников к лыжному комсомольско-профсоюзному кроссу, прошедшему с 13 февраля по 1 марта 1944 года.

Планировалось провести соревнования по хоккею с ДСО «Динамо», так как остальные ДСО города не владели хоккейным инвентарем. Соревнования сорвались из-за плохой погоды.

Подшефная работа ДСО находилась на низком уровне. Хотя в школе № 24 Кировского района и оборудовался гимнастический зал, в школе № 93 подшефная работа вообще не велась.

Соответственно, в отсутствии помещения секционная работа срывалась и велась не регулярно. В 1944 году линия фронта вышла за пределы СССР. На восстановление города стало уделяться больше внимания, и работа ДСО начала приобретать интенсивный характер.

Для решения кадрового вопроса было подготовлено еще 14 общественных кадров. ДСО готовился к физкультурному параду, посвященному 1 мая, для этого проводились тренировки, в отличие от большинства обществ города. На саму эстафету 30 апреля было выставлено 2 команды, однако выиграть её не удалось.

В 1944 году общество, как и весь город, получило план подготовки значкистов комплекса «Готов к Труду и Обороне» (ГТО). План значкистов «Будь Готов к Труду и Обороне» составил 50 человек, но выполнили нор-

мы 21 человек. Значкистов ГТО I ступени должно было быть подготовлено 75 человек, «Спартаку» удалось подготовить 102. Значкистов ГТО II ступени планировалось подготовить 5 человек, однако не одному члену общества сдать нормы не удалось [1]. Данные показатели были средними по городу.

ДСО «Спартак» в 1944 году из намеченных 15 мероприятий выполнили только 4. Спортивный календарь на 1944 год был «выполнен только по пунктам участия в городских мероприятиях» [1, л. 82]. Мешало отсутствие спортсооружений. Членов общества к концу 1944 года насчитывалось 388 человек. Открылась секция по футболу. Однако в секциях занималось мало людей (легкая атлетика – 22 человека, волейбол – 12 человек, футбол – 15 человек). Это можно объяснить не решенным вопросом со спортивными сооружениями. ДСО по-прежнему спортивных сооружений (стадионов, водных станций и спортивный зал) к концу 1944 года не имело. Был лишь решен вопрос со спортивным инвентарем. ДСО имело «инвентарь и одежду, как на лето, так и на зиму» [1, л. 82].

В целом проблемы «Спартака» были знакомы всем ДСО города: тучка кадров, отсутствие спортивных сооружений, слабая подшефная работа, малое количество членов общества. По итогам 1944 года «Спартак» был объявлен одним из лучших ДСО города, что говорит нам о том, что в среднем дела в обществах города обстояли еще хуже.

К началу 1945 года поражение Германии было неизбежно, таким образом, горкому по делам и ФК и Спорта в целом и ДСО «Спартак» в частности оставалось лишь надеяться, что развитию массового спорта власти смогут уделить больше внимания после окончания войны.

Библиографический список

1. Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 71. Оп. 4. Д. 87.

К. А. Мешалкина

Самарский государственный университет

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В НАЦИСТСКИХ КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЯХ

Судьба советских военнопленных во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. долгое время была замалчиваемой темой в исторической науке СССР. Лишь на короткое время хрущевской «оттепели» с данной проблемы было снято табу, однако в эпоху «застоя» вокруг нее вновь была воздвигнута стена молчания [1, с. 5–23]. Ситуация изменилась только с началом «перестройки».

Тем не менее, вопрос о судьбе пленных Красной армии во время ВОВ является важным как с точки зрения глубокого понимания самой войны

1941–1945 гг., так и с позиции восстановления исторической справедливости. Сопоставление различных документов позволяет определить количество советских военнопленных в 5 млн. человек, из которых свыше 3 млн. погибли в плену [2]. Таким образом, речь идет о важной проблеме, касающейся судеб миллионов человек в самой страшной войне в мировой истории.

Нацистское руководство, подготавливая нападение на Советский Союз, ставило перед собой цель расширить «жизненное пространство Германии» за счет территорий Восточной Европы. Под это подводилось соответствующее идеологическое обоснование: арийская, нордическая раса, немецкая нация во всех отношениях стоит выше славян, зараженных, к тому же, «большевистской чумой» и не способных ни на какие исторические свершения [3]. Более того, в головы солдат вермахта и рядовых членов СС нацистской пропагандой закладывалась мысль, что требования Женевской конвенции 1929 г. о гуманном отношении к военнопленным не распространяются на советских солдат, т.к. СССР не подписал эту конвенцию (на самом деле, это не имело значения, поскольку в тексте Женевской конвенции подчеркивалось, что подписавшие его государства обязуются соблюдать установленные правила обращения с военнопленными вне зависимости от того, подписали ли ее противоборствующие государства или нет) [4]. Для советских военнопленных это имело самые трагические последствия [5, с. 275–278]

Солдаты Красной армии, попадая в плен, первоначально отправлялись на дивизионные сборные пункты, затем – в «дулаги» (пересыльные и фильтрационные лагеря), где проходили «отбор» по национальной принадлежности, степени способности к труду и лояльности, а потом – в «шталаги» (лагеря для рядовых солдат и младших командиров) и «офлаги» (лагеря для офицерского состава) [6, с. 176–177]. Только затем они могли быть отправлены в нацистские концентрационные лагеря.

Дорога советских военнопленных до нацистских концлагерей была особым и крайне тяжелым испытанием. В неотапливаемые, необорудованные для перевозки людей вагоны загоняли по 80–100 человек (при вместимости в 40–50), которых во время транспортировки не кормили до 5 дней. Летом пленные нередко задыхались от нехватки кислорода и жары, а зимой – замерзали от холода. Десятки и сотни человек умирали в дороге; бывали случаи, когда при транспортировке погибали все пленные в эшелоне [2].

До весны 1942 г. в концентрационные лагеря «Третьего рейха» советские военнопленные попадали относительно редко, чаще умирая вскоре после взятия в плен. Нацистское руководство рассчитывало на «молниеносную войну» и целенаправленно стремилось к истреблению пленных солдат Красной армии в рамках политики оккупации восточных территорий (в т.ч. и тех, кто попадал в концентрационные лагеря [7, с. 362]). Однако со срывом планов «блицкрига» лидеры нацистской Германии

переходят к политике максимальной эксплуатации наличествующих на Востоке трудовых ресурсов, в т.ч. военнопленных [8, с. 149–150; 9, с. 115].

Эксплуатация рабочей силы советских военнопленных была организована на базе концентрационных и трудовых лагерей нацистского «рейха». «Условия труда советских военнопленных были крайне тяжелыми. Рабочее время у них длилось от 12 до 14 часов в сутки, часто в две смены и без обеденного перерыва. Многие работали на шахтах и других предприятиях, находившихся под землей, где не хватало света, чистого воздуха, преобладала повышенная влажность. Меры безопасности не соблюдались. Медицинское обеспечение, если где и было, то на примитивном уровне» [2]. Все это с неизбежностью вело к многочисленным заболеваниям и частым смертям советских военнопленных.

Использовали пленных солдат Советского Союза в нацистских концлагерях и для медицинских опытов. Например, в Дахау проводили эксперименты по переохлаждению и обмораживанию; в Освенциме изучали воздействие газа «Циклон Б» на человеческий организм. Проводились опыты по пересадке внутренних органов, кожи, исследовалось воздействие новых лекарств, определялась граница возможной продолжительности жизни человека без воды и пищи [2]. Как правило, военнопленные, подвергшиеся опытам, умирали, а в остальных случаях их убивали как ненужных свидетелей.

Советские военнопленные в нацистских концентрационных лагерях подверглись (наравне с евреями) самому интенсивному истреблению [1, с. 5; 4; 7, с. 346]. Около 3 млн. из них умерло во время плена от пыток, издевательств, ужасных условий существования и труда, убийств и медицинских опытов. Многолетняя табуированность данной проблемы в советской исторической науке, а также ряд попыток «пересмотреть» оценки проводимой руководством «Третьего рейха» политики во Второй мировой войне делают данную проблему актуальной для дальнейших научных исследований.

Библиографический список

1. Ерин М.Е. Советские военнопленные в нацистской Германии 1941–1945 гг. Проблемы исследования. Ярославль: ЯрГУ, 2005.
2. Дембицкий Н. П. Судьба пленных//http://sceptsis.net/library/id_1250.html (дата обращения: 25.11.2014).
3. Родионов В. Идеологические истоки расовой дискриминации славян в Третьем рейхе//URL: http://sceptsis.net/library/id_2751.html (дата обращения: 25.11.2014).
4. Маринченко А. Положение и правовой статус советских военнопленных в контексте международных соглашений и внутренних документов воюющих сторон//URL: http://sceptsis.net/library/id_3393.html (дата обращения: 25.11.2014).

5. Вступительная речь главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко// Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. 3-е изд., испр. Т. I. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1955.
6. Шнеер А. Плен. Советские военнопленные в Германии, 1941–1945. М.: Мостыкультуры, 2005.
7. Мельников Д. Е., Черная Л. Б. Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933–1945. М.: Политиздат, 1987.
8. Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2002.
9. Kogon E. DerSS-Staat: DasSystemderdeutschenKonzentrationslager. München: WilhelmHeyneVerlag, 2012.

М. Д. Новиков

Нижегородский государственный университет

ПИСЬМА И ЖАЛОБЫ, КАК ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ РЕАКЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ДЕНЕЖНУЮ РЕФОРМУ 1947 ГОДА (НА МАТЕРИАЛАХ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Формулирование жалоб в письменном виде — одна из основных форм проявления реакции населения на действия власти. Однако в условиях СССР как тоталитарного государства, подобные формы имеют особый характер, который предлагается рассмотреть в данной работе.

Письма во время реформы имели разную направленность. Некоторые, например, отражали требования о бытовых нуждах населения. Одним из таких стоит выделить письмо персональной пенсионерки Королёвой к товарищу Фарафонову, одному из руководителей отдела торговли и общественного питания Обкома ВКП (б) Горьковской области. В письме излагается проблема женщины, которая потеряла мужа на войне, оставшись с двумя детьми и оказавшись нетрудоспособной, не может обеспечить своих детей, прокормить их и оказывается в крайне трудном жизненном положении.

Прошью об обеспечении имуществом поступали не только от женщин, но и от мужчин, зачастую это тоже были инвалиды, либо старые производственники. Так, например, Горин Василий обратился в Обком и в его заявлении мы наблюдаем ностальгию по старым порядкам, что «без карточки жить тяжело» [1, л. 151], перемены в финансовой системе очень больно бьют по финансовому состоянию даже людей пенсионного возраста. Василий попросил выдать ему зимнюю одежду, решение по этому вопросу зафиксировано и одежду он свою получил.

Исходя из этих сведений, мы можем понимать, что практика имущественных просьб была распространена и исполнялась в достаточных

объёмах, но мы также не можем однозначно говорить о принятых решениях по вопросам из писем.

Следующей и наиболее обширной группой письменных проявлений являются письма с заявлениями о недостатках. Они для нас будут наиболее интересными в изучении, поскольку информация, содержащаяся в них, наиболее чётко иллюстрирует общественное настроение, пусть с большим содержанием субъективного фактора. Однако, обилие данного фактора позволяет нам построить картину общественного мнения и понять круг потребностей населения. Проблема состоит в доступности к данным источникам, поскольку многие документы всё ещё засекречены и находятся в широком доступе.

Многие письма населения публиковались в периодических изданиях. В Горьковской области таким источником выступила газета «Горьковская Коммуна». В печати было множество писем, в которых выражается глубочайшее одобрение проводимой правительством политикой. Мы можем делать вывод о том, что в периодической печати использовались позитивные установки относительно мероприятий реформы. Социальный спектр авторов разнообразен — от директоров фабрик, до обычных рабочих и работников колхозов. Подобного рода письма также пестрят формулировками: «благодарим товарища Сталина», «правительство заботится о благе народа», «историческая реформа» и др.

Анализируя периодическую печать, видно, что публикации первых дней после реформы обладают достаточным количеством писем для убеждения людей в правильности действий правительства. Но существовали письма, которые было трудно опубликовать по ряду соображений. Появление их в редакции газеты «Горьковская Коммуна» отмечается спустя неделю после публикации постановления о проведении денежной реформы. В нашем распоряжении есть письмо от 25 декабря от редакции «Горьковской Коммуны» в Обком ВКП (б) о состоянии общественного мнения и там приводится следующая информация: «После опубликования постановления в редакцию поступают многочисленные отклики от трудящихся, приветствующих это постановление... но за последние 2–3 дня редакция получает много писем, особенно из регионов области, которые сообщают о серьёзных недостатках в организации торговли» [1, л. 157]. Мы понимаем, что газетные работники входят в затруднённое состояние, тем самым подтверждая, что печатники не могут противиться политике закрепления позитивного взгляда на реформу, но возникает противоречие в плане откликов населению, если при этих условиях закрепилось мнение, что партийная организация не оставит общество без внимания.

Документ содержит 20 писем, представляющих разные регионы области, как районные центры, так и мелкие территориальные образования. Подобные письма вскрывали, в основном, торговые недостатки: организация торгового процесса, хамство в магазинах со стороны продавцов,

недостаток хлеба, нормы выдачи продуктов, огромные очереди, случаи спекуляции. Сведения, касающиеся обмена денег и работы сберегательных касс, в данном документе не приводятся, поэтому мы можем только строить предположения по данным вопросам. Информация по операциям с деньгами и реакцией на это трудящегося народа на данный момент остаётся под грифом «секретно».

Письма людей в газету не были пустым перечислением фактов, также в них высказывались предложения, как изменить ситуацию, например, в письме т. Райгазинского из г. Горького есть предложение изменить часы работы магазинов, чтобы спекулянты не скупали все товары и продавали их по ценам, которые не соответствовали официальным.

Однако были письма, которые не упоминались в печати, но имели наиболее негативные проявления оценки в сторону власти. Таким мы можем назвать письмо члена ВКП (б) Лукина о недостатках руководства Большеболдинским районом. В нём изложены недостатки в работе некоторых представителей местной власти. В документе встречаются прямые указания на то, что чиновники дробили свои вклады, получали продукты на дом в обход общественной торговли. «И все эти тёмные делишки очень мешают поставить на должную высоту агитационно-массовую работу и повысить престиж членов партии, из-за некоторых нечестных коммунистов» [2, л. 80]. Но при этом автор письма просил не упоминать его имя в печати, т. е. расценить такое письмо можно как доносительское.

Исходя из всего сказанного, мы можем подтвердить разнообразный характер писем, но при этом претензии высказывались довольно осторожно. Взаимодействие власти и общества было нацелено на то, чтобы последствия реформы не создали угрозы социальных потрясений, что было крайне нежелательно в период послевоенного хозяйственного восстановления.

Библиографический список

1. Государственный общественно – политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф.3 Оп. 1. Д.6329.
2. ГОПАНО. Ф.3. Оп. 1. Д.6676.
3. Зубкова Е. Ю. Сталин и общественное мнение в СССР: 1945–1953 гг. //Сталин и холодная война. М.,1998
4. Назаретян А. П. Психология стихийного массового поведения М.,2001.
5. Пихоя Р. Г. Советский союз: История власти 1945–1991. 2-е изд. испр. и доп. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.
6. Филипчук, И. В. Денежная реформа 1947 года: Подготовка и реализация на местах (на примере Горьковской области) [Электронный ресурс]//АНТРО. Пермь; 2014. № 1.

ФУТБОЛЬНЫЙ МАТЧ ЭПОХИ ТОТАЛИТАРИЗМА

Взаимоотношения власти и спорта достаточно многогранны и в разные эпохи не одинаковы. Советский период характеризовался большой политизированностью спорта, особенно в период нахождения у власти И. В. Сталина. Различные неудачи в международном спорте могли отразиться на жизни спортсменов самым непосредственным образом. Так случилось с командой ЦДСА после поражения сборной СССР от сборной Югославии в футбольном турнире Олимпийских игр 1952 г. в Финляндии.

Летние Олимпийские игры 1952 г. в Хельсинки стали первым официальным международным турниром, в котором принимала участие сборная СССР. Основной причиной длительного игнорирования крупных международных турниров по футболу был страх за результат. На деле сборная СССР представляла собой практически полностью сборную Москвы за исключением нескольких представителей тбилисского «Динамо» и ленинградского «Зенита». ЦДСА считался костяком сборной, потому что большинство игроков в сборной были его представителями, а главным тренером был Б. А. Аркадьев.

Первым соперником по предварительному раунду на Олимпиаде стала сборная Болгарии, в матче против которой была одержана победа со счетом 2:1. Следующий соперник определялся жребием, в соответствии с которым сборной СССР досталась команда Югославии, финалист предыдущих Олимпийских игр 1948 г.

Для сборной СССР матч складывался очень неудачно. По ходу игры советские футболисты проигрывали со счетом 0:3, 0:4 и 1:5 за 15 минут до окончания матча, что практически наверняка означало победу соперника. Однако сборная СССР совершила практически невозможное и отыграла разницу в 4 мяча, чего впоследствии на подобных международных турнирах ни разу не происходило. В результате было назначено дополнительное время, однако матч так и закончился со счетом 5:5.

В контексте происходившего на поле интересна реакция болельщиков: «На трибунах веселятся. Еще бы, такое количество голов! К тому же этот матч может стать сенсацией. Наш футбол не так уж тогда котировался, но в то, что игра может закончиться с двузначным счетом, вряд ли кто верил» [4, с. 95]. Но с развитием игры реакция менялась: «Стадион, еще совсем недавно хранивший гробовое молчание, превратился вдруг в бурлящий поток страстей. Все или почти все зрители встали. В сплошном неумолчном гуле, перекатывавшемся по рядам, мы явно слышали отчетливое скандирование земляков: – Е-ще да-вай! Е-ще да-вай!

Вместе с ними кричали на разных языках финны, шведы, англичане... Они болели за нас, они искренне желали нам успеха» [1, с. 137]. Игра сборной СССР заставила различных болельщиков изменить отношение не только к самому матчу, но и к советским футболистам. Не добившись победы, команды вынуждены были играть повторный матч.

Эта игра состоялась уже через день. Матч закончился победой сборной Югославии со счетом 3:1. Команда СССР завершила свои выступления на футбольном Олимпийском турнире 1952 г. в Финляндии. Основной причиной поражения в том матче назывались усталость и сомнительные решения тренерского штаба. Спортивные функционеры видели же причину поражения в плохой политической подготовке футболистов: «Правильнее всего было бы начать с повышения культурного уровня футболистов, с улучшения политико-воспитательной работы среди игроков» [2, л. 49].

Особую важность данному матчу придавали взаимоотношения между двумя государствами и их лидерами – И. В. Сталина и И. Б. Тито. В послевоенные годы они были неоднородными. Период 1945–1948 гг. в отношениях между СССР и Югославией характеризовался взаимопомощью и скоординированной внешней политикой двух стран. В последние годы нахождения у власти советского лидера между двумя государствами разгорелся конфликт, что не могло не отразиться на футбольном противостоянии 1952 г.

Подобное внешнеполитическое противостояние сказалось, в первую очередь, на игроках и тренерах команды ЦДСА, которая была расформирована по итогам олимпийского футбольного турнира 1952 г. приказом Спорткомитета № 793 [5, с. 67]. Это было связано с тем, что «поражение футбольной команды ЦДСА на XV Олимпийских играх нанесло большой ущерб советскому футболу и сильно повредило его престижу в стране и за рубежом» [3, л. 38]. Команда была снята с розыгрыша первенства СССР, результаты сыгранных матчей аннулированы, из газеты «Советский спорт» пропали все упоминания о клубе [5, с. 67].

Ситуация, сложившаяся вокруг команды ЦДСА, беспокоила болельщиков не только в СССР. В различных странах появились версии о репрессиях по отношению к футболистам и тренерам, в связи с чем была подготовлена статья известного комментатора В. С. Синявского. Основная цель ее написания – рассказать о добром здравии спортсменов и отклонить версии о репрессиях. Чуть позже, в 1954 г., чему предшествовала смерть И. В. Сталина, ЦДСА так же неожиданно появился, как и исчез двумя годами ранее.

К сожалению, ситуация с ЦДСА была не единственной в советском спорте, когда государственная политика влияла на жизни спортсменов и тренеров. С развитием «холодной войны» и необходимостью полного превосходства над противником спорт становился важной частью этого противостояния. Стоит отметить, что подобные политические решения

в области спорта были характерны не только для СССР, но и для других тоталитарных режимов. Наиболее характерный пример – расформирование еврейского футбольного клуба «Хакоах» в 1938 г., бывшего одним из сильнейших в Австрии в 1920–1930-е гг., после присоединения Австрии к гитлеровской Германии. В демократических режимах подобных ситуаций выявлено не было.

Библиографический список

1. Бобров В. М. Самый интересный матч. М., 1963.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7576. Оп. 13. Д. 5.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7576. Оп. 13. Д. 119.
4. Иванов Л. Г. В воротах «Зенита». 2-е изд. Л., 1987.
5. Прокуменщиков М. Ю. Большой спорт и большая политика. М., 2004.

Л. А. Григорян

Самарский государственный университет

ПОРЯДОК РАБОТЫ С ПИСЬМЕННЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ, ЗАЯВЛЕНИЯМИ И ЖАЛОБАМИ ГРАЖДАН В 1950–1980-е гг.

Под процедурой рассмотрения и разрешения предложений, заявлений и жалоб граждан понимается совокупность всех форм деятельности государственных и общественных органов, предприятий, учреждений и организаций по приему, учету, изучению, проверке и разрешению письменных и устных обращений граждан. Сюда входят также вопросы о сроках рассмотрения, порядке исполнения принятых решений, и извещения граждан о принятых решениях [1].

Принципы работы с предложениями, заявлениями и жалобами граждан. Основные принципы процедуры рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан в Советах народных депутатов, в других государственных и общественных органах, на предприятиях, в учреждениях и организациях установлены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 г. «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан».

В советской юридической литературе периода 1950–1980-х гг. не выработан единый взгляд на основные принципы работы с предложениями, заявлениями и жалобами граждан. Однако, можно выделить следующие основные принципы рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан: социалистическая законность, демократизм, социалистический интернационализм, гуманизм, равенство граждан перед законом, инстанционность, обоснованность и справедливость, сочетание личных прав, общественных интересов и обязанностей.

Сроки рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан. Указ от 12 апреля 1968 г. для разрешения обращений граждан вводит множество сроков. Так, ст. 9 Указа предусматривает, что заявления и жалобы разрешаются в срок до одного месяца со дня поступления, а не требующие дополнительного изучения и проверки – безотлагательно, но не позднее 15 дней.

В тех случаях, когда для разрешения заявления или жалобы необходимо проведение специальной проверки, истребование дополнительных материалов либо принятие других мер, сроки разрешения заявления или жалобы могут быть в порядке исключения продлены руководителем или заместителем руководителя соответствующего органа, но не более чем на один месяц [2].

Стадии работы с письменными предложениями, заявлениями и жалобами граждан. При рассмотрении и разрешении различных видов обращений граждан процедурные формы их разрешения могут существенно различаться. Особенно ярко обнаруживаются различия, когда речь идет об обращениях различных видов, например, заявлений и жалоб. Однако, рассмотрим в общем виде основные стадии рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан.

Первая стадия – рассмотрение обращения. Она включает ряд этапов: регистрацию, ознакомление с содержанием, направление в инстанцию, компетентную разрешить данное обращение.

Регистрация производится в соответствии с Типовым положением о ведении делопроизводства по предложениям, заявлениям и жалобам граждан в государственных органах, на предприятиях, в учреждениях, и организациях.

Следующий этап – ознакомление с содержанием. В Советах эта работа может выполняться председателем, заместителями председателя и секретарем исполкома либо иными должностными лицами данного Совета. Иногда эта стадия является завершающей. Как правило, это бывает в тех случаях, когда в данный Совет обращение поступило ошибочно, а решение поставленного вопроса или контроль за принятием решения в компетенцию данного Совета не входит. В этом случае поступившее обращение направляется в надлежащую инстанцию, о чем делается отметка в регистрационно-счетных документах.

Однако в большинстве случаев на стадии рассмотрения наступает третий этап – определение компетентного подразделения исполкома, реже постоянной комиссии, которые могут разрешить поставленный в обращении вопрос [3].

Вторая стадия – принятие решение по обращению. Процесс принятия решения, в свою очередь, включает в себя нижеследующие этапы.

Первый, начальный этап – это осознание проблемы. Для того, чтобы осознать проблему, требуется иметь необходимое количество качественной информации.

Второй этап – сбор всей информации, которая позволит определить не только существо поставленного вопроса, но и выяснить причину его возникновения, т.е. обеспечивает инстанцию, разрешающую данное обращение, необходимыми данными для решения задачи, которую необходимо решать.

Третий этап – выдвижение гипотезы, т.е. предварительного решения, принимаемого на основе первичной информации. Иногда намечается несколько гипотез, вариантов решения, из которых путем анализа и сопоставления выбирается оптимальный.

Четвертый этап – апробация гипотезы, т.е. ее обсуждение в кругу компетентных лиц.

Пятый этап – принятие решения и направление его заявителю [4].

Таким образом, вся работа местного Совета по рассмотрению и разрешению обращений граждан должна быть организована так, чтобы обеспечить принятие решения и дачу ответов заявителям в установленные сроки и в соответствии с действующими принципами работы с предложениями, заявлениями и жалобами граждан.

Библиографический список

1. Казакевич Н. Н., Кузьмин Э. Л. Порядок рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан. М.: Профиздат, 1975.
2. Указ Президиума ВС СССР от 12 апреля 1968 г. N 2534-VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» (в редакции от 4 марта 1980 г.) (с изменениями и дополнениями)//Информационно-правовой портал Гарант [Электронный ресурс]. М., 2014. Режим доступа: <http://base.garant.ru/1328020/>
3. Козлов Ю. М. Прием и рассмотрение жалоб и заявлений трудящихся в органах советского государственного управления. 2-е, переработ. изд. М.: Госюриздат, 1969.
4. Ремнев В. И. Предложения, заявления и жалобы граждан. М.: Юрид. лит., 1972.

А. Н. Киселева

Самарский государственный университет

ВЛИЯНИЕ НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНИИ ПРАВЯЩЕЙ ПАРТИИ В 1960–1980-х гг.

Последние десятилетия в человеческой цивилизации на первое место стали выдвигаться ценности выживания и развития как всего человечества, так и каждого человека в отдельности. Для массового сознания стало очевидным и неопровержимым фактом, что дальнейшее движение общества вперед невозможно без качественно нового уровня политической,

экономической, правовой и экологической культуры, что эта культура должна пронизывать сознание людей.

Массовое сознание в целом приближается к признанию того, что общество в современных условиях лишено перспективы развития без резкого скачка в массовом приобщении к мировому уровню нравственной и научно-информационной культуры. Но для этого необходимо изучить исторические особенности формирования массового сознания в России. И поскольку сегодня наблюдаются ностальгические настроения по эпохе «застоя», определенный научный интерес представляют именно особенности формирования массового сознания в ту эпоху с помощью средств массовой коммуникации (СМК), т. к. их эффективность нашла свое подтверждение и в наше время.

Массовое сознание включает в себя такие важнейшие аспекты, как массовая коммуникация и массовая культура, а также сознательная или неосознаваемая идеологическая ангажированность, привязанная к интересам господствующих классов. Сам факт его объективного существования не может вызывать каких-либо сомнений, поскольку он подтверждается длинным рядом явлений общественной практики, касающихся многочисленных форм массового поведения людей, функционирования общественного мнения, деятельности средств массовой информации и пропаганды и др. Подобно иным массовым явлениям — массовой культуре, массовой коммуникации, массовой информации — массовое сознание оказывается тесно связанным с уровнем развития производительных сил, достигнутым человечеством, с этапами научно-технического прогресса и потому существует во всех типах современных обществ, в том числе, разумеется, и в обществе социалистическом. Более того, его функционирование теснейшим образом вплетено в решение многих социально-экономических и общественно-политических задач национального и глобального масштаба.

В последнее время эта проблематика стала необычайно актуальной и пользуется вниманием исследователей. В одной из своих монографий доктор философских наук Ю. Г. Волков утверждает, что деление «общественного сознания» на обыденное (социальную психологию) и теоретическое (идеологию) является неправомерным, поскольку в понимании идеологии сегодня становится самоочевидной необходимостью освобождения от догм исторического материализма [1].

Вторая половина 1960-х — середина 1980-х годов были периодом нарастания негативных явлений во всех сферах жизни общества. Они проявились в стагнации экономики, росте оппозиционных настроений населения. Руководство страны не могло остановить надвигающийся кризис в общественно-политической жизни.

Усиление идеологического нажима на общественную жизнь вызывало широкое распространение диссидентского движения, что безусловно, оказывало влияние на отказ общества от существующей идеологии. По

мнению писателя-публициста Л. М. Млечина «К концу шестидесятых годов партийный аппарат утратил контроль над духовной жизнью общества. Вера в коммунизм даже в самом аппарате сохранилась лишь в форме ритуальных заклинаний» [2]. Безусловно, социальная структура советского общества в 1960—1980 гг. явно не укладывалась в конституционно закрепленную схему и изменялась в связи с эволюцией самого общества. Это выражалось в росте уровня образования, потребностей, изменении уровня жизни и демографической ситуации, а также в урбанизации. Власть «не замечала» очевидных изменений, более того, настаивала и всеми силами поддерживала ортодоксальный тезис об идеологическом единстве советского народа, о партийном единомыслии советских граждан.

Воздействие властей на массовое сознание ставит своей целью такие действия людей или такое их отношение к событиям, политике власти или людям, которые необходимы для воздействующего субъекта. Что касается «действий людей» в исследуемый период, то в целом они большей частью соответствовали тому, что ожидали власти, а вот их «отношение» все больше отходило от ожидаемого.

Характеристиками же официальной идеологии исследуемого периода продолжали оставаться догматизм и идеологическая нетерпимость [4]. По словам А. Пятигорского, «тоталитаризм — при самом элементарном философском осознании — есть принудительность моего мышления. Это означает, что я мыслю как другой, но и что другой мыслит как я. И это называется «единодушием», или «единомыслием, или «общим языком», или «основанием для взаимопонимания»... Человек должен думать определенным образом об определенных вещах, чтобы... не думать. Не думать о своем мышлении, о своей судьбе» [3].

Из выше сказанного можно сделать вывод, что из разрозненных идеологов была создана целая система, глубоко внедренная в массовое сознание. Часть этих идеологов несла положительный заряд, а часть модифицировалась, как, например, образ врага, и по сравнению с разрушительной ролью идеологемы врага в сталинское время играла более позитивную роль в ориентации отношения к внешней политике.

Особенностями формирования массового сознания изучаемого периода следует, в первую очередь считать традиционные для Советской пропаганды мифологизацию и героизацию.

Библиографический список

1. Волков Ю. Г. Манифест гуманизма (Идеология и гуманистическое будущее России) М.: АНО РЖ «Соц.-гуманит. знания», 2000.
2. Млечин Л. М. Брежнев. М.: ТК Велби, Проспект, 2005.
3. Мясников Г. В. «Душа моя спокойна...» Из дневников ранних лет// Наше наследие. 2001. № 59—60.
4. Пятигорский А. Реакция философии на тоталитаризм//Независимая газета. 1994. 31 декабря.

РАЗВИТИЕ КОМПОНЕНТОВ, СОСТАВЛЯЮЩИХ СИСТЕМУ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1991–1999 ГОДАХ

90-е гг. XX века в России были насыщены историческими событиями, в числе которых и те, что изменили ее структуру. Обозначилась и проблема местного самоуправления, оказавшись в центре теоретических споров и острой политической борьбы.

В данной работе местное самоуправление (МСУ) рассматривается комплексно, как система, в которой можно выделить следующие компоненты:

– наделенное властными полномочиями местное население (не просто как группа людей, проживающих на определенной территории, а местное сообщество, объединенное в соответствии с целями своего жизнеобеспечения в пределах территории, где осуществляется местное самоуправление);

– представительство публичной власти местного самоуправления, непосредственно не совпадающее с населением, созданное по воле населения и представляющее его на постоянной основе во взаимоотношениях, связанных с осуществлением местного самоуправления;

Говорить об участии населения в государственном управлении, на конец 90-х гг., не приходится. Единственной задействованной нишей становится местное самоуправление – сила, которая была бы способна влиять на политические процессы в стране. Возможным это бы стало, только если население восприняло бы органы МСУ как выразителей собственных интересов. Но проблема заключалась в восприятии населением органов МСУ как управляющей надстройки, и вместо процесса взаимодействия пошел процесс отторжения [1]. Снижается уровень доверия граждан к органам МСУ, причиной чему явилась излишняя забюрократизированность процесса передачи информации от населения к органам местного самоуправления [2].

– представительство общественно-территориальной власти населения, проявляющееся в пределах части территорий муниципальных образований по отдельным вопросам жизнедеятельности населения – органы территориального общественного самоуправления (ТОС). В исследуемый период времени ТОСы играли роль своеобразного связующего звена между населением и местным самоуправлением. Однако, данный институт был сформирован не во всех городах Среднего Поволжья.

В основе всех указанных выше процессов лежало отсутствие консолидированной нормативной базы, что является следующими частями системы:

– законодательная база, регламентирующая организацию и деятельность органов местного самоуправления на федеральном уровне. Отсутствие качественных локальных нормативов на местах выросло в несформированное законодательство в стране в целом.

Двумя ключевыми точками эволюции законодательной базы местного самоуправления в 90-х гг. XX века стало принятие Конституции Российской Федерации в декабре 1993 г. и Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 1995 г. Расширилась сфера вопросов, по которым население обращается в органы МСУ, что свидетельствует об укреплении системы местного самоуправления и попытке выстраивания эффективного взаимодействия. Принятие Конституции как выход из кризиса в очередной раз доказало фундаментальность нормативной правовой базы как основы государственного строя [3]. В конце исследуемого периода была сделана попытка решить указанные проблемы, на государственном уровне, с помощью «Основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации» (Утверждены указом Президента РФ от 15.10.99).

– нормативные правовые акты (локальные), регламентирующие организацию и деятельность органов МСУ городов Среднего Поволжья. Говоря о нормативных правовых актах деятельности органов МСУ Среднего Поволжья можно выделить следующие особенности:

– недостаточная фундаментальность, приводящая к постоянным изменениям, что не способствовало формированию стабильной системы МСУ;

– шаблонность – при создании уставов не учитываются особенности муниципальных образований, что также не способствует продуктивному развитию системы МСУ.

– внешние связи. Представлены как взаимоотношения с городами-побратимами, которые играют важную роль в становлении местного самоуправления. Особенно важным является сотрудничество с городами – представителями стран с отличной от российской формой правления.

Подводя итоги можно говорить о том, что в период с 1991 по 1999 годы система местного самоуправления в России прошла сложный путь от разрозненной посткоммунистической, развалившейся одномоментно, до собранной воедино. Основными проблемами новой системы местного самоуправления на конец исследуемого периода остались несогласованность и несистематизированность законодательства о местном самоуправлении, неполное и непоследовательное регулирование вопросов организации и деятельности МСУ.

Библиографический список

1. Адаевская Т. И. Влияние социальных факторов на формирование городской среды//Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007 Т. 1. №5.
2. Евменова О. Н. Проблема экономической и социальной адаптации населения к новым условиям организации МСУ в период системных реформ (1991–1999 гг.)//Реформы и реформаторы в истории России: к 150-летию великих реформ: Материалы XVI Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 17–18 мая 2012 г. М.: РУДН, 2012.
3. Адаевская Т. И., Константинова О. Н. Конституция 1993 года как цивилизованный выход из политического кризиса//Вестник Орловского государственного университета. № 1 (36). 2014.

СЕКЦИЯ III. ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

Е. И. Сливков

Самарский государственный университет

ВЛИЯНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ИДЕЙНЫХ ТЕЧЕНИЙ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ С. Н. ПРОКОПОВИЧА)

В статье я делаю попытку анализа западноевропейских влияний на идейные установки С. Н. Прокоповича. В рамках данного исследования я ограничусь анализом взгляда С. Н. Прокоповича на тактику социал-демократии в рамках развития этого идейного течения в Германии.

В отечественной историографии довольно подробно проработаны вопросы, связанные с восприятием теории Маркса и Энгельса, так называемых ортодоксальных марксистов. Между тем восприятие и влияние этих же идей на другие направления социалистов рассматривались поверхностно, в том числе и такого направления, как «экономизм».

Западноевропейское влияние происходит по многим каналам, но самыми действенными являются непосредственное восприятие западноевропейской действительности в ходе пребывания за рубежом и опосредованно через «генераторы идей». В случае Прокоповича усвоенный западноевропейский опыт оказал существенное влияние на все его мировоззрение. В 1894 г. С. Н. Прокопович уехал в Брюссель, где прослушал курс в Брюссельском университете (1894–1898), в 1899 г. вернулся в Россию [1, с. 24]. Результатом его научных изысканий в Европе стала публикация ряда работ. Обладая значительным материалом по данному вопросу и при контактировании с лидерами европейской социал-демократии, он изучил развитие рабочего движения в Германии и Бельгии, рассмотрел развитие социал-демократической и христианской партий в Германии и рабочей партии в Бельгии.

За границей в конце 90-х годов Прокопович входил в «Союз русских социал-демократов за границей». В данной организации Прокопович находился в близких отношениях с её лидером Г. В. Плехановым, который оказал существенное влияние на «молодого марксиста» как «генератор идеи» марксизма. Однако, отношения с социал-демократами быстро испортились и из соратника Прокопович превращается в «идейного врага». Наибольшие противоречия возникли между «молодым» Прокопо-

вичем и «старыми» социалистами по вопросам тактики социал-демократии. Взгляды Сергея Николаевича представлялись ревизией марксизма, в русле «экономизма» Бернштейна. Но был ли экономизм Прокоповича отступлением от европейской социал-демократии как эталона?

Экономизм Прокоповича был весьма условен. Что понимается под «экономизмом»? Идеиное течение, которое пропагандирует, что в современных условиях политического гнета следует двигаться по линии «наименьшего сопротивления», т. е., образно говоря, действовать там, где возможен результат в данных условиях. В условиях России рубежа XIX—XX века благодаря стачкам рабочие добивались удовлетворения экономических требований, благодаря кассам взаимопомощи или товариществам они же улучшали свое экономическое положение. Таким образом, Прокопович, в данных политических условиях, выступал за экономическую борьбу как первоочередную. Однако, эта тактика им в догму не вводилась, он считал её временной. Такой подход к тактике социал-демократии у Прокоповича сложился под прямым влиянием опыта развития немецкой социал-демократии.

Развитие социал-демократической партии по Прокоповичу прошло три этапа. Первый этап, когда появился «защитник рабочих» Лассаль и организовал «Рабочий союз». Второй этап охватывал период 1867—1890. Третий — развитие социал-демократии после 1890 года. Перед тем как Сергей Николаевич приступил к описанию начального этапа становления партии социалистов в Германии, он анализирует её идеологию и приходит к выводу, что не программа определяет движение, а само движение программу. Движение политической партии, по Прокоповичу, это в первую очередь тактика. Причем тактика не может быть неизменной, а подвержена изменяющимся внешним условиям и внутренним содержанием движения. В первом этапе Прокопович описывает попытку Лассаля организовать сильную рабочую партию и его тактику. Принимая во внимание слабость развития капиталистических отношений, исследователь считал закономерным, что стремления руководителя социалистов не оправдались. Социалистическая агитация смогла привлечь к моменту смерти Лассаля только 4.610 членов, хотя он рассчитывал на 100.000. Не обладая политическим влиянием, союз не имел силы практически действовать в интересах рабочего класса. Эта фактическая невозможность была возведена в принцип в догмат [2, с. 123]. Это отразилось и на тактике. В политической борьбе она привела к признанию всех остальных политических партий за одну «реакционную массу»; в области экономической борьбы — она вызвала отрицательное отношение ко всем формам организаций, даже к профессиональным союзам [2, с. 123]. Введение всеобщего избирательно права при выборах в Рейхстаг (1867 г.) ознаменовало собой начало второго этапа в развитии социал-демократов. Этот этап характеризуется, с одной стороны, свободным развитием рабочей партии, с другой — искусственным интересом рабочих к политическим

вопросам. Третий этап после 1890 г. характеризуется следующими особенностями тактики: агитации сменяется практической деятельностью, продуктивной политической работой в рамках существующей капиталистической системы, не исключающей возможности союза с другими оппозиционными силами. Совершенно очевидно, что опыт немецкой социал-демократии был показателен для С. Н. Прокоповича. Он пропагандировал свой условный «экономизм», дабы избежать просчетов в тактике, как социалисты во времена Лассаля, когда политические требования были несвоевременны и не находили сочувствия у рабочих.

В конце XIX в. С. Н. Прокопович постулировал, что экономическая борьба на данном этапе развития рабочего движения должна иметь первостепенную важность. По проанализированным работам С. Н. Прокоповича и Е. Д. Кусковой за период до 1917 г. можно заключить, что эти деятели не исключали политической борьбы в перспективе, когда будет достигнута определенная сознательность населения в рабочем движении.

Действительно в конце XIX в. Прокопович находился на позициях «экономизма», однако после революции у автора появляются статьи в которых заявляется о превалировании политических над экономическими требованиями. Так же следует отметить, что Сергей Николаевич, находясь под «очарованием» немецкой социал-демократии пытался адаптировать её опыт для русской действительности.

Итак, Сергей Николаевич уже в 1899 г. был сторонником тактики партии социал-демократов, основанной на практической деятельности. Однако деятельность рабочего движения в русле экономической борьбы им признавалась временной. Уже накануне и после революции 1905 г. Прокопович выступает за политические требования, как первоочередные. Призывая решать насущные проблемы рабочего, крестьянина, он был против догматов в программе, которые мешали развитию партии, потому что всё имеет свойство меняться, развиваться в конкретных исторических условиях. Такой взгляд на тактику социал-демократов у него остается неизменным в течение многих лет. Осмыслив опыт развития западноевропейской социал-демократии, исследователь перенял его и попытался применить к российским реалиям. Следует отметить также и то, что условный «экономизм» С. Н. Прокоповича был не отступлением, а идейным развитием марксизма в рамках европейской социал-демократии.

Библиографический список

1. Бачурина О. Н. Экономическое наследие С. Н. Прокоповича и его общественно-политическая деятельность в эмиграции. СПб., 2005.
2. Прокопович С. Н. Рабочее движение на Западе. Опыт критического исследования. СПб., 1899.

ПОНЯТИЯ «ТОРГОВЛЯ» И «ТОРГОВЕЦ» В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В современной российской исторической науке накоплен большой массив исследований, посвященных комплексу преобразований пореформенной России отразившихся на экономической жизни страны, в частности, на торгово-промышленной сфере. Однако если внимательно рассматривать работы, посвященные конкретно торговле и торговым отношениям, то выявляется ряд проблем, с которыми сталкиваются исследователи и от решения которых зависит точность и обоснованность получаемых выводов.

Первая проблема связана с точностью определения предмета исследования. И именно здесь начинаются расхождения в интерпретации самого понятия «торговля». На практике большинство исследователей характеризуют торговлю с позиции современного нам определения. Однако базовым принципом исторического исследования является характеристика исторической эпохи с позиций её современников [2, с. 7], в чем собственно и заключается принцип историзма [4, с. 16]. В современной трактовке «торговля» или «торговая деятельность» — это вид предпринимательской деятельности связанный с приобретением и продажей товаров [1, с. 1]. Если же мы обратимся к законодательству Российской империи, то здесь трактовка понятия несколько шире. Помимо самого процесса купли и продажи товара к торговым действиям причислялись, к примеру, денежные переводы на русские и иностранные города, содержание страховых контор, содержание справочных контор для найма квартир, даже содержание ремесленных заведений, фабрик и заводов, а также целый ряд иных форм предпринимательской деятельности [5, с. 3–4]. Такую же расширенную трактовку подразумевали не только законодатели, но и сами современники [7, с. 541–542].

Вторая проблема связана с методикой определения численности торговцев. Согласно законам империи, правом торговать обладали лица, имеющие соответствующие свидетельства и билеты, а также лица их не имеющие, но реализующие товары, перечень которых содержался в Рописях А и Б «Положения...» [5, с. 33–34]. Следовательно, те торговцы, которые не приобретали свидетельств не нашли отражения в налоговой документации, статистике или иных источниках. На практике, в работах это выражается в их игнорировании при характеристике торговли указанного периода. В подавляющем большинстве из них, при анализе нормативных документов имеются указания на данные «белые пятна», однако в трудах при рассмотрении статистики и в выводах подобные торговцы не фигурируют. В свою очередь, учет подобных предпринимателей

весьма важен, так как товар, который они реализовывали, по своему характеру был предметом повседневной необходимости (продукты питания, одежда, мебель) [5, с. 33–34], и это могли быть как горожане, так и сельские обыватели. Однако необходимо признать, что их численность установить невозможно и говорить здесь уже приходится о теневой (но легализованной на тот момент) экономике.

Тезис о том, что численность торговцев, которые приобретали свидетельства, является хорошей статистической выборкой, в данной ситуации не работает. Обращаясь к математическим методам исторических исследований, видим, что данные, пригодные для генеральной выборки должны быть качественно однородными [6, с. 61–74], чего в данном случае нет. Нельзя отождествлять торговцев без свидетельств и с ними, так как они качественно отличаются (хотя бы по виду, назначению, стоимости, способу производства реализуемых товаров). Более того, стратификация торговцев обладающих свидетельствами также чрезвычайно сложна и применение генеральной выборки возможно только при изучении обладателей каждого вида свидетельств по отдельности.

Третья проблема заключается в неполной изученности связи ремесленников с рынком сбыта их продукции. Существовал институт скупщиков, однако он охватывал далеко не всех ремесленников. Кроме того, в различных губерниях имелись различные центры сбыта продукции: в одних случаях города, в других — сельская местность [3, с. 33]. В силу малой масштабы производства товаров, ремесленники были максимально приближены к потенциальным покупателям, нежели фабрики и заводы, и их товары реализовывались на месте самими производителями [7, с. 541].

Таким образом, 1) при обозначении предмета исследования необходимо более четкое определение термина «торговля»; 2) при определении численности и общей характеристике торговцев необходимо давать более конкретное указание на то, какие именно торговцы подвергаются анализу; 3) насущным становится вопрос изучения степени вовлеченности ремесленников в торгово-рыночные отношения и определения их количества и роли в процессе реализации готовой продукции непосредственно потребителю.

Следует отметить, что решение данных проблем позволит исследователям существенно повысить точность работ, а в некоторых случаях способно изменить сложившееся на данный момент представление о тенденциях развитии внутренней торговли пореформенной России.

Библиографический список

1. ГОСТ р 51303–2013. Торговля термины и определения. М.: Стандартинформ, 2014.
2. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2013.
3. Тарновский К. Н. Мелкая промышленность России в конце XIX — начале XX в. М.: Наука, 1995.

4. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка./ Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2000.
5. Уставы торговый, фабричной и заводской промышленности и ремесленный с дополнениями и изменениями по продолжениям 1863, 1864, 1868 и 1869 годов и позднейшим узаконениям//Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов. СПб.: Типография Юлия Андр. Бокрама, 1870.
6. Федорова Н. А. Математические методы в историческом исследовании. Казань, 1996.
7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXXIIIА. Томбигби – Трульский собор. СПб.: Типография Акц. Общ. «Издательское Дело», Брокгауз-Ефрон, 1901.

Е. А. Кузнецова

Ульяновский государственный педагогический университет

«ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ» В. БРЮСОВА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РУБЕЖА XIX – XX вв.

В. Я. Брюсов – один из творцов русского Серебряного века, творчество которого неразрывно связано с историей и современностью. В рамках данной статьи будет рассмотрен один из романов автора в контексте этой особенности его творчества.

«Огненный Ангел» – первый исторический роман Валерия Брюсова. Характерная для поэтического творчества автора черта – пристрастие к кризисным, переходным эпохам исторического развития человечества [4, с. 152–154] – находит свое отражение и в исторической прозе автора. И если «Алтарь Победы» и «Юпитер поверженный» относятся ко времени кризиса языческого мировоззрения и роста влияния христианского, то в «Огненном Ангеле» мы встречаем Германию XVI в., когда на смену средневековому образу жизни приходит Возрождение, и опять на страницах книги мы наблюдаем кардинальную перестройку жизни общества. Особый интерес к таким историческим периодам у В. Брюсова связан с реалиями современности, той атмосферой, которая царил в русском обществе на рубеже XIX – XX вв. и предвещала не просто кризис, но надвигающуюся катастрофу («Друзья, мы спустились до края/Стоим над развернутой бездной»). Поэтому за трагизмом немецкого XVI века угадывается российская действительность рубежа веков. Можно согласиться с теми исследователями творчества В. Брюсова, которые указывают на «духовный» аспект связи этих двух эпох, связанный с разделением общества на враждующие группировки – Е. В. Карабегова [2, с. 80–81], В. Пуришев [3, с. 340–341].

Валерий Брюсов останавливает свой выбор на 1534–1535 гг. Возникает вопрос, почему? Ведь основные события Реформации происходили в

20-х гг., и, по словам Рупрехта – главного героя «мемуаров» – это «были те времена, о которых теперь говорят: кто в 23 году не умер, в 24 не утонул, а в 25 не был убит, – должен благодарить бога за чудо... по всем немецким землям, словно в сатанинской пляске, проносились народные мятежи и буйства» (IV, с. 19). «Черные бури современности», «огненная и кровавая буря» – так называет автор события тех лет, причем подчеркивает их обреченность, в т. ч. в виду невежественности крестьян (IV, с. 20). Выбирая 1534–1535 гг., автор стремился показать те настроения в обществе, которые мы можем назвать послереформационными. Поэтому можно согласиться с З. И. Ясинской, которая указывает на то, что роман преследует цель передать «тревожный дух времени, смятение умов, стремление к точному знанию... то есть все характерные противоречия мировоззрения переходной эпохи, породившей их» [Цит. по: 3, с. 333].

Противоречивость эпохи получает свое отражение во внешнем облике германского города XVI в. Жизнь такого шумна, преисполнена «вечной суетни и торопливости» (IV, с. 17), причем таковая на пристанях напоминает Рупрехту «первый круг Ада Алигьери» (IV, с. 52). Вечером слышен «звон замыкаемых уличных цепей» (IV, с. 17–18). На улицах города «приземистый, старозаветный домик, в три выступающих друг над другом этажа» соседствует с «новыми, высокими, всячески изукрашенными строениями, кругом воздвигнутых... бойким веком» (IV, с. 150).

В романе отражены следующие процессы, идущие в германском обществе в XVI в.:

Вкрапление в средневековый уклад элементов капиталистического и вызванная этим общая противоречивость эпохи;

Вырождение рыцарства и стирание границ между сословной структурой общества;

Рационализм (даже в сфере магического знания);

Оживление в философской мысли, затем в образовании и науке;

Сочетание сверхрелигиозности и мистицизма.

Memento mori (лат. «помни о смерти») – это тот призыв, который сопровождал жизнь человека в рассматриваемую эпоху. Можно утверждать, что деятельность инквизиции как нельзя лучше напоминала людям об этом призыве. Страх перед инквизицией пронизывает все общество. Так, Рупрехту не сразу удастся раздобыть нужные ему книги в лавке, т. к. продавец боится того, что он окажется шпионом инквизиции (IV, с. 91). Перед судом такого карающего органа предстала Рената. В. Брюсов совершенно справедливо указывает на то, что суд инквизиции – это суд по закону и одновременно вне закона. Инквизиция – это когда «милость» равняется не милости для подсудимого, а «милость для судий» или «милость для страны», слово «жизнь» представляло собой не синоним жизни земной, но «жизни вечной» (IV, с. 270).

Таким образом, перед нами глубоко историческое произведение. «Огненный ангел» пропитан атмосферой немецкого XVI в. Противоре-

чивость и трагичность эпохи пронизывала абсолютно все сферы жизни общества, накладывала отпечаток на каждого человека в отдельности. Так, душа Ренаты соткана из «противоречий и неожиданностей, как ткань из разноцветной пряжи» (IV, с. 53), ее судьба самая трагичная. Рупрехт не только страдает от роковой любви к Ренате, но и постоянно чувствует на себе тень «незаслуженного оскорбления, которое клеймила... уже не раз, как человека не из рыцарской семьи» (IV, с. 149). Агриппа и Фауст — ученые, не нашедшие себе места в ту переходную эпоху, в которую они жили.

Стоит еще раз отметить и тот факт, что выбор именно 30-х гг. XVI в. обусловлен сложностью эпохи, ее «смутным характером». Уже современники В. Брюсова отмечали, что за этим произведением стоит современная им история родной страны. Трагизм немецкого XVI века имеет много общего с эсхатологическими настроениями в России на рубеже веков, что скрытым подтекстом проходит абсолютно через все произведение В. Брюсова.

Библиографический список

1. Брюсов В. Собрание сочинений: В 7 т.: Т. 4. «Огненный ангел». М.: «Художественная литература», 1974. 352 с.
2. Карабегова Е. В. Германская «осень Средневековья» в романе В. Я. Брюсова «Огненный Ангел» // Брюсовские чтения 2002: (сб. статей). Ереван: Лингва, 2004. С. 78–88.
3. Пуришев Б. Брюсов и немецкая культура XVI века // Брюсов В. Собрание сочинений: В 7 т.: Т. 4. М.: «Художественная литература», 1974. С. 328–341.
4. Шумаева Е. А. Творчество В. Я. Брюсова на фоне российской истории рубежа XIX – XX вв. // Платоновские чтения: материалы и доклады XIX Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 6–7 декабря 2013 г.). Самара: Издательство «Самарский университет», 2013. С. 152–154.

А. В. Шафиров

НИИ истории и культуры Ульяновской области

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСТВА И КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв.» (1940-е – 1970-е гг.)

Цель данной статьи — анализ имеющихся работ ульяновских исследователей, в которых затронуты вопросы истории крестьянства и крестьянского хозяйства Симбирской губернии второй половины XIX – начала XX вв.

В 1940–1970-е гг. изучение истории крестьянства и крестьянского хозяйства в Ульяновской области, как и во всей стране, значительно активизируется. Это связано с развитием аграрной истории как направления отечественной исторической науки, а также стремлением показать успехи аграрной политики в стране в сравнении с дооктябрьским периодом.

Концептуальной основой работ в 1940–1970-е гг. являлись труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», а также «Краткий курс истории ВКП (б)». Первой работой в этой сфере стала небольшая монография В. Левашёва «Реформа 1861 года в Симбирской и Самарской губерниях» (1940) [6]. Автором рассмотрен процесс наделения бывших крепостных земель, порядок выкупных сделок, величина отрезков от крестьянских наделов. Данное пособие было ориентировано на массового читателя, поэтому, несмотря на обширный архивный материал, даёт лишь общее представление о событиях, условиях и обстоятельствах проведения крестьянской реформы 1861 года в двух приволжских губерниях.

Начало фундаментального изучения истории крестьянства Симбирской губернии связано с именем Н. П. Гриценко. В «Очерках по истории города Симбирска-Ульяновска и Ульяновской области» [3] им проанализированы итоги крестьянской реформы в помещичьей деревне, размеры наделов и качество земель, доставшихся крестьянам. На основе обработки материалов фонда Симбирского по крестьянским делам присутствия уточнены данные, собранные офицерами Генерального штаба в конце 60-х гг. XIX века. Кратко описаны взаимоотношения крестьян и помещиков после реформы.

Следующей крупной работой Гриценко, посвящённой обозначенному кругу вопросов, явилась монография «Удельные крестьяне Среднего Поволжья» [2]. Исследователь рассмотрел ход подготовки и реализации крестьянской реформы в удельной деревне (по Положению от 26 июня 1863 года), формирование крестьянских наделов, определение размеров выкупных платежей в пользу Департамента уделов, сравнение данных по полученной надельной земле различными категориями бывших крепостных.

Процесс и результаты отмены крепостного права в Симбирской губернии рассмотрены в работах И. С. Ромашина [8, 9]. Автор попытался описать размер земельных наделов помещичьих крестьян до и после реформы 1861 года. На основании количественных показателей размеров наделов Ромашин делает вывод о медленном развитии капитализма в деревне в связи с реформой.

Крестьянское движение, последовавшее за отменой крепостного права в помещичьей деревне, проанализировано в исследовании В. А. Осипова [7]. Автор на основе материалов Ульяновского областного архива выявил отношение крестьян к обнародованию Манифеста от 19 февраля 1861 года, проанализировал процесс составления уставных грамот, рассчитал величину земельного надела временнообязанных крестьян. Крестьянские восстания имели стихийный, неорганизованный характер. Они, по мнению

Осипова, были связаны с сохранением значительных земельных владений в руках помещиков и запредельными выкупными платежами.

Доцент Ульяновского пединститута И. Н. Трегубов сосредоточил основное внимание на проблеме социальной и экономической дифференциации, пролетаризации крестьянства Симбирской губернии [10, 11, 12, 13]. В круге его научных интересов оказалась деятельность землеустроительных комиссий, введены в научный оборот сведения о переселении симбирских крестьян в Сибирь. Работы Трегубова носят ярко выраженный идеологический характер.

В статьях С. П. Захарова исследованы аграрные отношения и положение крестьянства после отмены крепостного права у помещичьих и удельных крестьян [4] и ход столыпинской аграрной реформы в симбирской деревне [5]. В публикациях отражены позитивные моменты эволюции крестьянских хозяйств: применение машин и механизмов, удобрений, новые формы обработки земли. Однако автор указывает, что переход к капитализму в деревне тормозили пережитки феодального уклада — сохранение собственности помещиков на значительные земельные угодья, отработки, выкупные платежи, а также малоземелье крестьянства. Главной мыслью работ является тезис о необходимости буржуазно-демократической революции в российской деревне.

В работе П. Д. Верещагина «О переселении крестьян Симбирской губернии на окраины в конце XIX—начале XX вв.» [1] рассмотрено переселение крестьян на окраины государства, его причины и последствия, влияние на крестьянское хозяйство. К основным факторам, толкавшим крестьян на изменение места жительства, автор отнёс малоземелье, рост арендной платы за землю, отсутствие необходимых средств производства (инвентаря, посевного материала и удобрений, скота), дифференциация крестьянства как класса. Исследователь полагает, что при сохранении пережитков феодализма в деревне миграции крестьян не имели положительного эффекта.

Таким образом, внимание ульяновских исследователей было сосредоточено лишь на процессе и результатах отмены крепостного права, отдельных категориях крестьянства губернии, а также на последствиях столыпинской аграрной реформы. Проблема истории хозяйства, соотношение феодального и капиталистического уклада в симбирской деревне остались вне рамок указанных работ.

Тем не менее, несмотря на идеологизированность работ, их авторами были выявлены ценные фактические сведения, введён в научный оборот объёмный архивный материал по истории крестьянства Симбирской губернии конца XIX — начала XX вв.

Библиографический список

1. Верещагин П. Д. О переселении крестьян Симбирской губернии на окраины в конце XIX — начале XX вв. // Учёные записки Ульян. пединститута. Ульяновск, 1963. Т. 18. Вып. 3. С. 105—129.

2. Гриценко Н. П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья: очерки. Грозный, 1959. — 586 с.
3. Гриценко Н. П. Очерки по истории города Симбирска-Ульяновска и Ульяновской области. Т. 1. Ульяновск: «Ульяновская правда», 1948. — 239 с.
4. Захаров С. П. К вопросу об аграрных отношениях в Симбирской губернии накануне февральской буржуазно-демократической революции // Учёные записки Ульян. гос. пед. ин-т. Ульяновск, 1957. Т. 12. Вып. 1. С. 121—156.
5. Захаров С. П. К вопросу об аграрных отношениях в Симбирской губернии накануне первой русской революции 1905—1907 гг. // Учёные записки Ульяновского пединститута. Вып. VII. Ульяновск, 1955. С. 116—168.
6. Левашев В. Реформа 1861 года в Самарской и Симбирской губернии. Облгиз. Куйбышев, 1940. — 72 с.
7. Осипов В. А. Крестьянские волнения в Симбирской губернии в связи с реформой 1861 года // Сборник студенческих научных работ Ульяновского пединститута. Вып. первый. Ульяновск, 1956. С. 20—41.
8. Ромашин И. С. Очерки экономики Симбирской губернии XVII—XIX вв. / И. С. Ромашин. Ульяновск: [без изд.], 1961. 52 с.
9. Ромашин И. С. Крестьянская реформа 1861 года в Симбирской губернии // Учёные записки Ульяновского пединститута. — Серия историческая, Том XXI, вып. 5. Ульяновск, 1969. С. 3—25.
10. Трегубов И. Н. Капиталистическое расслоение крестьянства Симбирской губернии // Учёные записки УГПИ. Ульяновск, 1948. Вып. 1. С. 51—86.
11. Трегубов И. Н. Крестьянский банк — орудие столыпинской аграрной политики // Учёные записки Ульяновского пединститута. Вып. V. Ульяновск, 1953. С. 209—253.
12. Трегубов И. Н. Столыпинская реформа и разложение крестьянства в Симбирской губернии // Учёные записки УГПИ. Ульяновск, 1950. Вып. IV. С. 147—176.
13. Трегубов И. Н. Экономическое положение крестьянства Симбирской губернии в начале XX века // Краеведческие записки. Ульяновск, 1953. Вып. 1. С. 204—221.

Я. М. Цыганова

Самарский государственный университет

СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ В ТРУДАХ ИЗВЕСТНЫХ ИСТОРИКОВ ПОРЕФОРМЕННОЙ ЭПОХИ

Во второй половине XIX — начале XX вв. шло интенсивное развитие исторической науки в России. Именно в этот период появились

научные труды по истории России классиков отечественной историографии.

В этот же период в общественной мысли стал формироваться интерес к отдельным регионам империи. Однако краеведение долгое время развивалось силами любителей. Многие известные профессиональные историки рассматривали историю России «с точки зрения центра», уделяя основное внимание центральным регионам европейской части страны. Даже освещая историю отдельных территорий, исследователи (например, Н. И. Костомаров, А. А. Кизеветтер и др.) стремились вписать её в общероссийский контекст. В нашем исследовании сделана попытка проследить, какое место в общероссийской истории, по мнению известных отечественных историков второй половины XIX – начала XX вв., занимало Среднее Поволжье и его историческая судьба.

В обобщающих работах по истории России, принадлежащих перу известных историков (С. М. Соловьёв, М. К. Любавский и др.), сюжеты из истории Среднего Поволжья возникают лишь с эпохи Батыева нашествия. Главной проблемой, волновавшей исследователей, являлись военно-политические отношения между русскими князьями и Золотой Ордой. Средняя Волга чаще всего выступала в их трудах применительно к данному периоду как театр военных действий.

Внимание историков к Средневожской территории становится более пристальным, когда они обращаются к XV веку. С этого времени, как признавали исследователи, данный регион стал играть более значимую роль в общероссийской истории. История Среднего Поволжья рассматривалась ими сквозь призму противостояния молодого Московского государства и его грозного соперника – Казанского ханства. Отношение ученых к их противоборству не было этически нейтральным: о Казанском ханстве они отзывались как о «разбойничьем гнезде, откуда предпринимались хищнические набеги на Московские окраины» [1, с. 164].

Важнейшим переломным моментом в истории как Среднего Поволжья, так и всей России историки считали покорение Казани. Они трактовали это событие не только как военно-политический факт или как начало территориального расширения Российского государства; этому событию придавали и символическое значение – как окончательной победе над «ненавистным басурманским царством» [2, с. 83].

Рассматривая судьбу Среднего Поволжья после покорения Казанского и Астраханского царств, исследователи меняли акценты в своем повествовании. Теперь Поволжье фигурировало в их работах не как театр военных действий с внешним противником, а как «обширные малообитаемые пространства», которые «открылись для русской колонизации» [2, с. 83]. Концепция колонизации российских окраин была разработана в середине XIX века С. М. Соловьёвым, он рассматривал этот вопрос с позиций государственного начала [3]. Разработка этой концепции была продолжена другими учёными. Так, в труде С. В. Ешевского по колони-

зации Северо-Восточного края было уделено внимание продвижению русских в Поволжье [4]; Г. И. Перетяткович, ученик Соловьёва, посвятил свою работу колонизации Поволжья и Приуралья в XV–XVIII вв. [5], а темой исследования Н. А. Фирсова стала духовно-культурная колонизация – христианизация волжских народов [6].

Наиболее важным аспектом колонизации Средней Волги для известных российских историков было хозяйственное освоение этих территорий. Как отмечал М. К. Любавский, «первоначальная русская колонизация этого края вызвана была чисто политическими причинами», но в дальнейшем ключевыми стали причины экономические и социальные [1, с. 180]. Колонизация – и экономическая, и культурная – имела целью окончательное закрепление Средней Волги за Российским государством. В то же время «бунташный», неусмирный характер края подчеркивался в трудах Н. И. Костомарова и его учеников: Среднее и Нижнее Поволжье выступало у них в качестве оплота социального протеста, места наибольшей активности казачьей вольницы [7; 8].

Таким образом, Среднее Поволжье, по мнению учёных, сыграло в общероссийской истории довольно яркую и существенную роль. Прежде всего, этот регион привлекал внимание историков как бывшая территория других государств, за обладание которой велась долгая и кровопролитная борьба. Кроме того, Среднее Поволжье представляло интерес для изучения как ближайшая из присоединённых к России «инородческих» территорий, как регион, где на протяжении нескольких столетий проходил процесс хозяйственного освоения, заселения, укрепления правительственной власти и водворения порядка. В контекст обобщающих трудов по российской истории Среднее Поволжье влетало как регион, ставший своеобразным форпостом для покорения и освоения новых земель вплоть до Тихого океана.

Библиографический список

1. Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб, 2000.
2. Иловайский Д. И. Русская история. М., 1998.
3. Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. М., 2006.
4. Ешевский С. В. Русская колонизация Северо-Восточного края// Вестник Европы. 1866. № 1.
5. Перетяткович Г. И. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877; Перетяткович Г. И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.
6. Фирсов Н. А. Инородческое население прежнего Казанского царства и новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869.
7. Костомаров Н. И. Бунт Стеньки Разина: Исторические монографии

и исследования. М., 1998; Мордовцев Д. Л. Самозванцы и понизовая вольница. В 2 т. СПб, 1867.

М. И. Кузнецова

Самарский государственный университет

МЕМУАРЫ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАРОДНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Народническое движение, возникшее в 60-х гг. XIX века как явление социально-политическое, стало чем-то большим для революционной эпохи конца XIX века. Народнической идеологией были пропитаны все сферы деятельности интеллигенции. Именно для интеллигенции народничество стало верой, заменившей христианство, но и унаследовавшей многое из христианской этики [2, с. 400].

Антропологический поворот в истории позволяет нам обратиться при изучении народничества к источникам личного происхождения, поскольку литература воспоминаний, автобиографий, «мыслей» ведет прямой разговор о человеке [1, с. 118].

Блестящая плеяда революционеров-народников дала нам много мемуаристов. Ценность их воспоминаний состоит в том, что, помимо изложения фактической стороны того или иного события, в них отражена личная оценка этих событий мемуаристами. Воспоминания революционеров — это ключ к пониманию той эпохи, в которой они жили и творили, в которой готовили проекты по переустройству общества и созданию «нового человека». Поэтому одна из функций «революционных биографий» состоит в том, чтобы приобщать неопытных к системе революционных идей. Биография «страдальца за народ» должна была вызывать у читателя желание подражать ее герою [2, с. 407].

Каждый человек, являясь носителем исторической памяти, занимает особенную позицию по отношению к конкретным историческим событиям. Так, относительно исторического события субъект может занимать следующие психологические позиции: участника очевидца, современника и наследника исторического события [5, с. 8–9]. В данном случае нас интересует участник исторического события, поскольку таковыми являлись мемуаристы-народники. В мемуарной литературе автор не ограничен в изложении своих мыслей, взглядов, событий своей жизни. Следует заметить, что все революционные биографии объединены практически одинаковым построением, иерархией событий, происходящих в жизни мемуаристов. Структура данных событий такова: обыденные, важные, переломные. Важными моментами революционных биографий обычно становились следующие: детство, годы учения, нравственное пробуждение, обретение единомышленников. Переломные моменты —

«ситуация выбора и разрыва со своей прежней средой (пересечение “порога”)» [2, с. 408], уход в революцию.

Как описывали мемуаристы-народники, период нравственного пробуждения происходит в подростковом или в юношеском возрасте, когда свое влияние на чистый ум оказывает окружение прогрессивно мыслящих людей и передовая литература, довершавшая дело. Литература играла определяющую роль в становлении личности: «очевидно, что литературные мифы, созданные радикальной интеллигенцией, не просто отражали существование радикальной субкультуры в обществе, а были ее важнейшим формирующим компонентом» [3, с. 40].

«Пороговая» ситуация была своего рода испытанием новичка, поэтому этот момент был ключевым в революционных биографиях. Не случайно авторы воспоминаний акцентируют на этом внимание читателя, поскольку «пересечение порога» — это важный шаг, определяющий дальнейшую жизнь, и обратного пути уже нет.

Еще одним ключевым моментом в революционной биографии является момент ареста. Данное событие следует абстрагировать от всех остальных, происходящих в жизни революционеров, поскольку оно вырывает их из жизни, лишает возможности деятельности. Они перестают принадлежать самим себе. Посадить на долгие годы или навсегда человека, у которого все жизненные интересы были лишь в общественной и революционной деятельности — то же самое, как не давать ему ни пить, ни есть, и он естественно увянет. Н. А. Морозов так характеризует тюремное заключение: «Самая страшная из всех медленно, убийственно действующих пыток — это долгое заключение, это беспомощное состояние в руках ваших врагов! У вас нет более собственной воли...» [4, с. 186]. Мемуары народников передают внутренний мир, психологию узника, замурованного на многие годы в камеру, показывают, как постепенно настроение, близкое к отчаянию, сменялось стремлением к борьбе, как медленной шлиссельбургской казни революционеры противопоставили свою волю, протест.

Таким образом, миропонимание народничества, его идеологию и социокультурные ценности мы легко можем проследить через самих adeptов движения, а точнее — через тексты, оставленные ими в виде воспоминаний, дневников, автобиографий. В стремлении оставлять воспоминания народниками руководило не просто представление о том, что их судьбы могут быть интересны для будущих историков, но и убеждение в исключительной значимости их личного опыта. Поэтому такие моменты революционных биографий, как нравственное пробуждение, «порог», арест являются ключевыми, поскольку именно в важные и переломные моменты самосознание интеллигента поднимается на уровень творческой рефлексии.

Библиографический список

1. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1976. 413 с.

2. Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара, 2011. 448 с.
3. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999. 208 с.
4. Морозов Н. А. Повести моей жизни. Мемуары: в 2 т. М., 1965.
5. Нуркова В. В. История как личный опыт//Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 5–27.

М. Ю. Белов

Самарский государственный университет

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА НА ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В XIX в.

Предметом изучения историографов все чаще становится не только развитие академической исторической науки, но и исторические представления общества, которые формируются через изучение истории в школе, музейную культуру, образы прошлого в искусстве. Так, феномен русского исторического романа пользуется стабильным интересом в исследовательской литературе последних десятилетий.

Рождению русского исторического романа предшествовал всеобщий интерес к произведениям выдающегося британского романиста Вальтера Скотта, создавшего культуру исторического романного мышления. Тем не менее, В. Г. Белинский считал, что развитие исторического романа в русской литературе было не только результатом влияния Вальтера Скотта, но и проявлением «духа времени» – растущего национального самосознания.

В развитии русского исторического романа традиционно выделяют два пика: 1830–1840-е и 1870–1880-е годы. Первым русским историческим романом считается «Юрий Милославский» М. Н. Загоскина (1829), а вершиной жанра – пушкинская «Капитанская дочка» (1836). Новая вспышка исторической романистики приходится на пореформенный период, когда роман переходит на страницы журналов, что обеспечивает ему более широкую читательскую аудиторию [1, с. 422, 453–454].

Исторический роман играет огромную роль в формировании идентичности общества. В XIX веке этот жанр литературы выполнял ту роль, которую в XX веке взял на себя кинематограф: популяризации исторических событий. Главная задача романиста состояла не в хронологическом воспроизведении фактов, а в воссоздании «духа» той эпохи. Кроме того, исторический роман несет в себе идеологическую «запрограммированность», формируя специфический мифологический narra-

тив. Стараниями русских романистов XIX века происходила известная мифологизация Петровской эпохи, екатерининских времён, событий 1612 и 1812 года; в романе закладывался каркас государственного мифа [14, с. 419–420].

Из обширного историко-художественного материала указанного периода выбраны для исследования роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», роман И. И. Лажечникова «Ледяной дом» и роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир».

Особенность романа М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» – соотнесенность давнего прошлого с недавним историческим событием, Отечественной войной 1812 года. Роман проникнут историческими мифами и идеологическими представлениями: «антипольский миф» уравновешивался «пророссийским мифом» об «освободителях Отечества» от поляков – Кузьме Минине и Дмитрии Пожарском. Главным стимулом поступков всех положительных, «истинно русских» героев Загоскина является чувство патриотическое; за незнакомым бытом и костюмами читатель должен был узнавать те же «русские чувства», которые не менее значимы и в «настоящее время» [6, с. 13–15]. В своих произведениях «автор не выводит на сцену именно то или другое лицо, но старается охарактеризовать целый народ, его дух, обычаи и нравы в эпоху, взятую им в основание романа» [8, с. 287].

И. И. Лажечников создал свою версию патриотического мифа. Как признавали современники, его роман «Ледяной дом» сыграл ключевую роль в распространении массовых стереотипов о правлении Анны Иоанновны и формировании теории «бироновщины», а также идеализации образа А. Волынского [2, с. 543]. «Ледяной дом» имел у читателей потрясающий успех и вызвал паломничество к Самсоньевскому кладбищу, на могилу Волынского, а затем породил общественную инициативу по сбору средств на восстановление памятника на могиле Волынского [7, с. 58]. Созданный на добровольные пожертвования, без участия правительства и санкции духовенства, памятник Волынскому и его конфидентам можно считать подлинно народным памятником [13, с. 29].

Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» не только включает в себя его собственную трактовку войны 1812 года как «народной войны», которая до сих пор жива в исторической памяти нашего общества, но и особую историософскую концепцию, в основе которой лежит идея невозможности управления историческим процессом. Толстой отверг то направление в историографии, которое создало культ исторического героя, и указал на решающую роль масс во всех исторических событиях [10, с. 113–123]. Сила художественного воздействия романа была такова, что он вызвал общественную дискуссию о войне, в которой участвовали и историки, и современники описываемых событий [11, с. 89–92; 9, с. 111–113].

Таким образом, исторические романы XIX века, несомненно, оказали значительное влияние на формирование исторических представлений российского общества: в рассмотренных здесь романах были представлены различные версии «патриотического мифа».

Библиографический список

1. Пенская Е. Н. Русский исторический роман XIX века//Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом/Отв. ред.: А. Н. Дмитриев. М., 2012. С. 418–474.
2. Карнович Е. П. Значение бироновщины в русской истории//Отечественные записки. 1873. № 10.
3. Лажечников И. И. Ледяной дом. М., 1979.
4. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. III.
5. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997.
6. Беляев Ю. Отец русского исторического романа//М. Н. Загоскин. Аскольдова могила. Романы, повести. М., 1989.
7. Белинский и его корреспонденты. М., 1948.
8. Загоскин М. Н. Сочинения: в 2 т. М., 1987. Т. 2.
9. Экштут С. А. Битвы за храм Мнемозины: очерки интеллектуальной истории. СПб., 2003.
10. Лурье Я. После Льва Толстого. Исторические воззрения Толстого и проблемы XX в. СПб., 1993.
11. Билинkis М. Я., Евдокимова О. В., Маркович В. М. и др. Война из-за «Войны и мира»: Роман Л. Н. Толстого в русской критике и литературоведении. СПб., 2002.
12. Пушкин А. С. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. Сочинение М. Н. Загоскина//Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1958. Т. 7.
13. Гаршин Е. И. И. Лажечников, как исторический романист. СПб., 1895.
14. Ребеккини Д. Русские исторические романы 30-х годов XIX века//Новое литературное обозрение. 1998. № 34.

Д. В. Бурдаева

Самарский государственный университет

РУССКИЙ СОЦИАЛИЗМ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Важным этапом в жизни и творчестве Достоевского были 40-е годы. Тогда он испытывал серьезное влияние французского утопического социализма. Социализм, духовно воспринятый им через христианскую веру в нравственные добродетели человеческой природы, становится

главным смыслом и направлением в его жизни. Находясь под влиянием В. Г. Белинского и радикально настроенного кружка петрашевцев, Достоевский, уже в 1846 году, как позже он писал в своем дневнике, «был посвящен во всю правду грядущего и обновленного мира, во всю святость будущего коммунистического общества и страстно принял все это учение».

Для обоснования общественно-политического идеала выдвигались антропологические аргументы фурьеристской теории страстей, наводившей на мысль изучения инстинктов и внутреннего мира человека, управляемого божественным разумом. Философско-политическая концепция Достоевского была выражена в категориях «общего блага», «естественного права», «природы человеческих, общественных отношений» [2, с. 384]. Она обличала бюрократизм, социально-политическое невежество, крепостничество. Ранний социализм Достоевского стал важным фактором в духовном искании человеческой свободы, центральной идеей его творческого исследования внутреннего бытия человека, в его отношении к социально-политическому бытию.

Но после реформы 1861 г. Россия встает на путь развития буржуазных отношений при сохранении порядков старого политического строя с многочисленными пережитками крепостничества. Это было время становления буржуазно-либеральной идеологии, неприемлемой для Достоевского, принесения личности в жертву капитала, денег и уничтожения всякой свободы людей. И здесь социализм Достоевского приобретает другую характеристику. Чтобы перестроить общество на новых, более гуманных основаниях и не допустить полного распространения западноевропейских порядков, он призывает русскую интеллигенцию обратиться к народному началу русской нации. Главной альтернативой западному либерализму, революционному социализму может противостоять, по мысли Достоевского, идея «социализма народа русского» и русская идея. Социализм христианский, основанный на отрицании собственности, экономического неравенства, всякого партикуляризма. Главные составляющие русского социализма: православие – всесветское объединение во Христе и вытекающее из него правильное государственное и социальное единение – соборность, воссоединение людей силой братства и братского стремления, а не мечом, ответственность всех за всех; союз народа с царем, а не революционное его свержение; свобода личности и ее свободы, личного самосовершенствования и достоинства, подчинение свободы воли нравственным законам, то, что определяет главный смысл русской идеи, целостность нации [2, с. 388].

Но всего этого не видели в социализме его деятели и идеологи. Если быть точнее, то процессы, происходившие на тот момент в обществе, сами создавали их. Сами идеологи и деятели этого движения не понимали до глубины характера совершающегося процесса. Они были активны

по внешним жестам, но пассивны по состоянию своего духа, отдавались во власть стихийных духов. Достоевский, как теперь оказалось, лучше понимал, что же началось и к чему все это ведет. Он с гениальной прозорливостью почуял идейные основы и характер грядущей революции русской.

По мере того, как Достоевский созрел духовно, в нем все более развивалась ненависть к тому виду социализма, который наиболее распространен со второй половины XIX века, именно к революционному атеистическому социализму, опирающемуся на материалистическое миропонимание, не обоснованному нравственно и религиозно. Для Достоевского верховною ценностью была индивидуальная человеческая личность и свободное духовное развитие ее. А материалистический социализм сосредоточивает свое внимание на материальных благах, не ценит индивидуальной личности и не дорожит свободой духовной жизни. Он считал, что тот может уничтожить человеческий дух, свободу мысли. Социализм не верит в бога, но он верит в социальное чудо. Социализм призван устроить счастье на земле. Религия социализма говорит словами Великого Инквизитора: «Все будут счастливы, все миллионы людей. Мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь, как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны. Мы дадим им счастье слабосильных существ, какими они и созданы». Религия социализма говорит религии Христа: «Ты гордишься своими избранниками, но у Тебя лишь избранники, а мы успокоим всех... У нас все будут счастливы... Мы убедим их, что они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей» [1, с. 59].

Достоевский из своего времени видел, что социализм не приведет ни к чему хорошему. При таком режиме, он считал, понизится уровень образования, наук и талантов. При таком раскладе невозможна будет демократия. [1, с. 50].

Федор Михайлович указывал на то, что революционные резкие действия не приведут к идеалу. Это утопия. Не будет ни малейшей свободы совести, никакой свободы мысли, свободы печати, не будет правовых гарантий, защищающих личность от произвола; эксплуатация трудящихся государством будет доведена до такой степени, о какой и не снилось ни одному капиталисту в буржуазном строе.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Христианское миросозерцание Ф. М. Достоевского. Прага, 1923.
2. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953.

«КИЕВСКАЯ УЧЕНОСТЬ» КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН В ТРУДАХ Г. В. ФЛОРОВСКОГО

История русского религиозного сознания – уникальной социально-психологической системы, основанной на христианской духовной традиции, достаточно широко освещена современной отечественной историографией [1, 3, 4], однако проблема духовно-культурного взаимодействия России (как преемницы византийского восточного православия) и западной католической цивилизации, учитывая сложность и неоднозначность ее восприятия, остается по-прежнему актуальной и нуждается в дальнейшем изучении. Оригинальное восприятие социально-психологических процессов русского социума XVI – XVII вв. было представлено одним из наиболее известных исследователей христианства, историком и философом – Г. В. Флоровским (1893–1979).

Г. В. Флоровский, рассматривающий историю России через призму религиозного влияния православной социокультурной системы на национальное самосознание, в работе «Пути русского богословия» (1936 г.) вводит понятие «Киевской учености» [2, с. 81]. По мнению историка-эмигранта, «Киевская ученость» представляет собой уникальный синтез, возникший на периферии Московского царства и Речи Посполитой, восточного православия (т. е. традиционного начала) и стремительно развивающейся католической религиозно-научной мысли (т. е. «учености»). Киев становится идеологическим центром этой системы.

В контексте изучения «Киевской учености» как историко-философской проблемы, Г. В. Флоровский обращает внимание на следующие обстоятельства: 1) исторические реалии «Западной Руси» XV – XVII вв.; 2) уния как фактор духовно-психологической, социальной, культурной дезинтеграции общерусского социума.

Историк считает, что XVI век «в жизни русского Запада... был трагическим и тревожным» [2, с. 48]: религиозная борьба, охватившая западную Европу раннего нового времени (в том числе «соседние» государства – Польшу и Литву), создавала атмосферу духовной напряженности и возбуждения в православной сфере. Флоровский, ссылаясь на современников тех событий (Иоанна Вишенского и др.), отмечает, что «Русская Церковь не была готова к этой воинственной встрече с Западом» [2, с. 49], причем именно высшая церковная иерархия западнорусских земель проявила себя наиболее апатичной частью восточнохристианской общности. Следовательно, агрессивная религиозно-идеологическая политика католического Запада, прежде всего иезуитов, занимавших наиболее влиятельные позиции в Речи Посполитой, была направлена по двум направлениям. Во-первых, заручившись поддержкой (во всяком случае,

лояльностью) местных церковных властей, чрезмерно увлекшихся решением собственных политико-экономических вопросов и «дьявольскому празднословию», способствовать «разъединению мирян и иерархии» [2, с. 49], т.е. дискредитировать православный клир в глазах прихожан. Во-вторых, представить западнорусскому обществу новую социально-психологическую концепцию «примирения» (а точнее подчинения) византийского православия и католической церкви; содействовать латинизации и привлекательности западной «учености» перед «пассивным и отсталым» Востоком. Идеологическая слабость православного клира и духовно-культурная привлекательность «латинизма» привели, в конечном итоге, к возникновению религиозно-психологического вакуума, заполнить который должна была, «адаптированная» к социально-ментальным ценностям западнорусского социума, «Киевская ученость».

В контексте рассмотрения русского религиозного сознания, Уния (Брестская церковная уния 1596 г.) представляет собой определяющий фактор духовно-психологической, социальной и культурной дезинтеграции общерусского социума. Г. В. Флоровский характеризует унию как клерикальное движение, расслоившее иерархию и народ [2, с. 58]. Уния явилась средством поляризации западнорусского общества: на «сторонников соединения церквей» и «приверженцев исполнения христианского долга, долга верности и веры». Важно отметить, что агрессивная прозападная политика униатов привела к возникновению идеологической химеры, – ложном представлении о «славянской отсталости» и умышленном искажении возможностей славянских языков, «на которых не может быть ни грамматики, ни риторики» [2, с. 60]. Однако общий процесс распада общерусского религиозного сознания, происходивший на фоне «разъединения и разрыва иерархии и мирян не мог не отразиться болезненно и на мирянском самосознании и самочувствии» [2, с. 60].

Таким образом, «Киевская ученость» как социально-психологический феномен в интерпретации Г. В. Флоровского, представляет собой не только латинизированную модель православия, возникшую в духовно-культурном вакууме Западной Руси, но и сложное отражение дезинтеграционных процессов общерусского социума. Г. В. Флоровский признает научную состоятельность «учености» (т.е. качество богословского и научного знания; приобщение обучающихся к достоянию античных авторов и т.д.), однако выступает против «сдачи в плен Западу» [2, с. 81], поскольку смогла сложиться лишь «школьная схоластика», а не самостоятельное духовное и творческое движение.

Библиографический список

1. Гаврилюк П. О полемическом использовании категории «запад» в православном богословии на примере неопатристического синтеза прот. Георгия Флоровского // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2010. № 29. С. 61–77.

2. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
3. Черняев А. В. Г. В. Флоровский как философ и историк русской мысли. М.: ИФРАН, 2010. 200 с.
4. Шувалов В. И. Социально-психологический аспект изучения истории российской историографии последней трети XIX – первой половины XX вв. М.: МПУ, 2001. 228 с.

О. В. Дорофеева

Самарский государственный университет

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР НАЧАЛА XX В.

Индивидуальный политический террор – это сложная научная проблема, которой уже не раз касались исследователи и в нашей стране, и за рубежом, ее изучение требует совместного труда не только историков, но ученых многих специальностей, тем более, что индивидуальный политический террор не изжил себя и по сей день.

В XX в. индивидуальный политический террор в России разросся до огромных размеров. В труде И. А. Малиновского «Кровавая месть и смертные казни» (1909) приведены потрясающие сведения «кровавой статистики» – жертв политического террора в разные исторические периоды в разных странах. В России наибольшее их число приходится на первое десятилетие XX в. Так, только после 9 января 1905 г. в первые месяцы революции в результате террористических актов в России убиты 42 и ранены 62 представителя царской администрации и военных, 12 покушений оказались неудачными. 8 июля 1906 г., в день своего назначения председателем Совета министров, П. А. Столыпин сообщил с трибуны Государственной думы, что с октября 1905 г. по 20 апреля 1906 г. по политическим соображениям в России были убиты 288 должностных лиц, 388 – ранены, 156 попыток покушения оказались неудачными. В 1907 г. только за две недели – с 16 января по 1 февраля – от рук террористов пострадало 67 должностных лиц (20 – убиты, ранены – 47), в июне 54 должностных лица были убиты, ранены 47 [1, С. 19.] жертвами террора становились генерал-губернаторы, их помощники, градоначальники, командиры воинских частей, начальники тюрем, жандармы, полицейские чины, приставы, околоточные, урядники, стражники, судьи, прокуроры и другие.

Значительное число актов политического терроризма приходилось на Боевую организацию эсеров, во главе которой стоял вначале Г. А. Гершуни – участник убийств министра внутренних дел Д. С. Сипягина, губернатора Н. М. Богдановича и покушения на губернатора И. М. Оболенского. После ареста Гершуни организацию возглавляли Е. Ф. Азеф и

Б. В. Савинков. Устав Боевой организации гласил, что ее целью является «борьба с существующим строем посредством устранения тех представителей его, которые будут признаны наиболее преступными и опасными врагами свободы. Устраняя их, Боевая организация не только совершает акт самозащиты, но и действует наступательно, внося страх в правящие сферы, и стремится довести правительство до сознания невозможности сохранить самодержавный строй» [2, с. 89].

В начале XX в. леденящий душу и сердце политические акты возмездия в России совершались, с одной стороны, при молчаливом одобрении людей нравственно искалеченных, измученных насилием, стрельбой, тюрьмами и каторгами, а с другой — при полной растерянности лишенной возможности что-либо предпринять интеллигентной части общества. Люди содрогались от разрывов бомб террористов, но пока на брусчатых мостовых просыхала кровь, в обществе проявлялись симпатии и сострадание не столько к жертвам, сколько к погибшим или арестованным террористам. Организаторы политического террора, истерзанные сомнениями в правильности избранного пути, с удивлением отмечали, что, после убийства в июне 1904 г. министра внутренних дел В. К. Плеве в их боевую организацию разными путями стали поступать «многочисленные денежные пожертвования», люди предлагали свои услуги для организации «террорной работы».

Проблема отношения к индивидуальному политическому террору приобрела особую остроту после поражения революции 1905–1907 гг. Парадоксальность ситуации заключается в том, что волею судеб став палачами террористы не были апологетами насилия. Они считали, что методом индивидуального политического террора воюют против насилия, помогая свершиться революции, конечной целью которой ставили создание нового общества, в котором не будет места жестокости и насилию. Так, например, рассуждал эсер-террорист П. В. Карпович. «Свершилось! — воскликнул он, получив известие о революции 1905 г. [3, с. 323–324].

Индивидуальный политический террор у эсеров — пролог к революции («террору массовому»). Это особенно ярко видно из книги разделявшего их позицию князя Д. А. Хилкова «Террор и массовая борьба» [4]. Автор книги глубоко убежден, что в канун 1905 г. широким массам были более понятны действия эсеров-террористов, направленные на устранение представителей самодержавно-полицейского аппарата, а не лозунг «Долой самодержавие!». Хилков был из числа тех эсеров, которые полагали, что «террорная работа» стимулирует «действие регулярных сил революции». В 1905 г. эсеры активно пополнили ряды этих «регулярных сил», становясь членами боевых дружин, участниками баррикадных боев, приветствуя готовность масс «биться за решение величайшей социальной проблемы — установление всеобщего равенства».

Индивидуальный политический террор, как и революции в России в начале XX в., был порожден насилием и одновременно направлен на

одоление государственной машины насилия — авторитарно-самодержавного режима. Но, ставя проблему отношения общества к индивидуальному политическому террору, необходимо сразу же определиться и заявить о том, что насилие любого рода — тупиковый путь, оно не может сопутствовать прогрессу [5, с. 24]. В понятие прогресса всегда вкладывали и вкладывают высокое нравственное начало. Только опираясь на нравственные постулаты, можно построить цивилизованное государство, противостоящее традициям произвола и насилия. В основу такого общества должны быть положены закон неприкосновенности человеческой личности, требования нравственного и духовного усовершенствования политического и социального строя.

Библиографический список

1. Малиновский И. А. Кровавая месть и смертные казни//Известия императорского Томского ун-та. Кн. 33. Вып. 2. Томск, 1909.
2. Савинков Б. В. Воспоминания. М., 1990.
3. Цит. по: Савинков Б. В. Указ. соч. С. 323–324.
4. Хилков Д. А. Террор и массовая борьба. Париж, 1904.
5. Пушкарёва И. М. Опаленные идеи революции//Савинков Б. В. Воспоминания. М., 1990.

Р. В. Пазин

Самарский государственный университет

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И ТЕРРОР НАЧАЛА XX в.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Проблема отношения либералов начала XX в. к террору до сих пор актуальна и недостаточно раскрытая тема в историографическом дискурсе. Отечественную историографию рассматриваемой проблемы условно можно разделить на три этапа:

I этап: 1905–1917 гг. — дореволюционный период (размышления и заключения непосредственных участников событий);

II этап: 1917–1991 гг. — советский период, при котором данная проблема разрабатывалась недостаточно, а порой и совсем не исследовалась (например, середина 1930-х гг. — конец 1950-х гг.) или же преподносилась в свете поражения тактики либеральных партий в политической борьбе с революционными силами;

III этап: начиная с 1992 г. — по настоящее время — новая волна исследований, связанная с расширением возможностей для работы с документами и материалами, в связи с их массовой публикацией.

Либеральная историография на первом этапе исходила из теории, что в политической борьбе, происходящей в России, участвуют два лагеря:

сторонники конституции (куда включались и революционеры) и противники ее. Эта точка зрения в историографии до революции была представлена трудами И. П. Белокопского [1, 2]. Он был первым, кто в своих исследованиях объединил различные течения русского либерализма.

Важным дополнением к литературе 1900–1917 гг. являются многочисленные воспоминания лидеров либерального движения, которые в значительной мере несут исторический характер, поскольку содержат гораздо шире философский и историографический элементы исследований. Так, В. А. Маклаков считал, что кадеты сочетали два пути – конституционный и революционный, поэтому из-за «союза» с революцией произошел отход от либерализма, что в конечном итоге привело партию к поражению [3]. П. Н. Милуков доказывал, что «союз» с революцией был вынужденным, поскольку власть сама отвергла все старания кадетов предотвратить «революционную катастрофу» [4]. Следовательно, кадеты для достижения от власти проведения реформ шли на своеобразное «оправдание» террора революционных партий. Таким образом, если Маклаков в гибели России обвинял «интеллигентов-политиков», отказавшихся от сотрудничества с властью и потворствующих революции, то Милуков обвинял в этом прежде всего царское правительство и бюрократию.

Почти весь послереволюционный период вплоть до 1990-х гг. проблема деятельность либеральных партий рассматривалась с классовых позиций и освещалась в контексте их поражения в политической борьбе с революционными силами. Ни о каком объективном исследовании тактики либералов по отношению к террору не могло быть и речи.

Научное изучение проблемы тактики либеральных партий началось с 1920-х гг. Первым проблемой среди историков-марксистов занялся М. Н. Покровский, который полагал, что либеральная буржуазия включалась в систему общего оппозиционного фронта наряду со всеми революционерами и играла революционную роль, поскольку «объективно облегчала революционное движение, помогала ему развиваться» [5, с. 134–135].

В 1930-е гг. важным вкладом в изучение истории либералов явилась монография Е. Д. Черменского. Она была написана на основе изучения значительного круга архивных источников и других материалов, многие из которых впервые были введены в научный оборот. Центральное место в работе Черменского занимает проблема взаимоотношений либеральных партий с царским правительством [6].

После убийства С. М. Кирова изучение истории революционного террора было на долгие годы табуировано. Вызывало опасения, что у террористов могут найтись подражатели [7, с. 75]. По мнению А. Гейфмана, невнимание советской историографии к теме революционного терроризма периода правления Николая II объясняется пренебрежением к проигравшим, т. е. всем партиям, кроме большевиков. Поскольку же

террористическая деятельность была связана главным образом с эсерами и анархистами, она и не получила должного внимания исследователей [8, с. 14]. Проблема восприятия либералов начала XX в. к террору в советской историографии 1930–1970-е гг. не исследовалась принципиально.

В 1960–1970-е гг. история российских либералов и анализ их политико-правовых и историко-философских представлений освещались в работах обобщенного характера, причем с использованием концепции В. И. Ленина «о трех политических лагерях», действовавших в революции 1905–1907 гг. (например, монографии С. М. Сидельникова, В. И. Бовыкина, В. Я. Лаверычева, А. Л. Авреха, В. С. Дякина, Л. М. Спирина, В. И. Старцева и др.) [9–15].

В 1980-е гг. появляется определенный интерес к либерализму начала XX в. Например, программа и тактика, выработанные российскими либералами накануне революции 1905–1907 гг., анализировались в работе К. Ф. Шацилло [16]. Своей фундаментальностью отличаются труды В. В. Шелохаева, где нашло отражение концептуальное положение о неразрывной связи теоретических и программных установок российского либерализма с его практической парламентской законотворческой деятельностью [17, 18].

С начала 1990-х гг. наступает новый период в изучении либерализма, считающийся уже современной историографией. Важной чертой данного этапа стало расширение доступности источниковой базы изучения проблемы. Новое, лишенное прежнего тенденциозного подхода, прочтение дореволюционных источников предоставило в руки отечественных исследователей богатый материал о деятельности российских либералов, что открывает перед историками-исследователями широкое поле для рассмотрения интересующих их проблем. Так, например, появилась работа американской исследовательницы А. Гейфман, в котором был дан анализ не только самого террора, но и общественного отношения к нему, в т. ч. и партии кадетов. Это было первое комплексное исследование, которое показывало восприятие террора начала XX в. и пыталось развеять романтический ореол вокруг российских боевиков-революционеров [8]. По мнению А. Гейфман, в 1905–1907 гг. в революционном движении произошло вытеснение «классических» террористов, сторонников индивидуального политического террора, «террористами нового типа», для которых террор становился способом существования, а не методом борьбы с властью. Именно с деятельностью «террористов нового типа» она связывает эскалацию террористического насилия в начале XX в. и его угасание после 1910 г.

Таким образом, в современной историографии продолжают разрабатывать проблемы, затронутые в предыдущих периодах историографии. На сегодняшний день отечественными исследователями продела-

на значительная работа по изучению темы, связанной с деятельностью либеральных партий в начале XX в.: рассмотрены тактика либералов, деятельность партий и их взаимоотношения с политическими противниками, способы агитационной борьбы и пропаганды, предвыборные кампании в Думу. В арсенале исторической науки имеется также немало интересных работ, касающихся революционного радикализма в России, но непрерывной историографической традиции изучения восприятия террора так и не сложилось. Более того, отдельные крупных монографических исследований, освещающих отношение российских либералов начала XX в. к террору, в историографии так и не появилось. Думается, что в ближайшей перспективе данная проблема будет решена.

Библиографический список

1. Белоконский И. П. Земское движение. М., 1910.
2. Белоконский И. П. Земство и конституция. М., 1910.
3. Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.
4. Милуков П. Н. Воспоминания: 1859–1917. В 2 т. Нью-Йорк, 1955.
5. Покровский М. Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX–XX вв. М., 1924.
6. Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. М., 1939.
7. Багдасарян В. Э., Бакаев А. А. Российский революционный терроризм через призму исторической и общественно-политической мысли: монография. М., 2004.
8. Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. М., 1997.
9. Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума. М., 1968.
10. Бовыкин В. И. Революция 1905–1907 гг. М., 1965.
11. Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967.
12. Лаврычев В. Я. По ту сторону баррикад. М., 1967.
13. Сидельников С. М. Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962.
14. Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977.
15. Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). М., 1977.
16. Шацилло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: организация, программы, тактика. М., 1985.
17. Шелохаев В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983.
18. Шелохаев В. В. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987.

Н. И. ТУРГЕНЕВ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XIX ВЕКА И ЕГО ПРОЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ

Преобразование российского общества, корректировка ориентиров развития, смена методологических подходов в современной отечественной науке, а так же изменение идеологических подходов требуют выработки оптимальной модели развития государства. Но для решения этой проблемы возникает острая необходимость в осмыслении и анализе концепций переустройства общества, выработанных представителями политической мысли прошлого. Очень современно звучат слова Н. И. Тургенева о том, что в переходные эпохи, подобные нашей, когда каждый народ по-своему ощущает потребность в обновлении и преобразовании, Россия ещё более, чем другие страны, нуждается в переменах [1, с. 377].

На процесс формирования мировоззрения Тургенева решающее воздействие оказал комплекс взаимодополняющих друг друга факторов. Одним из них было неоднократное пребывание в ряде европейских либеральной мысли 2-й пол. 18 – нач. 19 вв. Не менее важным фактором формирования мировоззрения Тургенева было участие в работе Государственного Совета и канцелярии Министерства финансов, что обеспечивало ему доступ к информации о положении дел в России, актуальных социально-экономических проблемах, а также о том, какие варианты их решения предлагались в рамках курса, обозначенного императором Александром I. Также особое значение имела деятельность Тургенева в «Союзе Благоденствия», где обсуждались проекты социально-экономических и политических преобразований, а Тургенев является одним из основных авторов ряда программных документов этого общества [1, с. 102].

Будучи сторонником «саморазвивающихся систем», Тургенев стоял на позициях необходимости и возможности реформирования политической системы в России, отказывая самодержавию в возможности его существования в нынешнем виде утверждая, что это худшая из систем правления, известная в Европе и поэтому следует, действуя логично и рационально, но в то же время твёрдо и непоколебимо начать реформирование политической системы. Инициатива же в проведении этих реформ должна исходить от самой самодержавной власти, поскольку у любой власти есть пределы и один человек не может использовать всю полноту неограниченной власти. В самый нужный момент, самодержавная власть оказывается бессильна и только сдерживает прогресс и тормозит прогрессивное развитие общества [1, с. 399].

Небезынтересно заметить, что попытки реформирования самодержавной власти путём введения представительных учреждений безуспешно предпринимались на протяжении веков, но самодержавие, замкнувшись в порочном круге, боролось лишь за сохранение сложившейся системы.

Базовые принципы программы по реформированию общественно-политической системы Тургеневым были сформулированы и тщательно прописаны в трёхтомном труде «Россия и русские». Не испытывая тёплых чувств к самой самодержавной системе управления, Тургенев между тем, проявляет себя незаурядным чиновником, который призван писать законы и умело обходя барьеры, проводить их через инстанции до утверждения.

Предлагая меры по самореформированию самодержавной власти, он предполагает вначале с помощью одного «зла» (самодержавия) уничтожить другое (крепостное право), а позднее умело использовать антимонархические настроения либерально мыслящей части населения, поскольку право оценивать существующий образ правления может принадлежать только народу и власть должна проявлять содействие, а не тормозить всеми возможными способами этот процесс.

Избирательное право должно основываться на личных способностях человека, о наличии которых свидетельствует род его занятий или наличие земельных владений определённого размера. Право избирать получают все профессора, преподаватели, учителя, гос. служащие, офицеры, художники, купцы, мануфактурщики и вообще все промышленники, ремесленники, предприниматели. Отчуждено избирательное право может быть только в случае преступления и осуждения за него [1, с. 410].

Никаких помех для кандидатов в представители, будь то сословие или наличие определённых богатств. У духовенства и иностранцев есть право участвовать в народном представительстве. Исключение Тургенев предполагает сделать только для чиновников исполнительной власти, имеющих влияние на тех, кем они управляют, последние не могут быть назначены депутатами в подведомственных областях.

Основной закон должен установить границы исполнительной власти. Это предполагается сделать путём снятия ответственности с монарха и установления ответственности министров. Случаи ответственности должны быть ограничены взяткой, должностными злоупотреблениями или изменой.

Основной принцип управления — это принцип децентрализации. То есть всё что может быть сделано местными властями, должно быть сделано ими. А наряду с должностными лицами исполнительной власти, должны возникнуть выборные советы, которые станут принимать участие в местном управлении.

Таким образом, тщательно прописанные «принципы, которые должны лечь в основу русской конституции» на бумаге выглядят удивительно

гладко, однако ещё современниками Тургенева высказывались мысли, что уже к моменту издания книги «Россия и русские», представленная в ней программа реформирования безнадежно устарела [2, с. 326], а предложенная стратегия развития себя исчерпала и необходим был поиск свежих подходов. Однако, вплоть до начала публикаций Вольной русской печати Герцена и Огарева в конце 1850-х годов книга Тургенева являлась единственным гласным протестом, исходившим от первых русских революционеров и поэтому её дальнейшее изучение и осмысление представляет весьма перспективным.

Библиографический список

1. Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 2001.
2. Шелохаев В. В. Российский либерализм середины XVIII — нач. XX века: энциклопедия. М., 2010.

В. В. Устинова

Самарский государственный институт культуры

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОМОЩИ АРМИИ, РАНеным, СЕМЬЯМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В САМАРЕ И ГУБЕРНИИ В 1914–1916 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦГАСО)

19 июля 2014 г. исполнилось 100 лет с момента вступления России в Первую мировую войну. Начало войны способствовало патриотическому подъёму населения, усилению активности общественных организаций.

30 июля 1914 г. на собрании уполномоченных от губернских земств был создан Всероссийский земский союз помощи раненым и больным воинам (ВЗС), который занимался организацией помощи армии: открытие лазаретов и госпиталей, работа санитарных поездов, закупка медикаментов, подготовка медицинского персонала. Возглавил его в качестве главного управляющего князь Г. Е. Львов [9, с. 149].

На съезде Всероссийского земского союза особое внимание было обращено на Самару. Её стратегическое и географическое положение определило решение государственной задачи — организовать эвакуационный пункт для приёма и распределения раненых на территории всего юго-востока России и отчасти Сибири. Здесь должен был быть организован приём привозимых воинскими поездами раненых, лечение и уход за ними в течение пребывания в Самаре, отправка их в другие города юго-востока России для лечения, длительное лечение тяжелораненых, которые из Самары не могли быть эвакуированы, или уроженцев собственно Самарской губернии. Расходы на организацию и содержание пункта на первые полгода составили 1 млн. руб. Самара могла рассчитывать на широкую помощь Союза, но значительные средства «должны были добыты губернским зем-

ским собранием, а также складываться из пособий других учреждений и частных пожертвований» в самой губернии [7, л. 15].

Финансов у Самары для содержания пункта не хватало. Губернское земство срочно стало их искать. Пришлось приостановить и отложить крупные работы: постройку районных психиатрических больниц и различных отделений в уездах, окончательное оборудование нового здания управы, возведение новых гидротехнических и дорожных сооружений, открытие внешкольных учреждений и профессиональных училищ, ряда предприятий и т. д.

13 августа 1914 г. уполномоченный Всероссийского земского союза помощи раненым и больным воинам попросил организованное в Самаре движение велосипедных дружин во главе с полковником Познанским принять на себя доставку по больницам раненых [7, л. 1]. На организованный в Самаре велосипедно-санитарный отряд была возложена перевозка тяжелораненых с вокзала на эвакуационный пункт, а также из одного лечебного заведения в другое [7, л. 13]. «Раненые перевозились на особых ... носилках, прикрепляемых к двум велосипедам. По отзыву врачей ... жизнь многих раненых была сохранена исключительно благодаря носилкам, а по отзывам самих раненых, подобная перевозка для них была не только не утомительна, но даже и безболезненна» [7, л. 22].

Из ста человек, вошедших в велосипедно-санитарный отряд, лишь трое пожелали получать плату за свой труд в размере 10 руб. в месяц [7, л. 12]. Участники отряда получили официальное разрешение в часы привоза раненых не посещать занятия [7, л. 28–32].

Для борьбы с эпидемиями в уездах губернское земское собрание признало необходимым организовать шесть санитарно-медицинских отрядов в помощь наличному медицинскому персоналу. Кроме перечисленных мероприятий, земства Среднего Поволжья организовывали госпитали, формировали санитарные поезда, открывали питательные пункты, вели заготовку лекарств, больничного имущества, обучали медицинский персонал [1, с. 61–62].

В результате военных конфликтов нарушалось не только политическое, экономическое и социальное состояние страны, но и, самое главное, наносился психологический, моральный и физический ущерб человеку. Население гибло, росло число инвалидов. Многие дети становились сиротами [2, с. 208]. Все они также требовали оказания помощи.

По просьбе Августейшей покровительницы Маринского приюта для ампутированных и увеченных воинов императрицы Марии Федоровны инвалиды войны трудоустраивались в казенных учреждениях на места сторожей, дядек, курьеров [4, л. 1]. В Отделе по устройству беженцев в Детском подоотделе велась работа по розыску детей, потерявших своих родителей [8, л. 74]. Открывались приюты для грудных младенцев, оставшихся без надзора после смерти матери, поскольку их отцы находились на войне [5, л. 12–13].

Самарское земство участвовало в помощи русским пленным. Регулярно проводились сборы денег и вещей. Большая работа велась земствами по обеспечению продовольствием и жильем беженцев [8, л. 2]. На них составлялись посемейные карточки по установленной форме [8, л. 53–54].

Земское собрание 10 июня 1915 г. постановило отсрочивать до окончания войны взимание земских платежей — как окладов, так и недоимок — с тех семей лиц, призванных на войну, взыскание с которых перечисленных повинностей могло быть сопряжено с расстройством хозяйств этих плательщиков. При этом все призванные в армию, получившие отсрочку платежей, освобождались от уплаты пени [6, л. 5].

К сожалению, русское общество не имело должного влияния на правительственную политику в попытке остановить процессы крушения политического режима и усиления гражданского противостояния. [9, 169]. Несмотря на деятельность различных организаций, союзов и земства не удалось ни пресечь проявления недовольства населения, ни предотвратить надвигающуюся революцию.

Библиографический список

1. Коротяева Т. В. Помощь земств Среднего Поволжья армии в русско-японскую и Первую мировую войны // Самарский исторический ежегодник. Самара, 1993. С. 57–63.
2. Кузьмин В. Ю. Власть, общество и земская медицина (1864–1917 гг.). Самара. 391 с.
3. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 175. Оп. 1. Д. 1247.
4. ЦГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 1310.
5. ЦГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 1317.
6. ЦГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 1328.
7. ЦГАСО. Ф. 689. Оп. 1. Д. 1.
8. ЦГАСО. Ф. 735. Оп. 1. Д. 3.
9. Чирков М. С. Земство и власть в Российской империи. 1890–1916 (по материалам Самарской губернии). Самара, 2006. 183 с.

Н. Е. Астахов

Самарский государственный институт культуры

СОБЫТИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ ЕЁ УЧАСТНИКОВ И СВИДЕТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ ЖУРНАЛА «НИВА»)

В 2014 году широко отмечается столетие начала Первой мировой войны, существенной изменившей не только ход истории человечества,

но и наложившей глубокий отпечаток на все общество. Восприятие событий 1914–1918 годов в социуме было неоднозначным и менялось на протяжении всех четырех лет войны.

Анализировать социальное мнение российского общества сложно, поскольку оно не отличалось однородностью. Воспоминания участников военных событий разнятся, тем более что военные мемуары командиров, старших и особенно высших офицеров не только посвящены описанию событий, но и призваны обосновать и оправдать принимаемые ими решения.

Между тем, возможно сформировать опосредованное представление о социальном восприятии Первой мировой войны в российском обществе через анализ содержания российского журнала «Нива».

Значительная часть этого издания в 1914–1918 гг. отводилась описанию событий на фронтах: сводки, фотоматериалы, литературные произведения и зарисовки, художественные картины различной жанровой направленности.

Начиная с № 31 за 1914 г., большое внимание уделено союзникам и российскому двору. Эмоционально-хвалебный пафос «Ниве» присущ описанию парадных событий: награждения, сведения о царственных особах, проводы в армию, герои войны (например, Козьма Крючков), заботы о раненых. Неудача русской армии (гибель армии генерала Самсонова в Мазурских болотах в сентябре 1914 года) обходится молчанием.

Противник демонстрируется в трех основных ипостасях:

– пленные, пребывающие в состоянии подавленности (в то же время пленным раненым оказывается достойная медицинская помощь);

– вооружение рейхсвера, занятие противников городов союзников России;

– противник, как варвар: последствия артиллерийских ударов по городам Европы, агитационная плакатная графика.

Подобный подход к описанию событий отражал официальную позицию властей, имел четкую идеологическую окраску и отвечал настроениям общества, жаждущего оказанию помощи братскому сербскому народу. При этом власть поддерживала иллюзию, что война не будет долгой. Тем более что Германия, якобы, уже мобилизовала призывников из числа условно пригодных в службе в армии, что для 1914 года не было объективным.

События 1915 года нашли отражение в журнале в прежней форме, но парадная составляющая войны постепенно сходит на нет. Успехи армии подаются в сдержанно-патриотическом стиле, публикуются фотографические портреты погибших офицеров с указанием фамилии и воинского звания. Рубрика «Вечная память героям!» находила отклик в обществе. Одновременно с этим игнорировались проявления подозрительности, факты немецких погромов, а также расправ с иностранцами, принятых за немцев [1, с. 309; 3; 4].

События 1916 г. на фронтах Первой мировой войны уже не даются в прежнем официально-восторженном или сдержанно-патриотическом стилях. Для номеров за 1916 г. характерна описательная манера подачи хроники событий. Записки очевидцев живописуют мужество солдат и офицеров, скупко фиксируя тяготы армейской жизни в окопах на русско-германском и русско-австрийском фронтах. Начиная с № 26 журнала за 1916 г., часть подобных материалов иллюстрируется рисунками, в которых нашли отражение и военные успехи, и неприглядные стороны фронтовой жизни.

Изображение инвалидов, возвращающихся к мирной жизни, по замыслу авторов должно было создать позитивный отклик у читателей, однако общее восприятие подобных фотографий далеко от идеала. Ущербность бывших участников войны явно превалирует над их жизнестойкостью.

Фотографии с западного фронта показывают материальные и людские потери, понесенные в ходе различных военных операций.

Некоторым позитивом стало описание высадки русского корпуса во Франции. Для материалов от европейских документалистов характерна демонстрация показного энтузиазма общества. Аналогичных примеров русской агитационной журналистики на странице «Нивы» в 1916–1917 годах почти нет; эту функцию выполняли объявления о военных займах, займах свободы.

В 1917 году по мере сокращения активности на русско-германском фронте количество информации о войне сокращается; в отдельных номерах об этом уже почти ничего не сообщалось. Политическая борьба в России отодвинула Действующую армию на задний план. Исключение составило лишь описание формирования Женского батальона смерти и его боевого опыта.

Общество жаждало окончания войны, и «Нива», обеспечивая себе не менее четверти миллиона подписчиков, шла навстречу социальному заказу, тем более что параллельно с «Нивой» издавалась еженедельный журнал «Летопись войны», выходивший по субботам. Тираж этого издания составлял 35 тысяч экземпляров, что указывало на незначительный интерес читающей публики к данному еженедельнику.

Анализ содержания журнала «Нива» с 1914 по 1917 годы показал, что за три с половиной года произошла существенная эволюция издания. По мере усугубления фронтовых тягот и последствий войны, участники и свидетели событий меняли своё отношение к ней. Редакция еженедельника «Нива», поменяв стилистику подачи материала о событиях на фронтах, тем самым косвенно отразила социальное восприятие происходящего читателями издания.

Библиографический список

1. Астахов Е. Е., Река времен. Т. 1. Самара, «Парус-принт», 2001. – 617 с.

2. Воронкевич А. С., Иллюстративные еженедельники в России (1808–1904 гг.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 213 с.
3. Гагагова Л. С., Хроника бесчинств. Немецкие погромы в Москве в 1915 году//Родина. 2002. № 10. С. 45–52
4. Казарин В., Альфред фон Вакано//URL: <http://samaralit.ru/?p=20615>

А. Ю. Мельников

Самарский государственный университет

МАЙСКО-ИЮНЬСКИЕ СОБЫТИЯ 1968 г. ВО ФРАНЦИИ В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В мае-июне 1968 г. во Франции разворачивался глубокий социально-политический кризис, сопровождавшийся волнениями леворадикальных студентов и общенациональной забастовкой, охватившей 10 миллионов наемных работников. Данные события, получившие название «Красного мая», стали объектом пристального внимания со стороны как зарубежных, так и советских и постсоветских историков. В силу того, что в исторической науке СССР был создан значительный пласт исследований, посвященный майско-июньским событиям 1968 г., рассмотрение точки зрения советской историографии является необходимым для изучения «Красного мая», являющегося одним из крупнейших событий не только французской, но и всей европейской истории XX столетия. В то же время, научные работы времен СССР отличаются предельной однородностью занимаемой историками исследовательской позиции, вследствие чего мы можем говорить об общей точке зрения, характерной для советских ученых в целом.

Среди причин и предпосылок, вызвавших к жизни события «Красного мая», советские историки выделяли, прежде всего, динамику развития французского капитализма (массовое разорение мелких предпринимателей и сельского населения, рост экономического могущества монополистического капитала, изменение структуры промышленности Франции) и обострение классовых антагонизмов во французском обществе [1, с. 28, 57; 2, с. 489–490; 3, с. 50–51; 4, с. 97–98]; косность и откровенную устарелость принципов построения и функционирования системы образования, сохранившейся еще с наполеоновской эпохи; наступление правительства на права студенчества, выразившееся, в частности, в «реформах Фуше» [5, с. 175–176].

Советские историки категорически отвергали точку зрения, согласно которой в мае-июне 1968 г. во Франции сложилась революционная ситуация. В этом пункте они полностью воспроизводили аргументацию лидеров Французской коммунистической партии, говорящих, что трудящиеся вступили в борьбу за улучшение условий труда и жизни, а не

за свержение старой власти и проведение революционных социалистических преобразований [1, с. 259]. Сложившуюся в мае 1968 г. во французском обществе ситуацию в советской исторической науке характеризовали термином «национальный кризис» [6, с. 81]. В связи с этим, советские историки крайне негативно оценивали деятельность гошистского движения, упорно настаивая на его «экстремистском» характере и «мелкобуржуазной ультрареволюционности» [7, с. 31, 34].

В качестве главных движущих общественных сил майско-июньских событий 1968 г. историками СССР выделялись рабочий класс (а шире, трудящиеся массы в целом) и студенчество, которое стало своеобразным «детонатором» процесса [3, с. 47–48]. При этом условной датой, когда инициатива в событиях «Красного мая» от леворадикально настроенных студентов перешла к рабочим, считается 13 мая 1968 г., день проведения массовых демонстраций трудящихся в крупнейших городах Франции. Трудящиеся, вступив в борьбу из-за недовольства своим экономическим положением, требовали также прекращения полицейских репрессий против студентов и разрешения проблем высшей школы [5, с. 190, 194].

Исходя из вышесказанного, понятно, что советская историческая наука наиболее значимую роль среди всех политических сил во Франции в 1968 г. отводила Французской коммунистической партии, а «Гренелльские соглашения» рассматривала как успех и крупное достижение всего забастовочного движения в целом [1, с. 54]. Некоторые историки писали о том, что в мае-июне 1968 г. трудящиеся могли добиться более внушительных результатов; главной причиной, по которой этого не произошло, явились «маневры» правых социалистов, радикалов и некоторых профсоюзных деятелей, подрывавших единство левых сил [8, с. 184].

Таким образом, советская историография предоставляет однородную по характеру исследовательскую точку зрения на события «Красного мая» 1968 г. во Франции. Главными причинами данных событий, согласно мнению советских исследователей, стали: изменения в капиталистической экономике Франции, вызвавшие массовое разорение мелких предпринимательских и крестьянских слоев, усиление монополий и обострение классовой борьбы; нараставшее недовольство студентов положением дел в системе образования и наступлением правительства на их права. Это обусловило то, что главными социальными движущими силами майско-июньских событий стали трудящиеся во главе с рабочим классом и студенчество, находившееся под влиянием леворадикальных групп. В силу того, что революционной ситуации во Франции в 1968 г. не существовало, а главные требования трудящихся носили экономический характер, главным результатом всего движения в целом стало заключение «Гренелльских соглашений», предполагающих улучшение экономического положения трудящегося населения.

Такова, в основных моментах, позиция советской исторической науки по поводу «Красного мая» во Франции. Не следует, однако, за-

бывать, что эта позиция отличается идеологической предзаданностью, ощутимой тенденциозностью при трактовке фактологического материала и шаблонностью исследовательских выводов, что требует известного скептицизма и критического подхода при использовании научных статей и монографий советских историков.

Библиографический список

1. Трудовая Франция против власти монополий: майско-июньские события 1968 г. и дальнейшее развитие классовой борьбы. М.: Наука, 1973.
2. История Франции в 3-х тт./Под ред. А. З. Манфреда. Т. 3. М.: Наука, 1973.
3. Мяло К. Г. Социальная динамика майского движения (Франция, 1968)//Вопросы философии. 1969. № 6.
4. Рубинский Ю. И. Буря над Францией//Мировая экономика и международные отношения. 1968. № 8.
5. Семенов А. Л. Левое студенческое движение во Франции (1956–1968 гг.). М.: Наука, 1975.
6. Мяло К. Г. Под знаменем бунта: Очерки по истории и психологии молодежного протеста 1950–1970-х гг. М.: Мол. гвардия, 1985.
7. Айвазова С. Г. Левый радикализм в идейно-политической жизни Франции 1958–1981. М.: Наука, 1986.
8. Коломийцев В. Ф. События мая-июня 1968 г. во Франции в оценке французских публицистов//Вопросы истории. 1973. № 10.

А. Н. Абрамова

Кубанский государственный университет

ИСТОРИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В РОССИИ

В современной России понятие «антропология» приобрело небывалую популярность, появилась юридическая, психологическая, философская антропологии, и множество других. Хотя, еще совсем недавно, антропология имела только одно значение, это была биологическая наука, занимающаяся изучением человека как вида, его изменчивости во времени и пространстве.

Не смотря на то, что антропология в России стала развиваться позже, чем в Европе, сегодня российская наука заняла достойное место в системе общемирового знания. Но еще до того, как антропология сформировалась как наука русские путешественники и исследователи уже начали накапливать сведения, которые, впоследствии, назовут антропологическими. Например, В. Н. Татищев в 1737 году пишет: «при описании каждого народа состояние телесобственное нужно описать...» [7, стр.

75]. Значительный вклад в накопление антропологических знаний внесли исследователи Сибири и Дальнего Востока. Г. Ф. Миллер, во время Северной Экспедиции 1733–1743 гг. разработал анкету, в которую были включены помимо прочих такие вопросы как: рост, телосложение, цвет зубов и их посадка и т. д. Стоит упомянуть и С. П. Крашенинникова, который в своей работе 1755 года «Описание земли Камчатки» пишет про камчадалов «Ростом низки, телом смуглы, не мохнаты, черноволосы, малобороды, лицом калмыковаты, с покляпыми носами...» [2, с. 365].

Родоначальником же антропологии как науки в России принято считать К. Э. Бера, в 1834 году он начал читать лекции в медико-хирургической академии в Петербурге по сравнительной анатомии и физиологии.

В октябре 1863 года в России было организовано Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, где под руководством А. П. Богданова, был выделен Антропологический отдел, в котором разрабатывались вопросы физической антропологии. «Зоолог по специальности, А. П. живо заинтересовался и антропологией в том виде, как ее задачи были формулированы тогда Парижским антропологическим Обществом, в особенности же краниологией, открывавшей, казалось, возможность путем измерений современных и древних черепов определить точнее типы известного народа и уяснить его отношение к типу предшествовавшего населения той же территории» [1, с. 12]. Именно благодаря Богданову были собраны обширные краниологические коллекции, которые и по сей день хранятся в антропологическом музее Московского университета.

В 1867 и в 1879 годах в Москве А. П. Богдановым были организованы первые этнографические выставки. Там были представлены «... манекены и фотографии «физических типов» различных народов, краниологические коллекции, анатомические препараты» [3, с. 48].

Со временем русская антропология подошла к тому моменту, когда была создана кафедра в Императорском Московском университете, деканом который был назначен Дмитрий Николаевич Анучин. Просуществовала она не долго, но затем уже после революции в 1919 в Московском университете была организована Кафедра антропологии, а в 1922 году был основан Научно-исследовательский институт антропологии Московского университета.

Советская антропология своим развитием обязана ученику Анучина В. В. Бунаку. Виктор Валерианович Бунак заведовал Экспериментальной лабораторией Наркомздрава (1920–1926), участвовал в работе Российского евгенического общества при Институте экспериментальной биологии (1920–1931), в 1931–1934 годах возглавлял кабинет в Медико-биологическом институте, а в 1934–1938 годах заведовал кабинетом в Институте охраны здоровья детей. В 1943 году Бунак заведовал отделом антропологии Института этнографии СССР. Так же он был редактором «Русского антропологического журнала».

Антропология в России прошла долгий и трудный путь, ей пришлось пережить первые годы недоверия к эволюционной теории, затем, после долгого периода кружков по интересам и создания первой кафедры ей пришлось пережить революцию и смерть или иммиграцию многих ученых. В Советское время антропология приобрела специфический характер, став вспомогательной дисциплиной и приобретя идеологический характер. Сейчас физическая антропология в России так же не слишком распространена, единственная кафедра, обучающая студентов антропологов, находится в Москве, что, конечно же, сказывается на количестве специалистов в регионах. Но, не смотря на все препятствия, физическая антропология в России развивается, появляются новые методы и технологии, проводятся исследования совместно с иностранными учеными, появляются популярные проекты, направленные на широкий круг слушателей, что позволяет говорить о том, что антропология 21 века и ее история будет ещешмногообразнее и интереснее.

Библиографический список

1. Анучин Д. Н. Беглый взгляд на прошлое антропологии и на ее задачи в России//Русский антропологический журнал. 1900. № 1.
2. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.-Л., 1949.
3. Могильнер М. Homoimperiі История физической антропологии в России. Новое литературное обозрение. М., 2008.

В. С. Замуленко

Самарский государственный университет

ИНТЕРВЬЮ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

За 95 лет со дня основания, и за 45 лет со дня возрождения в истории Самарского государственного университета менялось очень многое: люди, стены, основы наук, методы преподавания, привычки и понятия университетских людей. Университетская повседневность конца 60-х начала 70-х гг. XX века, разительно отличалась от нынешней. В изучении университетской повседневности и становлении классического образования в Самаре ведущую роль может сыграть интервью, как способ сбора информации. В этой связи, СамГУ находится в уникальном положении, в сравнении с другими классическими университетами, он относительно молод. Как отмечает Е. С. Сенявская, «если участники и современники изучаемых событий еще живы, историк имеет уникальную возможность использовать самих людей в качестве непосредственного источника информации. Преимущество в этом случае состоит в том, что исследователь может управлять процессом создания нового источника в

соответствии с потребностями исследования, конкретизировать и уточнить получаемые данные» [1, с. 28].

Сама устная история отвечает потребности исследователей перейти от изучения «великих людей и событий» к «истории снизу», подчеркивая тем самым ценность любого человека как субъекта истории. «Без меня народ неполный», – говорил А. Платонов.

Развитию междисциплинарной методологии исторического познания способствует глубокая трансформация исторической науки под влиянием «интеллектуальных вызовов» эпохи постмодернизма [2, с. 32].

Как отмечает авторитетный специалист в области теории и практики «устной истории» П. Томпсон, свидетельства очевидцев обладают тройным потенциалом: позволяют разрабатывать новые подходы к интерпретации фактов, подтверждать справедливость прежнего истолкования исторических событий и демонстрировать, как они воспринимались на индивидуальном уровне [3, с. 263].

Можно согласиться с Д. Тошем, который отмечает, что устная история – это не новая отрасль исторической науки, а новая методика – способ привлечения для анализа новой категории источников, наряду с письменными источниками и материальными объектами [4, с. 264].

Данное исследование, пожалуй не является уникальным. Метод устной истории использовался и при написании истории Казанского, Саратовского и других университетов [5, 6]. Так же обширно с начала 90-х годов в России создаются центры Устной истории, в программе которых имеет место и изучение истории университетов [7]. Также создан обширный фонд «Устная история» основанный в 2010 году сотрудниками Отдела устной истории Научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова. который занимается созданием обширной базы интервью со свидетелями важнейших событий второй половины XX начала XXI веков [8]. По мнению В. С. Тяжелниковой и И. Ф. Юшина, создание баз данных – единственный способ обеспечить комплексное использование сведений массовых источников [9, с. 422].

Исследователь, работающий с информантами – очевидцами исторических событий, должен учитывать не только специфические черты исторической и индивидуальной памяти человека, его психологию, но и влияние текущей политической ситуации на восприятие и оценку событий прошлого.

Значение устной истории состоит в том, что она позволяет не только изучать социальную реальность во всех ее проявлениях, но прежде всего дает возможность реконструировать человеческую повседневность событий прошлого в восприятии самих участников «исторической драмы». Кроме того, с ее помощью, через анализ лично пережитого опыта индивида и его повседневного существования исследователь может установить глубинную взаимосвязь между различными сферами университетской жизни, субъективными и объективными сторонами исторического процесса [3, с. 284].

При изучении истории становления и повседневности СамГУ важную роль играют и новые технологии. Видеокамера позволяет не только записывать, но и воспроизводить историю в живом изложении. В простой беседе на исторические темы человеческий голос, свежий и неповторимый, неизменно придает «вторжению» прошлого в настоящее удивительную непосредственность. Слова зачастую складываются в неграмотные фразы, но это лишь усиливает их выразительность. Они буквально оживляют историю. Подобный способ записи информации с дальнейшей публикацией в сети интернет, позволяют раздвинуть границы истории и возродить связь поколений, показать или возродить преемственность университетских традиций.

Существует и ряд сложностей при использовании интервью как исторического источника. Изучение широкомасштабных явлений связанных с опросом целого ряда разных категорий информантов, требует тщательнейшего продумывания формулировок вопросов перед интервью. Для любого интервью очень важно задать правильные вопросы. Здесь существуют две крайности – разграфленный «вопросник» и его противоположность – уже не столько «интервью», сколько «свободный разговор».

Если интервью проведены умело, контраст между двумя школами не выгладит столь драматичным. Любые общие принципы неизменно сглаживаются под воздействием личностей самих участников интервью. Одни интервьюеры от природы более разговорчивы, чем другие, и поэтому способны разговорить респондента. Респонденты тоже бывают разные – от очень разговорчивых, которым достаточно задать несколько вопросов, а затем лишь немного направлять ход разговора или время от времени задавать очень конкретный, уточняющий вопрос, до сравнительно лаконичных. Но и их воспоминания при соответствующем уточнении более общих, неопределенных формулировок вопросов или наводящих подсказках, оказываются гораздо богаче, чем можно было ожидать [3, с. 227].

Таким образом особая ценность материалов устной истории определяется тем, что в них воспроизводятся устойчивые впечатления свидетелей исторических событий, содержатся уникальные данные, не зафиксированные в других разновидностях документальных материалов. Использование интервью, особенно на первоначальной стадии сбора информации по истории университетской повседневности, помогает изменить угол зрения, открыть новые важные направления для исследования. Использование устных свидетельств ломает барьеры между летописцем и читателем, между образовательным учреждением и внешним миром.

Библиографический список

1. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

2. Поршнева О. С. Концепции и методы социологии в историческом исследовании//Вестник РУДН. 2006. № 2.
3. Томпсон П. Устная история. Голос прошлого. М., 2003.
4. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000.
5. Плетнев В. В. Состояние и развитие Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского от «оттепели» до распада СССР: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Саратов, 2008.
6. Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005.
7. Научно образовательный центр ЮУрГУ «Устная история»//URL: <http://oral-history.ru/ru/istoriya-yuurgu.html> (дата обращения: 01.12.2014);
8. Фонд «Устная история»//URL: <http://oralhistory.ru> (дата обращения: 01.12.2014);
9. Тяжелникова В. С., Юшин И. Ф. «Массовые источники» и массовые данные//Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М., 2000.

М. А. Земницкая

Казанский федеральный университет

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ СРЕДИ ШКОЛЬНИКОВ

Большая часть различных этнических фобий среди школьников имеет корни в негативной оценке своей этнической группы, которая формируется по средствам СМИ и сети Интернет. Именно отсутствие позитивной оценки своего этноса и переживания национального комплекса неполноценности приводят к тому, что срабатывает психологическая защита, и люди обрушиваются на другие народы, обвиняя их во всех смертных грехах. Таким образом, формирование позитивной оценки своей этнической группы является одной из основных составляющих комплекса мер, направленных на формирование здоровой межэтнической обстановки.

Образование подрастающих поколений, должно обеспечить механизм трансляции этнического наследия новым поколениям. Кроме того, школьное образование призвано обеспечить интеграционные процессы, заложить основы для понимания и общения с другими культурами, нацеливать на умение поддерживать и развивать диалог культур.

Сравнительно-сопоставительное рассмотрение народно-педагогических знаний разных народов, исключает навязывание тех или иных ценностей, межнациональную нетолерантность, способствует не только выявлению общности духовных истоков разных этносов, но и наглядно иллюстрирует, что именно в диалоге культур проявляется духовность этноса, его гуманистические ценности [1, с. 37]. Эти знания позволяют привести учащихся к пониманию взаимосвязи национальных духовных культур, умению мыслить аналитически, сопоставляя категории «частного» и «общего», взаимосвязи «национального» и «межнационального», что способствует принятию общегуманистической позиции.

Одним из основных направлений в решении проблем воспитания культуры межэтнического общения может стать увеличение роли этнопсихологии в образовательных программах и изучение истории культуры различных народов, проживающих на территории Татарстана и Поволжья в целом. Показ неповторимой сущности самых разнообразных культур и демонстрация того, что носители этих культур не могут думать и чувствовать абсолютно одинаково, могут во многом способствовать повышению межэтнической терпимости (толерантности). При этом особое внимание необходимо уделять не только теоретической подготовке, но и практическим контактам между представителями различных культур, как на межгосударственном уровне, так и внутри страны, где межэтнические различия оказываются зачастую даже более яркими.

В данной ситуации система образования призвана скорректировать негативные проявления разного рода, создать условия для формирования и распространения тех ценностных ориентиров, которые предпочтительны как для личности, так и для общества.

В условиях многонационального региона одной из задач системы образования, является целенаправленное формирование норм и эталонов, отражающих специфику социально – исторического опыта жизни народов, проживающих испокон веков на территории Поволжья [2, с. 54], привитие навыков межнационального общения, формирование умения преодолевать конфликтные ситуации, развитие интереса к историко-культурному наследию народов, проживающих на территории Татарстана. Освоение, понимание и принятие иной национальной культуры – важное требование нашего времени. И на первый план выходит проблема толерантности в межэтнических и социальных отношениях. Толерантность должна стать культурной нормой поведения в обществе. Эту работу необходимо начинать уже в начальной школе.

Развитие толерантности в образовании должно происходить путем диалога сотрудничества обучающей и обучаемой сторон, гуманизации процесса образования.

Необходимо обогатить содержание учебных курсов и программ гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин поликультур-

ной тематикой, а так же совершенствовать методы преподавания всех видов дисциплин. Воспитанию толерантности может способствовать внедрение в образование элементов поликультурности [3, с. 41].

Библиографический список

1. Гасанов Н. Н. Особенности формирования культуры межнационального общения в многонациональном регионе//Педагогика. 1994. № 5.
2. Состояние научной экспертизы межэтнических и конфессиональных отношений в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад/Под. ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. Москва-Ижевск-Оренбург: Институт компьютерных исследований, 2013.
3. Погодина А. А. Программа по формированию толерантности у подростков в рамках классного коллектива. М., 2003.

СЕКЦИЯ IV. РУССКАЯ КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ ЭТНОСОВ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

П. П. Растрепин

Самарский государственный университет

РОЛЬ РАССКАЗА О ПОСЛЕ БОРТЕШЕ И ПОВЕСТИ О ЗАХАРИИ ТЮТЧЕВЕ В КОМПОЗИЦИИ ИРГИЗСКОГО СПИСКА «СКАЗАНИЯ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ»

Анализ Иргизского списка «Сказания о Мамаевом побоище» будет неполным без рассмотрения эпизодов о посольстве Захария Тютчева в Орду и после Бортеше от Ольгерда Литовского. Исследователи уже отмечали внутреннюю связь между этими двумя эпизодами [8, с. 412], но больше внимания уделялось при этом рассказу о Захарии Тютчеве.

В первой части текста содержится сцена возвращения Бортеша с вестями от Мамаю. Данный эпизод имеет важное значение для всего содержания «Сказания».

Следует обратить внимание на то, что имя посла (БОРТ АШ) переписчик записывает через «юс малый» (А), который произносился в древнерусском языке как современное «я». В современной исторической литературе имя посла пишется как «Бортеш», читая Иргизский список «Сказания», видимо, следует произносить как «Бортяш».

Во всех редакциях «Сказания» говорится о том, что Ольгерд отправляет к Мамаю своего посла. Но только в Распространенной редакции называется имя посла — Бортеш и рассказ о нем обрастает рядом интересных подробностей. В Иргизском списке «Сказания» данная часть текста имеет заглавие «О послании Волгирдови к Мамаю»: «По сем князь Волгирд Литовский скоро отряди посольской к Мамаю, именем Бортяша, человека родо (м) (с) Четские (Чешской) земли, мужа мудра. И посла его скоро и вда ему дары бесчислены, многи и дра...». Текст обрывается, так как отсутствует верхний правый угол листа. Следующий лист содержит послания Ольгерда и Олега к Мамаю, главной мыслью которых являются слова: «... а мы княжение Московское разделим: ово (то) к Литве, ово (то) к Резани...». Рассказ о Бортеше разделен на несколько частей:

Вначале идет сообщение о мудром и честном муже — Бортеше, что с многочисленными дарами и грамотами Ольгерда едет к Мамаю;

Затем приводятся пространные послания Ольгерда и Олега к Мамаю, чтобы читатель убедился в коварстве их планов;

Следующая часть списка озаглавлена «Мамай царь приемлет послания их...». Из лстивых посланий Мамай понял главное: «Аз мнех, яко во едином совокуплени будуть на мя. Ныне же рознество велико меж ими. Имам бо... на Руси быти». Автор «Сказания» настойчиво проводит мысль о том, что разногласия, междоусобицы русских князей, вражда Литвы и Руси — только на руку Мамаю, а сбросить иго Орды удастся лишь совместными усилиями многих русских князей, сплотившихся вокруг Москвы. Фраза Мамаю в современном переводе может звучать так: «Я думал, что князья русские и литовские будут едины, объединятся против меня. Но вижу, что ныне велики их разногласия и междоусобицы». И как итог размышлений Мамаю звучит его решение: «Имам бо... на Руси быти», т. е. «Решаю... быть на Руси».

Автор сообщения о Бортеше, о посланиях Ольгерда и Олега, о Мамае, принимающем их, сочинитель прерывает своими замечаниями, в которых открыто высказывает свое мнение о тех князьях, что стали союзниками Мамаю: «... иные же едина вера, едино крещение, а к безбожному ся приложили вкупе. Гоните хотяь православную веру».

И наконец следует увлекательный рассказ о после Бортяше, который, возвратившись к Ольгерду, сообщает о своих впечатлениях о царе Мамае: «Человек возрастом средний. Разумом не очень тверд, но очень горд. Воинство же его без числа, но как овцы без пастыря. Если устремится против них князь Дмитрий Московский, то разобьет их».

Данный рассказ содержится только в Распространенной редакции и отсутствует во всех остальных редакциях. На примере Иргизского списка можно судить о необычайной талантливости автора «Сказания». Рассказ очень динамичен и, по сути дела, представляет собой маленькую сценку, где особенно мастерски построены диалоги двух главных героев — Ольгерда и Бортеша. Несмотря на отсутствие современных знаков препинания в подлиннике, живая разговорная интонация очень узнаваема. Так и видишь надменного Ольгерда, восседавшего в кругу приближенных, которому правдивый ответ посла о Мамае кажется неслыханной дерзостью: «Как смеешь, пес, такие слова глаголати?»

В репликах автора о действиях героев преобладают глаголы, которые позволяют увидеть, как на экране, последовательность событий: Ольгерд «слышав то слово, вскочив от места своего, приим меч свой, хотя убити Бортеша». Отчет посла на наших глазах превращается в потасовку, в драку, почти в убийство, которое предотвращают «панове», «скоро восташи и удержаша Вольгирда», позволившие себе даже прикрикнуть на своего государя: «Перестань, господин, «сея суетная брани!» Однако пророческие слова Бортеша о том, что князь Дмитрий разобьет воинство Мамаю, если устремится на них, не только заставили ужаснуться слышавших это из окружения Ольгерда. Они породили сомнение в спасении великом князе Литовском.

Рассказ о после Бортеше чрезвычайно важен для понимания хода событий в «Сказании». В начале произведения автор так долго и подроб-

но рассказывал о переписке Ольгерда и Олега Рязанского с Мамаем и друг с другом, о планах раздела Московского княжества, что у читателей почти не остается сомнений в том, что в ходе битвы войска Ольгерда и Олега будут воевать на стороне Мамаю. Отчего же этого не случилось? Не объясняет ли эпизод с пророческой речью Бортеша то, почему Ольгерд не привел войска на Куликово поле? Слова Бортеша, резко отрицательно описавшего Мамаю и его воинство, заставили Литовского князя усомниться в успехе Мамаю, и Ольгерд «Сказания» (Ягайло в действительности) остановил полки возле города Одоева на расстоянии одного дня пути до Куликова поля, выжидая исхода сражения. В тех списках «Сказания о Мамаевом побоище», в которых рассказ посла Бортеша отсутствует, такое поведение Литовского князя кажется странным, необъяснимым. Эпизод, который содержится в Иргизской рукописи, логически объясняет поведение Ольгерда (то есть Ягайло). Точных сведений о том, что посол Бортеш существовал в действительности, современная наука не имеет. Однако, рассказ о действиях храброго посла не является механическим включением в повествование. Он настолько тесно связан со всем содержанием произведения, что его отсутствие в других редакциях затрудняет понимание смысла происходящего. Действие Ольгерда (Ягайло), который всем сердцем стремился к Мамаю, но не привел полки на битву, остаются необъяснимыми. Кроме того, повесть о литовском походе к Мамаю неразрывно связана с другим рассказом в «Сказании о Мамаевом побоище» — о посольстве Захария Тютчева в Орду.

Наличие в тексте «Сказания» рассказа о посольстве Захария Тютчева в Орду является отличительной чертой Распространенной редакции. В остальных редакциях лишь кратко сообщается, что великий князь послал Захария Тютчева в Орду с дарами Мамаю. Имя посланника почти во всех списках одинаково — Захарий, а вот фамилии называются разные. Возможно, это связано с тем, что в разных регионах России фамилию Тютчев произносили по-разному: Тютьшов [3, с. 475], Тутчев, Тетюшков, Тушинин. Имеется даже список, в котором посла зовут Захарий Кошков. В тексте «Сказания» в Летописце Хворостинина посол Дмитрия назван Назарием Тетюшковым. Только в этой редакции присутствует рассказ о пире, который устроил великий князь в честь Назария Тетюшкова. Л. А. Дмитриев считает, что переработка рассказа о Захарии Тютчеве в этой редакции сделана под влиянием былинных текстов [8, с. 474].

Вообще оба эпизода о Бортеше и Захарии восходят, вероятнее всего, к фольклорным по происхождению легендарно-сказочным рассказам о хитроумном походе. Несмотря на это, оба эпизода теснейшим образом связаны со всем ходом повествования. И в том, и в другом рассказе Мамай предстает перед читателями в самом неприглядном виде. Бортеш в своем сообщении Ольгерду характеризует Мамаю как заносчивого, но недалекого и даже глупого правителя. Однако Бортеш не подкрепляет

свои слова никакими доказательствами. Повесть о посольстве Захария наглядно иллюстрирует недалекость Мамаю: умному русскому послу без труда удастся его одурачить. В списке Иргизского монастыря юный, но умный посол назван Захарием Тютюшковым, что напоминает посла Тетюшкова в рукописи Летописца Хворостинина.

Повесть о Захарии Тютчеве (Тютюшкове, Тютьшове и др) — самая большая сюжетно законченная часть «Сказания». О герою повести в современной исторической науке существует 2 точки зрения:

А. И. Плигузов в комментариях к «Сказанию о Мамаевом побоище» пишет: «История посольства Тютчева недостоверна [6, с. 605]. К нему присоединяются другие ученые: это чисто литературное произведение; фольклорный по духу рассказ; сам Захарий Тютчев по другим источникам неизвестен [8, с. 412].

Л. Г. Бескровный в статье о Куликовской битве пишет о посольстве З. Тютчева как о реальном историческом факте: «Стремясь предотвратить столкновение с Ордой, Дмитрий Иванович направил вслед за отъехавшими послами Мамаю боярина З. Тютчева и с ним «злата и серебра многа». Хотя дары и были приняты в ханской ставке, Тютчеву там подтвердили требования о выплате дани в увеличенном размере. Стало ясно, что столкновения не избежать» [4, с. 227–228]. Ю. К. Бегунов в статье об исторической оценке «Сказания о Мамаевом побоище» также говорит о З. Тютчеве, как о лице историческом: «Выступлению рус войск в поход предшествует получение великим князем известия о сговоре Мамаю с Ольгердом Литовским и Олегом Рязанским от «юноши доволна суца разумом и смыслом, именем Захария Тютьшова». Захарий Тютчев — лицо историческое, он родоначальник Тютчевых, известны его сын Матвей и внук Борис Матвеевич Слепой, воевода, который участвовал в походе на Черемису (1463 г.), был воеводой в г. Суздале (1464 г.) и разбил новгородцев на р. Шиленге в 1471 г. (В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т II. СПб., 1887. С. 559). Позднее имя Захария Тютчева (в Распространенной и других редакциях «Сказания») обрастает легендой о том, что он будто бы порвал басму на глазах Мамаю и т. д.» [3, с. 487].

На мой взгляд, в повести о З. Тютчеве реальность переплетается с художественным вымыслом. Наиболее ранние документальные данные о фамилии Тютчевых действительно восходят только к 60–80 гг. XV в., что подтверждается также исследованием С. Б. Веселовского по истории класса служилых землевладельцев [5].

Однако, эта самая крупная и авантюрная часть Иргизского списка несет в себе материал, позволяющий рассматривать «Сказание о Мамаевом побоище» как источник. В речи Захария к Мамаю обратим внимание на титул, который русский посол употребляет применительно к Дмитрию Донскому: «Государь наш князь великий Дмитрий Иванович всея Руси». Этот же титул великого князя Дмитрия звучит в словах Вла-

димира Серпуховского: «Глава есть всем, глава и государь всея земли Руския». Мы видим здесь утверждение сильной государственной власти, идею единства Руси, которая должна сплотиться вокруг Москвы, как центра всея Руси. Как известно титулом «государя всея Руси» с 1485 г. именуется Иван III. Употребление этого титула применительно к Дмитрию Донскому, возможно, позволяет отнести дату создания «Сказания» к концу XV в.

Повесть о Захрии Тютчеве дает богатый материал о целях похода Мамаю на Русь. Сообщая о Мамаевом побоище, летописи говорят о желании Мамаю разорить русскую землю в отместку за разгром Бегича на р. Воже [7, с. 9, 22, 30], а также вернуть прежнюю дань, как было при хане Джанибеке [7, с. 32, 40]. Цели Мамаю, о которых сообщается в повести о З. Тютчеве, — иные: «И землю твою разделю служащим мне верою...». Грамоту, которую должен привести Захарий от Мамаю великому князю, темник адресует «Ратаю нашему Мите Московскому» и утверждает: «Ведомо же да есть ти будет, яко улусы наши владеяши», «... Во твое место посах (посажу) инога царя царствовать...».

Как видим, политика объединения Руси вокруг Москвы, которую настойчиво проводил Дмитрий, неужгодна Мамаю, и конечная цель восточного царя — разделить русскую землю и управлять ею через поставленных им правителей.

Послание Мамаю великому князю Дмитрию, как и переписка Мамаю с Ольгердом (Ягайло) и Олегом, на мой взгляд, далеки от первоначальных подлинников. Однако текст грамоты Мамаю содержит некоторые точные сведения, например, титулование Мамаю: «От восточного и грозного царя от Большая Орды... Царь царям и многим Ордам...».

Как известно, термин «Золотая Орда» появился значительно позднее. В Иргизском списке «Сказания» Мамаю назван царем Большой Орды, что характерно для всех источников XIV–XV вв., т. к. государство татаро-монголов на Руси того времени именовали Большой или Синей Ордой.

Поименовав себя полным титулом, Мамаю не делает этого по отношению к Дмитрию «Ратаю (ратнику, воину) нашему Мите Московскому...». Сочинителю повести о З. Тютчеве удалось передать желание Мамаю унижить, запугать великого князя, уверенность восточного царя в полной безнаказанности.

Таким образом, анализ вставной повести о Захрии Тютчеве показывает наличие в ней важных сведений по истории, близкой к событиям 1380 г.

Библиографический список

1. Самарская областная универсальная научная библиотека. ОРК (далее СОУНБ ОРК) № 108 (Инвентарный номер 306121) Списание Софоние Резанца похвала великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю. Сборник (XVI–XVII вв.) (Л. 29–99).

2. СОУНБ. ОРК. № 1972. Тихомиров М. Н. Описание рукописей Иргизских монастырей (Верхне-Спасо-Преображенского и Средне-Никольского).
3. Азбелев С. Н. Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому//Русский фольклор. (Материалы и исследования). Т. 13. Л., 1972. С. 77–102.
4. Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище»//«Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М. — Л., 1966.
5. Бескровный Л. Г. Историография Куликовской битвы//Куликовская битва. М., 1980.
6. Живая вода Непрядвы. М., 1988.
7. Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.
8. Повести о Куликовской битве/Изд. подг. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959.

А. А. Михеева

Уральский федеральный университет

ПЕВЧЕСКИЕ АЗБУКИ КИРОВСКОГО (XVII) СОБРАНИЯ ЛАИ УРФУ

Певческие азбуки — музыкально-теоретические руководства по крюковому пению. Два таких пособия, характеризующих певческую традицию беспоповцев Вятки, имеются в Кировском (XVII) собрании Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета — ЛАИ УрФУ (XVII.41 р/1304 к. XIX — нач. XX вв. и XVII.193 р/5194 нач. XX в.). Оба относятся к поморской традиции, основополагающей для большинства беспоповских общин. Их нотация знаменная, пометная, беспризначная, текст раздельноречный. В поморском художественном стиле выполнены украшения.

Обе азбуки начинаются с предисловия. В рукописи XVII.41 р/1304 оно озаглавлено «О какизах», в другой — «Предисловие о какизах» (попевках). Сам текст идентичен (не считая особенностей пунктуации и написания некоторых букв) и ничего не сообщает о крюковом пении. Он носит богословский характер и сводится к прославлению «книжной мудрости». Наличие этого текста в певческих азбуках говорит об отношении к крюковому пению как к «духовной премудрости», которая «душу озаряет», а обучение ему других приравнивается к апостольской проповеди. Здесь очевидна средневековая традиция, в которой практическое и духовное не разграничивались, а книга имела сакральное значение. Н. Е. Денисова отмечает, что включение подобных предисловий в солевые азбуки характерно для поморской традиции [1, с. 224].

Следующий раздел в обеих азбуках представлен изображением горки или лестницы — певческого звукоряда. Украшена она в рукописях

по-разному, но неизменным элементом является изображение ключа, открывающего божественную премудрость, о которой и писалось в предисловии.

За горкой в Азбуке XVII.193 р/5194 идет раздел «Посем знамя по согласию. Проучка первая». Он состоит из нотированных строк молитвы перед началом обучения и еще нескольких учительного характера, в чем вновь проявляется слияние практического и духовного. Роспев этой проучки представляет собой исполнение звукоряда и направлен на его усвоение. Последняя строка наиболее сложна ритмически, а ее мелодия, в отличие от остальных, имеет характерные квинтовые и квартовые скачки.

Далее следует раздел «Посем знамя по какизам» и соответствует рубрике «Посем знамя по согласию. Проучка первая по какизам» рукописи XVII.41 р/1304. В последней 8 проучек, в другой — 9. Сами упражнения разные, хотя и похожи, выстроены по принципу от простого к сложному. Каждая проучка направлена на пропевание определенных мелодических комбинаций: например, четвертая в Азбуке 193 р/5194 представляет собой восходящую секвенцию из четырех ступеней, идущих подряд, а в рукописи 41 р/1304 отрабатывает квартовые скачки и нисходящие терцовые опевания.

Следующий раздел в рукописи 193 р/5194 назван «Сказание известно о дванадесяти согласиях». Он открывается распетой азбукой «Аз, буки, веди...». Такая же азбука имеется и в рукописи 41 р/1304. Роспев их один и тот же, но в деталях разнится. В рукописи 193 р/5194 алфавит следует за другими проучками, а в 41 р/1304 завершает рукопись.

Раздел Азбуки 193 р/5194 «Посем знамени имена и поступки» аналогичен разделу «Таже знамени имена и поступки» рукописи 41 р/1304 и представляет собой азбуку-перечисление. Состав музыкального алфавита и порядок его изложения в обеих рукописях почти совпадает. Знамена прописаны по несколько раз с разными пометами. Расположение знамен традиционно построено по принципу от простого к сложному. Для многогласостепенных знамен и лиц даны розводы, причем довольно многие имеют также «ин» варианты, что характерно для древнерусской музыки. Такие заголовки как «Посем...», «Таже...» связывают один раздел азбуки с другим, указывают на последовательность процесса обучения. Элемент процессуальности (традиционный для древнерусской книги [2, с. 95]) привносит и заголовок «Фитник с Богом начинаем» (словарь фит — распетых мелодических оборотов).

Такой фитник в рукописи 41 р/1304 следует сразу за азбукой-перечислением, но в другом пособии между ними есть еще раздел, названный «Сказание сугубо осмогласнаго пения». Он начинается с предисловия, в котором подчеркивается значимость изучения строк каждого гласа. Стоит заметить, что в поморской певческой традиции самым важным считалось именно запоминание строк [3, с. 56]. Далее приводятся стро-

ки, собранные из разных певческих книг. Они упорядочены по гласам и, отчасти, по книгам (выделены «октайные», «праздничные»). Строки первого гласа пронумерованы (на этом примере усваивалась модель постижения остальных гласов). Выделяются названия попевок, иногда даются «ин розводы».

Азбука 193 р/5194 также имеет фитник, азбуку-толкование знамен и лиц и строки Символа Веры, распетые на 8 гласов. Рукопись 41 р/1304 содержит фитник, систематизированный по гласам и певческим книгам, и беспометное перечисление фит, традиционное для древнерусских азбук.

К сожалению, подробный анализ состава лицевых и фитных разделов, азбуки-толкования остается за рамками статьи. В заключение надо подчеркнуть прочность связи поморской музыкально-теоретической и книжно-рукописной традиции с древнерусской. Примечательно, что обе рукописи относятся к старому типу азбучных сборников, полностью основанному на древнерусском каноне. Впрочем, постижение староверами музыкальной грамоты проходило во многом на практике, при исполнении песнопений других певческих книг. Азбука подкрепляет разучивание песнопений, но именно в ней суммируется и передается древнерусская музыкальная теория и особенности местной (в рассматриваемых азбуках — вятской беспоповской) исполнительской практики.

Библиографический список

1. Денисова Н. Е. Певческие азбуки из собрания М. И. Чуванова (№ 111) и Каргопольского собрания БРАН//Уральский сборник. Екатеринбург, 2009. Вып. 7. Ч. 2.
2. Захарьина Н. Б. О понятии «певческая книга» в древнерусских рукописях//Церковное пение в историко-литургическом контексте. М., 2003. Вып. 3.
3. Казанцева М. Г., Коняхина Е. В. Музыкальная культура старообрядчества. Екатеринбург, 1999.

А. В. Блинкова

Самарский государственный университет

«САМАРСКАЯ АННА КАРЕНИНА»: ЖИЗНЬ А. Л. ТОЛСТОЙ (БОСТРОМ) ПОСЛЕ РАЗВОДА С ГРАФОМ ТОЛСТЫМ

Александр Леонтьевну Толстую — Бостром по преимуществу знают, как матушку писателя А. Толстого, зачастую забывая, что именно она смогла «задеть» в душе сына ноту творческого начала. В данной работе мы проследим ее судьбу после развода: творческий путь писателя, хозяйки имени и наставницы сына, основываясь на 13-летней переписи

ске (1883–1896 гг.) Александры Леонтьевны и Алексея Аполлоновича Бострома. Работа разбита на три части по периодам: 1) 1883–1890 гг., 2) 1891–1893 гг., 3) 1894–1896 гг.

В судьбе этой женщины было много непростого. В 27 лет уйдя от мужа, графа Николая Александровича Толстого, она становится гражданской женой Алексея Аполлоновича Бострома [далее А. А.] – обедневшего помещика и земского чиновника.

У А. Л. Толстой [далее А. Л.] было пятеро детей, дочка Паша умерла в 4 – летнем возрасте, троих детей она оставила графу, а сына Алешу воспитала сама, как считала нужным. Свою материнскую любовь А. Л. отдала Алеше. Любила этого ребенка с нежностью и испытывала за него всегда страх и волнение. «Лелька здоров, хотя немного покашливает. Он теперь такой “дудка – веселушка” на чужой стороне, о которой пел Славянский. Он ужасно ко мне привязался, не может равнодушно меня видеть, сейчас подползет и рад хоть возле ноги моей посидеть» [1, л. 1].

Первая часть писем А. Л. адресована Бострому (1883–1888 гг.); в них А. Л. повествует о хозяйстве, литературном творчестве.

По личной переписке можно увидеть, какие нежные и сердечные отношения были у А. Л. и А. А. – трогательное обращение друг к другу, вечная тоска в разлуке, которые отражены в письмах А. Л. Зачастую все письма носят частный характер.

«Милый мой Лелечек, дорогое мое сокровище. Как я об тебе соскучилась – страх! Скоро ли ты вернешься домой» [2, л. 2].

Большая часть писем А. Л. и часть писем Алеша Толстого за 1891–1893 гг. связаны с командировкой Бострома для закупки хлеба в Саратов и Царицын. В письмах А. Л. отражены события страшного голода в Самаре.

«Мне очень здесь трудно. Едва я приехала, как меня стали осаждать со всех сторон. Сначала приходили за лекарством, потом стали выпрашивать чего-нибудь из одежды, я раздала все, что могла отдать, даже юбку сняла себя. Потом стали просить молочка, мучицы опять приходится отказывать, объясняя, что мы сами муку покупаем, это трудно» [3, л. 4].

Воспитанием маленького Алеша поначалу занималась сама Александра Леонтьевна, но было очень трудно совмещать и работу над литературными произведениями, и дела хозяйства не могли ждать. Известно, что в «1891 г. Алеша Толстой учился в Самаре в частной школе Александры Юлиановны Масловской» [4, с. 46].

Письма 1894–1896 гг. были связаны с отъездами сначала А. А., а и затем А. Л. в Киев по делам наследства. В 1892 г. умирает матушка А. Л. – Е. А. Тургенева. Наследниками доли Тургеневой стали Л. Б. Тургенев, дочери Мария Леонтьевна, Александра Леонтьевна и Варвара Леонтьевна. Встал вопрос о продаже имения. Дело о разделе и продаже имения затянулось на три года.

В 1895 г. в Киев выехала сама А. Л. В письме от 3 января 1895 г., адресованном Алеше, она описывает свою прогулку по гостиному двору.

«Три сестры – Варвара Леонтьевна, Мария Леонтьевна, Александра Леонтьевна, – съехавшись в Киев, выработали условия раздела имений.

Последняя поездка А. Л. в Киев состоялась в 1896 г. <....> В конце сентября дело о разделе имений было закончено» [4, с. 58–59].

В конце жизни А. Л. добилась литературной известности. У нее есть свой круг читателей, репутация, она активно сотрудничает с издателями. Работает каждый день, но летом 1906 г. внезапная смерть оборвала нерализованные планы и устремления.

«Мы потеряли в ней высокообразованную, талантливую, литературную труженицу...» – написала газета «Самарский курьер» [5, с. 246].

Библиографический список

1. Самарский Литературный музей (СЛМ. КП – 224).
2. СЛМ. КП – 197/2.
3. СЛМ. Инв. № 5538.
4. Алексей Толстой и Самара. Куйбышев, 1982.
5. Оклянский Ю. М. Оставшиеся в тени. М, 1987.

В. А. Евграфова

Самарский государственный университет

МЕМУАРЫ Г. И РЖЕВСКОЙ КАК ИСТОЧНИК ЖИЗНИ ПЕРВЫХ СМОЛЯНОК

Вторую половину XVIII в. в Европе называют эпохой Просвещения. Правители ряда государств применяли на практике некоторые идеи Просвещения для преобразования наиболее устаревших государственных и общественных институтов, осуществления реформ в области судопроизводства, образования и т. д. Самым ярким представителем этого направления, получившего название «просвещенного абсолютизма», в России явилась Екатерина II. Она глубоко прониклась идеями рационализма, образованности, справедливости и стремилась воплотить их в жизнь. Главным помощником Екатерины в этом деле стал Иван Иванович Бецкой. Они хорошо видели все пороки и недостатки существующего общества и вся их практическая деятельность, в области образования и воспитания, была направлена на исправление существующего положения. Главное внимание уделялось повсеместному внедрению нравственного воспитания, практическое знание выдвигалось на второй план [1]. В «Генеральном учреждении о воспитании обоего пола юношества» Бецкой обосновывает это положение: «Один только украшенный или просвещенный науками разум не делает еще доброго гражданина. Большая роль принадлежит воспитанию» [2, с. 1–11]. Необходимо было преодолеть «суеверие веков» и дать народу новое воспитание. В связи с

этим ставилась задача воспитания новой породы отцов и матерей. Это намерение предполагалось решить заведением в России закрытых учебно – воспитательных заведений. В 1864 г. было открыто воспитательное общество в Москве, а в следующем году в Петербурге. Но самым ярким и выдающимся заведением подобного типа явилось Воспитательное общество благородных девиц.

Моя работа посвящена одной из первых воспитанниц Смольного института Глафире Ивановне Ржевской. В основу доклада положены воспоминания самой воспитанницы. «Памятные записки» Глафиры Ивановна пишет в начале XIX в. на французском языке. На русский язык они были переведены правнучкой Г. И Ржевской, дочерью декабриста П. Н Свистунова – Магдалиной Петровной Свистуновой [5]. При этом следует учитывать то, что некоторые факты и события могли быть искажены вследствие перевода. Так же мы должны учитывать и то, что Глафира Ивановна написала свои воспоминания, будучи уже в преклонных летах и некоторые факты и события могли ускользнуть из ее внимания.

Поэтому здесь мы не можем рассчитывать на полную объективность. Но вместе с тем она сама ставит себе вполне четкую цель: «Поставив себе целью перебрать все мои привязанности, я в тоже время постараюсь доказать мудрость Основательницы заведения» [3, с. 61]. При том Ржевская понимала, что предвзятое отношение может исказить истинный образ реальности и пытается отгородиться от этого.

Ржевская (Алымова) Глафира Ивановна родилась в 1758 г. и являлась девятнадцатым посмертным ребенком полковника Ивана Акинфеевича Алымова. В Смольный институт поступила в 1764 г., а закончила в 1776 г. с золотой медалью и золотым шифром императрицы, что позволило ей и еще пяти воспитанницам поступить на службу к Екатерине II в качестве фрейлины. В соответствии с «Генеральным учреждением о воспитании обоого пола юношества» в воспитанниках старались воспитать трудолюбие, культуру, научить пристойному поведению, просвещая их разум науками и художествами по природе и склонности каждого.

Интересно то, что в документах указываются склонности воспитанников, а это значит, что в них признают индивидуальность. Поэтому воспитанницы могли заниматься тем, к чему больше имели способности. Так, Глафира Ивановна прилежала больше к музыке, и считалась лучшей арфисткой своего выпуска.

Свои мемуары Ржевская начинает с восхваления учреждения, в котором обучалась, она характеризует его как приют невинности и мира: «Прелестные воспоминания! Счастливые времена! Приют невинности и мира!». В основу системы воспитания Ржевская ставит равенство – все девицы подчинялись единым правилам, будь то, сиротка, бедная или богатая и единственным отличием служили только достоинство и таланты. «Это была община сестер, подчиненных одним правилам» [3, с. 60], – пишет институтка.

Мемуары Ржевской дают богатый материал о том насколько воспитанницы были приближены к самым высшим слоям общества. Мы видим, с какой любовью Глафира Ивановна говорит об императрице, она восхваляет и благодарит ее. Отметим, что императрица позволяла детям «короткое обращение с собой и ни когда не роняла своего величия».

Из этого следует, что в институте Екатерину II принимали как свою и всегда были рады ее появлению. В свою очередь императрица никогда не оставляла без внимания своих воспитанниц и с такой же любовью относилась к ним. Об этом свидетельствуют ее ласковые обращения к воспитанницам: «Алимушка... ты заслуживаешь великую мою благодарность за приятное приветствие, тобою мне сделанное, и что ты умеешь выманывать монахинь из келий своею игривостью, и ещё по многим другим причинам» [4]. А в другом письме к А. П. Левшиной, Екатерина даже оправдывается перед смолянками: «Черномазая Левушка! Я хотела садиться в карету, когда получила твое приятное письмо, и намерена была ехать прямо в Монастырь тебя увидеть; но извините, великой холод меня удержал; ибо я режвлюсь по меньше твоего, по тому-то и нахожу тебя очень любезною» [4]. Все это свидетельствует об очень близких, даже родственных отношениях между смолянками и императрицей.

Особое внимание в мемуарах уделяется взаимоотношениям Ржевской с Бецким. Он был покровителем и учредителем данного заведения, и именно он стоял у истоков развития женского образования в России. Сначала она повествует о его заслугах и трудах, о том чего он достиг и добился, то есть перечисляет те благородные дела, за которые он заслуживает уважения. Она говорит, что воспитанниц сразу приучили уважать его как отца и защитника, и таким он оставался для всех девушек. Но сразу оговаривается, что его отношения к ней были иного характера: «С первого взгляда я стала его любимейшим ребенком, его сокровищем. Чувство его дошло до такой степени, что я стала предметом его нежнейших чувств, целью всех его мыслей» [3, с. 66]. Можно подумать, что такое отношение, может вызвать зависть или непонятные толки среди других воспитанниц.

Однако Глафира Ивановна была поистине благородным и справедливым человеком: «ничего не прося для себя, я всего добивалась для своих подруг, которыя благодарны мне были за мое безкорыстие и вследствие этого еще более любили меня».

Таким образом, из всего сказанного следует, что смолянки первого выпуска были достаточно приближены к высшим слоям общества и пользовались всеобщей любовью. Императрица Екатерина II достаточно часто навещала своих воспитанниц, и знала их по именам, что говорит о высокой степени заинтересованности высших особ к делам института.

Библиографический список

1. Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России (1086–1796). СПб., 1890.

2. Генеральное учреждение о воспитании обоюбого пола юношества. Т. 1. СПб., 1789.
3. Ржевская Г. И. Памятные записки Глафиры Ивановны Ржевской// Русский архив. М., 1871.
4. Екатерина II. Четыре письма императрицы Екатерины II-й к княгине А. П. Черкасской//Русский архив, М., 1871.
5. Институтки: воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2008.

С. С. Кольцова

Самарский государственный университет

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ НА СТРАНИЦАХ «САМАРСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»

«Самарские Епархиальные ведомости»—дореволюционное периодическое издание, освещавшее церковную жизнь нашего края. Журнал издавался с 1867 по 1918 гг., выходил два раза в месяц и состоял из официальной и неофициальной частей. В конце 80-х — начале 90-х годов XX века предпринималась попытка возрождения данного издания.

Данная работа посвящена дореволюционному этапу в издании «Самарских Епархиальных ведомостей», ее цель — охарактеризовать содержание краеведческих публикаций журнала.

Центральное и местное церковное начальство заботилось о сохранении исторических сведений в памяти людей. Так, во втором номере «Самарских Епархиальных ведомостей» за 1867 год был напечатан Указ Святейшего Синода «О заведении по церквам летописей», а также распоряжение Самарского Епархиального Начальства, которое постановило завести церковно-приходские летописи при каждой церкви с 1867 года [1, с. 20]. Также в данном номере журнала была напечатана достаточно подробная программа подобной летописи. В первом номере журнала за 1870 г. редакция обращается к духовенству с просьбой прислать для печати в «Самарских Епархиальных ведомостях» статьи исторического содержания, «касающиеся местного края» [2, с. 5]. Авторы журнала, которыми в основном являлись священнослужители Самарской епархии, не замедляли присылать материалы краеведческого характера. Статьи подобного содержания регулярно печатались в неофициальной части «Самарских Епархиальных ведомостей». Тематика данных публикаций была разнообразной. Среди них были статьи, посвященные самарским монастырям и церквам. В частности, были напечатаны две статьи К. И. Невоструева о самарских монастырях: мужском Спасопреображенском и женском Спасском. Многие авторы писали о духовных учебных заведениях губернии. Большое количество статей характеризовало дея-

тельность язычников, сектантов и раскольников на территории Самарской епархии. Многие из этих публикаций печатались в связи с миссионерской деятельностью православных священников. Такие статьи часто включали в себя сведения этнографического характера. Публикации такого рода в «Самарских Епархиальных ведомостях» отражены в библиографическом указателе «Этнография Самарского края XVIII—XX веков» [3]. В журнале также печатали некрологи в память об ушедших из жизни лицах духовного звания. Некоторые из авторов регулярно публиковали свои статьи в данном издании. Например, протоиерей Дмитрий Орлов, редактор «Самарских Епархиальных ведомостей» с 1867 по 1883 годы [4] или священник-миссионер, этнограф и библиограф Антоний Иванов. Отец Антоний был членом Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете.

Таким образом, журнал «Самарские Епархиальные ведомости» является богатым источником по истории Самарского края, в частности, церковному краеведению, а разнообразные материалы, публиковавшиеся на его страницах, до сих пор представляют интерес для исследователей.

Библиографический список

1. Самарские Епархиальные ведомости. Самара. 1867. № 2 (оф. ч.).
2. Самарские Епархиальные ведомости. Самара. 1870. № 1 (неоф. ч.).
3. Этнография Самарского края XVIII—XX веков. Библиографический указатель. Самара, 1994.
4. Историки Самарского края. Библиографический справочник. Самара: «Самарский университет», 1993.

И. Н. Мосейчук

Тюменский государственный университет

ЖЕНЩИНА В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА ТЮМЕНИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

В современной исторической науке понятие общественная жизнь города трактуется очень широко. Её можно определить как совокупность коллективных действий социально активной части населения, направленных на участие в определенных общественных процессах и изменениях [1]. Тема общественной жизни в городах Западной Сибири в современной исторической науке исследуется весьма односторонне. В основном авторы работ освещают только одно из её направлений, а что касается женского вопроса, то его затрагивают, как правило, очень фрагментарно.

В Тюмени середины XIX в., как и в других городах Центральной России и Сибири, получили широкое распространение следующие формы

общественной активности: организация литературных вечеров, воскресных школ, женских учебных заведений, создание разнообразных общественных организаций для помощи малообеспеченным и незащищенным слоям городского населения и другие направления благотворительной работы. Безучастным в этом роде деятельности не оставалось и женское население городов. Стоит также отметить, что в конце XIX—начале XX в. женская общественная активность резко усиливается (по сравнению с предыдущими периодами) [2, с. 59—71]. Этот факт, вероятно, связан с зарождением в пореформенный период женского движения как такового, которое явилось составной частью широкого освободительного движения, отражавшего сложные процессы становления гражданского общества в России.

Главной задачей общественной деятельности женщин была забота о детях: их благосостоянии, воспитании и образовании. Истоки проявления такого рода активности не случайны: в силу значительного уровня традиционности общества в это время была еще очень сильна полоролевая система, в которой женщине принадлежала, в первую очередь, роль хозяйки и матери. Таким образом, женщины участвовали в деятельности организаций и союзов, помогающих ученикам тюменских учебных заведений различных уровней (при Александровском реальном училище, Тюменской женской прогимназии и т. д.), причем как в материальном, так и в учебно-организационном плане. Пришкольные организации занимались обеспечением учеников книгами для чтения, учебными пособиями, горячим питанием, одеждой и обувью [3, с. 2]. Кроме этого, женщины нередко самостоятельно организовывали школы, как правило, в своих собственных квартирах или домах. Однако содержать их на соответствующем уровне они часто не могли в силу недостатка, а иногда и вовсе отсутствия финансирования [4, с. 2].

В рамках общественной деятельности женщины оказывали финансово-материальную поддержку не только детям. Многие обеспеченные дамы города, преимущественно из чиновничье-купеческой среды, в экономически тяжелые для России 1900—1903 гг. откликнулись на призыв прессы о помощи голодающим жителям Тобольской и Томской губерний [5, с. 2; 6, с. 2; 7, с. 3]. Хотя и собранная сумма была не велика, важно то, что женское население города сразу же откликнулось на такой призыв.

Распространение получили пожертвования средств в пользу бедных. В пореформенный период по всей Западной Сибири, в том числе и в Тюмени в 1889 г., формируются городские попечительские организации о бедных, которые возникают по инициативе женщин. Дамы жертвовали деньги, продукты и одежду в пользу нищих и бедняков. [8, с. 3; 9, с. 2].

Благотворительность в сферах строительства и благоустройства города со стороны женщин фактически отсутствует. Такие направления требовали достаточно крупных денежных вложений, которых у женщин

попросту не было в силу сохранявшейся значительной экономической зависимости от мужчины (отца, мужа). Это явилось важнейшим фактором медленного вовлечения женщин в сферу общественной деятельности. Несомненно, процесс сокращения экономической зависимости уже начался, но это справедливо, в первую очередь, для представительниц более высоких и обеспеченных сословий.

Важно понимать, что женские жертвования зачастую носили частный характер, а число дам в пришкольных организациях и других союзах было очень небольшим, и нередко их функции являлись формальными и сводились к почетной роли покровительниц. Нередко жены высокопоставленных чиновников избирались председателями общественных организаций только для того, чтобы придать им больший авторитет.

Помимо экономической зависимости вовлечению женщин в процесс формирования гражданского общества мешал их низкий уровень грамотности [10], другой фактор — недостаток свободного времени для занятий такого рода. Женщина — «хранительница домашнего очага» — была вынуждена отдавать большую часть своих сил и времени на ведение домашнего хозяйства, воспитание собственных детей и заботу о супруге.

Таким образом, можно говорить о том, что в пореформенный период в Тюмени только начался процесс приобщения женской части населения города к общественной жизни. Женщины не оставались в стороне от общественных проблем и, несмотря на препятствовавшие факторы, хотели содействовать их решению. Однако это участие нередко отличалось несамостоятельностью, ограниченностью сфер реализации и исключительно социальной направленностью.

Библиографический список

1. Нестеренко Е. Н. Общественная жизнь российской провинции последней четверти XIX века. Тамбов: Изд-во Пензенского государственного университета, 2010.
2. Гончаров Ю. М. Социальный статус и гендерные роли женщин Сибири во второй половине XIX—начале XX века//Сибирь капиталистическая. Новосибирск, 2007.
3. Сибирская торговая газета. 1901. № 74.
4. Сибирская торговая газета. 1898. № 76.
5. Сибирская торговая газета. 1901. № 19.
6. Сибирская торговая газета. 1901. № 31.
7. Сибирская торговая газета. 1901. № 72.
8. Сибирская торговая газета. 1913. № 126.
9. Сибирская торговая газета. 1901. № 79.
10. Дегальцева Е. А. Общественная благотворительность Западной Сибири в XIX—начале XX века [Электронный ресурс]//Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. URL: <http://zaimka.ru/degaltseva-charity> (дата обращения: 15.11.2014).

ОБРАЗ РУССКОЙ КРАСАВИЦЫ НА РУБЕЖЕ XIX – XX СТОЛЕТИЙ

Мы можем проследить, как изменялись критерии женской красоты, в зависимости от исторической эпохи. Цель данной работы: выявить, как формировался образ русской красавицы на рубеже XIX – XX столетия.

Увидеть эталоны женской красоты конца XIX века возможно по портретам великой княжны Ольги Константиновны, Варвары Римской-Корсаковой, светлейшей княгини Елизаветы Салтыковой и др. Во второй половине XIX века из моды не вышли корсеты. Идеалом красоты считали даму с «осиной талией», аристократической бледностью и утонченными манерами. Здоровый румянец и загар указывали на низкое происхождение. С портрета Варвары Римской – Корсаковой на нас смотрит прекрасная женщина с бледным лицом, темными бровями, большими выразительными глазами. Она потрясала свет своим вольным нравом и откровенными нарядами из легких тканей.

О Великой княжне Ольге Константиновне современники оставили много положительных воспоминаний. «Она поражала своим внешним обликом, выражением лица: это была сама скромность, необыкновенно естественна – не осознавая того, она была исключительна. Глубоко вдумчивая, всегда спокойная, ровная», – писала графиня Мария Белевская – Жуковская.

Женская фигура имела характерную постанковку, напоминающую слегка изогнутую латинскую букву S. При этом верхняя часть ее была слегка наклонена вперед («голубиная грудь»), живот втянут, а нижняя часть корпуса как бы немного «отставала» от верхней [2, с. 163]. В конце XIX века приветствовались занятия спортом.

Гимнастические упражнения также позволяли барышням осваивать такой сложный раздел правил светского поведения, как правильная жестикуляция. Обычно, добиваясь от девочек выполнения мельчайших требований этикета, у них целенаправленно вырабатывали скупость в жестах [5]. Баронесса Врангель протестовала против этого: «Голова, бюст, руки – все должно слегка шевелиться, проводя речь несколькими изящными жестами, как бы дополняющими ее и усиливающими впечатление. Надо избегать только излишеств».

С 1890-х годов меняется весь привычный ритм жизни: в обиход, кроме железных дорог, входят автомобили [2, с. 162]. К началу XX века жизнь людей начинает меняться, а вместе с этим меняются эталоны женской красоты, подвергнутые влиянием эмансипации.

Все больше становится женщин – врачей, учителей, медицинских сестер [2, с. 162]. Двадцатый век – это век становления принципиально новых основ общественно-политической жизни, век становления новых идеалов не только духовных, но и внешних [4].

У таких резких изменений есть целый комплекс причин. Прежде всего, выделим господство массового производства в промышленности, влияние революционных изменений на ограничения в моде. Статус тканей и форм уходит на второй план. Теперь дамы все больше внимания начинают уделять удобству.

О красоте русских женщин свидетельствуют факты об отношении к русским эмигранткам в Турции: «турки оказались очень восприимчивы к красоте русских женщин. Они никогда не видели блондинок, а с голубыми глазами – и подавно. Разводы среди турецких подданных сыпались как из рога изобилия [1, с. 205]».

Коренные изменения в моде и образе идеальной женщины, происходят в начале XX века. Одежда укоротилась, в моду вошли короткие стрижки, которые подчеркивались легкими кудряшками или «волнами». Эталоном считается высокая женщина с узкой талией и кукольным лицом.

Модными повседневными украшениями были брошки в виде трилистника, напоминающего листок клевера, брошь в виде стрекозы или ветки ландыша. Популярностью пользовались недорогие золотые гарнитуры «декадентского стиля», состоявшие из браслета, броши, серег и колец [1, с. 191].

В отличие от Европы, предпочитавшей блеклые, приглушенные тона в одежде, в России были популярны насыщенные, глубокие тона малинового, лилового, всех оттенков красного [6]. Рамки моды раздвинулись, но оставались достаточно жесткими. Брюки были одинакового покроя, юбки одной длины [3, с. 223].

Образы прекрасных женщин быстро сменяли друг друга. Балерина Анна Павлова, исполняющая роль лебедя, создала образ томной и печальной красавицы. Но эмансипация оставляет отпечаток в стандартах женской красоты. В 1920-е годы объемные прически, женственная фигура уступают место «мальчишескому» силуэту: короткие волосы, узкие бедра и маленький бюст.

Подводя итог, мы можем сделать вывод, что в конце XIX века образ русской красавицы создается за счет отточенных до мелочей жестов, утонченных манер, женственной фигуры. Дамы делали сложные прически, выбеливали лицо, образ был перегружен аксессуарами: объемными шляпками, перчатками, зонтиками и украшениями. В начале XX века, стремясь подчеркнуть процесс женской эмансипации, дамы начинают носить короткие прически, постепенно отказываются от корсетов, аксессуаров становятся меньше по формам и уже не так перегружают костюм. Каждой эпохе, иногда даже десятилетию, соответствуют свои критерии идеала красоты. Изменяется статус женщины в обществе, а вместе с ним ее внешний облик, одежда, поведение.

Библиографический список

1. Васильев А. А. Судьбы моды. М., 2014.

2. Киреева Е. В. История костюма. Европейский костюм от античности до XX в. М., 1976.
3. Н. М. Аршавская, Л. С. Щербакова. Мода, вкус, красота. М., 1992.
4. Р. В. Захаржевская. История костюма: От античности до современности. М., 2005//Интернет источник: <http://www.thingshistory.com> (Обращение от 6.11.2014.)
5. Руга В., Кокорев А. Барышни и дамы. Повседневная жизнь москвичек в середине XIX – начале XX в. М., 2014.
6. Русская женская мода начала 20 века//Интернет источник: <http://subscribe.ru> (Обращение от 6.11.2014)

И. В. Бреднева

Самарский государственный институт культуры

ЗАДАЧИ И ФУНКЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОМИССИЙ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В годы войны, особенно такой опасной и страшной, какой стала Первая мировая, вопросы культуры и просвещения уходят на второй план. Однако в обществе всегда есть люди, готовые взять на себя дополнительный груз трудов и забот, чтобы помочь детям, то есть самым беззащитным перед лицом военной угрозы, не только выжить, но и воспринять духовные устои, опыт, знания, память предшествующих поколений. Это можно было сделать, только сохраняя для детей возможности получения образования [1, с. 109]. В годы Первой мировой войны основные меры по решению обозначенной проблемы принимали Педагогические комиссии, создаваемые повсеместно, в том числе и в Самаре.

17 июля 1915 г. комиссия начальных учебных заведений Самары, по предложению попечителя Казанского учебного округа, обсуждала вопрос об организации комиссии для оказания педагогической помощи детям лиц, призванных на войну. Решено было организовать такую комиссию из педагогического персонала низших и средних учебных заведений в Самаре, которые добровольно изъявляют желание в ней работать, по образцу комиссии, образованной в Петрограде. Правила об организации и деятельности Самарской Педагогической комиссии утверждены 14 ноября [3, л. 13].

Комиссия ставила цель оказывать помощь детям лиц, принимающих участие в войне, путём подготовки к поступлению учебные заведения. Она также искала для них бесплатные вакансии или находила средства для оплаты обучения, покупала для нуждающихся учебники и одежду, устраивала их на квартиры или в общежития, а также посредством репетиторов [2, л. 1]. Помощь чисто педагогического характера могла быть оказана путем подготовки и репетиторства отдельных детей си-

лами одного или нескольких членов комиссии или путем устройства занятий с группами учеников по школьной системе. Выбор того или другого способа зависел от председателя Комиссии, но при устройстве занятий по школьной системе последние должны были производиться непременно в специально назначенных для того помещениях. О каждом случае устройства школьных занятий Комиссия доносила попечителю учебного округа. За оказанную детям педагогическую помощь плата не взималась, учителя выполняли свою работу на общественных началах и без вознаграждения [2, л. 6].

Комиссия имела право печатать от своего имени извещения для ознакомления населения с целями и результатами ее работ, входить в непосредственные сношения и переписку с учреждениями и лицами, чье содействие могло быть полезным. Ей разрешалось принимать денежные и материальные пожертвования, изыскивать средства всеми дозволенными способами [2, л. 2].

По истечении каждого полугодия в январе и июле предоставлялся отчет о деятельности Комиссии. Его форма была следующей: имя и фамилия ребенка; звание отца и пострадал ли он на войне; состав семьи и ее материальное положение; что было сделано для ребенка, какими средствами и способами.

Комиссией организовывался личный прием просителей. Многие из них часто не знали, о чем просить. С ними надо было поговорить и посоветовать лучший и возможный исход. Все ходатайства просителей проверялись и снабжались письменной справкой, подписанной лицом, или учреждением, наводившим справку. Прошения, поступающие из деревень по почте, надо было проверять через местного священника, учителя или другое подходящее лицо, которое могло дать просителям надлежащие советы, о чем следует ходатайствовать перед Педагогической комиссией.

Если возбуждалось ходатайство о плате за обучение в казенном учебном заведении, то надлежало снести с начальством учебного заведения по вопросу об освобождении ученика от платы в счет имевшихся квот. Если это было невозможно, то подавалась просьба об отсрочке оплаты до окончания войны. Если в данном учебном заведении имелись стипендии, то таковые по ходатайству Комиссии назначались преимущественно детям участников войны, в первую очередь, сиротам и детям раненных участников войны. Если подопечный Комиссии ученик обучался в частном учебном заведении, и его не удавалось освободить от платы, то таковая вносилась из средств Комиссии [1, с. 7].

Помещение детей в общежития являлось самой сложной из задач Комиссии. Она ставилась в двух случаях: 1) сирота, которому негде жить; 2) по месту жительства матери нет учебного заведения, а ребенка надо отправить туда, где учебное заведение имеется. Существовало несколько способов решения этой задачи. Мальчиков помещали в пансионы не

только своего, но и других средних учебных заведений, девочек – в институты или в соответствующие пансионаты. Детей размещали в приютах, устраивали для них общежития и, наконец, устраивали в благонадежные семьи за особую плату. Если детей, нуждавшихся в помощи было немного, то их за особую плату устраивали в частные пансионаты. Сироты из офицерских детей-мальчиков устраивались сравнительно легко. Надо было только снести с Главным управлением военно-учебных заведений, чтобы поместить этих сирот в закрытые учебные заведения и приюты [1, л. 9].

Правила об организации и деятельности Самарской Педагогической комиссии не являлись безусловно обязательными. Они были составлены как руководство на основании опыта аналогичной Петроградской комиссии. Приветствовалась самая широкая инициатива в деле призрения детей. Все законные меры, которые вели к успеху, считались целесообразными и поддерживались.

Первая мировая война оказала сильное воздействие на духовную жизнь общества, формируя специфические мировоззренческие позиции и эмоциональные отношения. Интеллектуальные силы Самары, как и всей России, в годы войны остро ощущали потребность в общественно-полезной деятельности, в том числе направленной на дело народного просвещения. Одним из ее проявлений стало стремление к оказанию помощи детям тех, кто был призван на войну или иным образом особо пострадал от нее, в получении образования. Такое стремление было оформлено в виде создания Педагогических комиссий.

Библиографический список

1. Артамонова Л. М. Бедствия Первой мировой войны как причины перевода в самарскую гимназию // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Нижневартовск, 2014. С. 109–111.
2. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 416. Оп. 1. Д. 1.
3. ЦГАСО. Ф. 416. Оп. 1. Д. 15.

И. Ю. Картамышева

Самарский государственный институт культуры

РАБОТА САМАРСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1915–1916 гг.

В годы Первой мировой войны семьям, чьи мужчины ушли на фронт или которые вынуждены были бежать из прифронтовых районов, оказывали помощь губернские власти, земские и городские учреждения, общественные организации. Педагогические комиссии, созданные в

период Первой мировой войны, взяли на себя трудную задачу поддержки детей, оказавшихся в тяжелых условиях временной или полной потери родительской поддержки, эвакуации и вынужденного переселения, ухудшения материальных и бытовых условий.

Указанные проблемы приняли массовый характер. Ко всему прочему они затрудняли возможность получения образования. Одним из возможных выходов стал перевод на обучение в школы тыловых городов [1, с. 309]. Однако сам по себе он не решал всех возникших затруднений. Снять хотя бы их часть, облегчить положение как местных школьников, чьи родители ушли на фронт или лишились привычного заработка, так и, тем более, детей беженцев или эвакуированных могла лишь адресная помощь самого разного плана. Именно она и стала целью Педагогических комиссий, включая Самарскую.

Согласно пункту I правил об организации и деятельности Педагогической комиссии, она ставила целью оказывать помощь семьям лиц, принимающих участие в войне, путем подготовки детей дошкольного и школьного возраста в учебные заведения, поиска для них бесплатных вакансий или взноса платы за их учение, снабжения учебными пособиями и обмундированием, устройства в нужных случаях ученических квартир и общежитий [2, л. 13]. 22 июля 1915 г. председателем комиссии было объявлено в местных газетах об образовании Педагогической комиссии, а также предложено матерям и опекунам детей прийти во 2-ю женскую гимназию 23 июля к 12 часам дня для того, чтобы выяснить, кому из них и какая помощь нужна от Педагогической комиссии и когда комиссия может начать свою деятельность. Оказалось, что нужда была в подготовке детей к приемным испытаниям в средние учебные заведения и высшие начальные училища. Подготовка эта началась 28 июля. Занятия велись с мальчиками в здании 1-й мужской гимназии, а с девочками в здании 2-й женской гимназии.

По окончании приемных экзаменов в учебных заведениях на первом же общем собрании членов комиссии решено было выяснить число детей, отцы которых призваны на военную службу, не попавших в школы. Выяснилось, что отказа в приеме детей в начальные городские школы не было, а в средние учебные заведения или высшие начальные училища не были приняты всего 14 чел., которые не выдержали испытаний. Часть их после подготовки и уже после начала учебных занятий удалось определить в высшие начальные школы [2, л. 14].

Многие обращались к Педагогической комиссии за советами, разъяснениями, справками. Обычно такие советы и справки давались председателем комиссии, ежедневно принимавшим всех, кто обращался к нему. Иногда приходилось просить содействия того или иного должностного лица, чтобы исполнить желание просителя. В одном случае мальчику отказали в приеме в учебное заведение, так как он явился в конце октября. Педагогическая Комиссия дала обязательство помочь

мальчику наверстать то, что им пропущено. Он был принят и к концу второй четверти был аттестован по всем предметам удовлетворительными баллами [2, л. 14].

Педагогическая комиссия в самом начале своей деятельности должна была подумать об изыскании средств для оказания материальной помощи детям. Оказалось, что крайняя нужда наблюдается среди многих учащихся начальных школ, не имевших ни обуви, ни теплой одежды. Комиссия решила дать платный концерт соединенными силами учащихся средних учебных заведений, устроить спектакль в Городском театре, наконец, обратиться за помощью к частным лицам и благотворительным организациям [2, л. 14]. Например, в Самарское губернское отделение Татьянинского комитета комиссия обратилась с просьбой отпустить необходимые средства на неотложные нужды учащихся-беженцев и включить в свой состав представителя Педагогической комиссии [3, с. 23].

Благотворительный спектакль в Городском театре был устроен 13 ноября. Он прошел со значительным материальным успехом, чистого дохода от него получилось 1550 руб. 35 коп. [2, л. 15].

Благотворительный концерт прошел с разрешения начальства учебного округа в Первой мужской гимназии 30 декабря. В нем приняли участие учащиеся двух женских и двух мужских гимназий, желавшие помочь нуждающимся детям воинов. Концерт дал чистой прибыли 1586 руб. 68 коп. Кроме того, было пожертвовано: Самарским местным комитетом Российского общества Красного Креста, учрежденного чинами Казанского учебного округа — 300 руб., учебно-воспитательной корпорацией 2 женской гимназии — 160 руб. 39 коп., ученицами 2-й женской гимназии — 70 руб. 15 коп., разными лицами — 32 руб. 35 коп. От Особой комиссии Верховного Совета поступило 1000 руб. Всего в распоряжении Педагогической комиссии оказалось 5297 руб. 24 коп. [2, л. 15].

Учащимся средних учебных заведений материальная помощь от комиссии не оказывалась. Она сосредоточилась на поддержке учащихся начальных школ, в большинстве принадлежащих к малосостоятельным семьям. Когда их отцы были взяты на войну, а жизнь сильно вздорожала, положение многих стало безвыходным. Через заведующих школами комиссия выяснила число нуждающихся в материальной помощи школьников. Их разделили на крайне нуждающихся и просто нуждающихся. Ученикам и ученицам обычных начальных школ было выдано 128 пальто, 15 шаровар, 16 рубах, 2 блузы, 4 платья, 40 шапок, 30 теплых платков, 90 пар ботинок, 19 пар галош, 131 пара валенок, а учащимся высших начальных школ — 2 пары ботинок, 19 пар галош, 4 фуражки и учебников на 16 руб. 82 коп. На все это было израсходовано 2137 руб. 25 коп. [2, л. 15].

По вопросу о том, не следует ли организовать особые занятия с учениками-беженцами, члены комиссии постановили проводить такие занятия, если в них встретится надобность. В каждом учебном заведении

они проводились как силами членов комиссии, так и педагогами этого учебного заведения [3, л. 23].

Педагогические комиссии, в том числе Самарская, сделали много для помощи детям в годы Первой мировой войны. Эта помощь была, прежде всего, направлена на создание условий для полноценного обучения.

Библиографический список

1. Артамонова Л. М. Переводы школьников в учебные заведения Самары вследствие событий Первой мировой войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электрон. сб. Вып. 2. Самара, 2014. С. 307–314. [Электронный ресурс] — URL: <http://sbornik.lib.smr.ru/>
2. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 416. Оп. 1. Д. 15.
3. ЦГАСО. Ф. 416. Оп. 1. Д. 16.

В. Г. Куренкова

Самарский государственный университет

ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ НИКОЛАЯ II В 1916–1918 гг.

Сведений об организации обучения детей Николая II очень мало. В основном это — отрывочные данные. О процессе обучения есть записи в дневниках родителей [4]. О процессе обучения упоминается в мемуарах приближенных к царской семье людей: преподавателя французского Жильяра [5], Буксгевден [2], Мельник-Боткиной [8], Мосолова [9], Панкратова [11]. В Царском Селе сохранилось подлинное расписание учебных занятий [13].

Первая советская работа, содержащая бытовые подробности — монография Касвинова [8]. Повседневной жизнью Николая II и его семьи начали активно заниматься в постсоветское время: Боханов [1], Фирсов [14], Мультиатулли [10], Зиминова [6].

Цель работы — сравнить процесс обучения царских детей до и после Отречения Николая II. Для сравнения возьмем 1916–1917 гг. накануне революции и Отречения и время жизни царской семьи в ссылке в Тобольске. Для краткости и наглядности приведем расписание учебных занятий в 1916–1917 гг. (см. рис. 1) [9]

Как мы видим, до отречения занятия были шесть дней в неделю, по 4–6 урока в день. Итак — внизу приведены изучаемые предметы и преподаватели: русский — П. В. Петров, арифметика — В. Н. Войков, закон Божий — прот. Александр Васильев, география и история — К. А. Иванов, английский — Ч. С. Гиббс, французский — П. Жильяр, немец-

кий – Э.К. Клейненберг, музыка. Т.е. мы видим достаточно плотно забитый график учебных занятий. Кроме того, как мы видим, в расписании детей ежедневно отводится время для прогулок. В дневниках Николая II каждый день есть запись про прогулку. Физическому развитию уделялось большое внимание: верховая езда, теннис, велосипед, байдарка, сани, лыжи [1, с.374]

После уроков дочери садились за рояль или за рукоделия: не только вышивали, но и шили для бедных [5, с.274]. Кроме того, часто ездили в театр [1, с.378], смотрели кино.

Нельзя забывать и о духовном воспитании – каждое воскресенье семья ходила к обедне, молились, исповедовались, причащались, читали Евангелие. Во всех мемуарах отмечается скромность жизни царских детей, трогательное и нежное отношение друг к другу, простота в одежде и образе жизни (например, Алексей Николаевич донашивал рубашки сестер) [5, с. 274].

Мы видим, таким образом, что дети Николая II получали разностороннее домашнее образование – и общегимназические дисциплины, и физическое развитие, и творческое. Обстановка была скромной, развлечений практические не было – не считая театра, прогулок, скатываний с горы, домашнего кино.

Продолжалось ли обучение царских детей в ссылке?

Казалось бы, в Тобольске все кардинально переменялось: уже не было широкого выбора в преподавателях, не было прежних средств обучения. Но обучение продолжалось. Мало того, оно было регулярным, полноценным.

Обучение по основным предметам взяли на себя Николай, Александр и приближенные: Николай II – русская и военная история, Александра Федоровна – закон Божий, Священная история, немецкий язык, английский язык, князь Татищев – русский язык, П. Жильяр – французский, Гиббс – английский, Боткин – биология, графиня Гендрикова – древняя история, гофлектриса Е.А. Шнейдер – русский язык и литература. Позднее была приглашена учительница из гимназии К. М. Битнер – она преподавала географию и литературу, учитель местной гимназии Батурлин – математику [2, с. 102]

Как мы видим, в Тобольске по-прежнему преподавались общие предметы детям, языки, занимались рукоделием. Кроме того, в губернаторском доме было фортепиано, где можно было играть. И главное помимо образования в Тобольске особый акцент делался на духовное развитие.

Важно отметить, что образование детей Николая II и Александры Федоровны было разносторонним: они продолжали изучать различные предметы, занимались рукоделием, музыкой, ставили сценки, рисовали, сочиняли стихи. Также они продолжали заниматься и спортом, конечно, уже в новых условиях. Но главное место в жизни детей заняло духовное самосовершенствование через чтение, молитву и каждодневное приобре-

тение через скорби и лишения терпения, смирения и любви, что является важнее любой мудрости и знания согласно апостольским словам: «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто».

Расписание учебных занятий на 1916–1917 гг. Начало – 7 сентября

Время	Наследник Цесаревич						Татьяна Николаевна						
	9-10	10-11	11-12	12-1	1-2	2-4	4-5	5-6	9-10	2-3	5-6	6-7	7-8
Понедельник	Русский	П Р О Г	Закон Божий	Геогр.	З А В Т Р А К	Англ.	Франц.	Франц.	Франц.	Закон Божий			Муз.
Вторник	Ариф-ка	У Л К А	Ист.	Англ.	Р А К	Ист.	Англ.	Нем.			Ист.	Муз.	
Среда	Русский		Закон Божий	Геогр.	И	Бал.	Франц.	Франц.			Ист.		Муз.
Четверг	Ариф-ка		История	Русский	О Т Д Ы Х	Англ.	Ист.	Нем.	Русский	Англ.			Муз.
Пятница	Русский		Закон Божий	Англ.		Франц.	Франц.	Франц.	Русский	Музыка			
Суббота	Русский		Ариф-ка	Франц.		Англ.	Бал.	Англ.	Закон Божий				

Время	Мария Николаевна							Анастасия Николаевна								
	9-10	10-11	11-12	12-1	4-5	5-6	6-7	7-8	9-10	10-11	11-12	12-1	4-5	5-6	6-7	7-8
Понедельник	Ариф-ка	З.Б.	Ист.	Рус.		Англ.	Муз.			Ариф-ка	Русский		Муз.		Англ.	
Вторник		Нем.	Франц.	Геогр.		Муз.	Русский			Ариф-ка	Нем.	Франц.	Русский	Геогр.	Муз.	
Среда	Англ.	Ист.	Русский	Закон Божий			Муз.		Англ.	Закон Божий	Ист.	Русский		Муз.		
Четверг		Нем.	Франц.	Геогр.			Муз.			Ариф-ка	Нем.	Франц.		Муз.		
Пятница		Англ.	Русский	Закон Божий				Муз.	Англ.	Ист.	География	Русский			Муз.	
Суббота	Англ.	Нем.	Франц.	Ариф-ка						Франц.	Нем.	Закон Божий				

Библиографический список

1. Боханов А. Н. Император Николай II. М., 2001.
2. Буксгевден С. К. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы Всероссийской. М., 2006.

3. Дневники императора Николая II. М., 1991.
4. Дневники Николая II и Александры Федоровны 1917–1918 гг.: в 2 т.: т. 2. М., 2012.
5. Жильяр П. Император Николай II и его семья. М., 1991.
6. Зимин И. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М., 2011.
7. Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. Кишинев, 1988.
8. Мельник (Боткина) Т. Е. // Царские дети. М., 2005.
9. Мосолов А. А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992.
10. Мультипути П. В. Император Николай II: дорога га Голгофу: свидетельство о Христе до смерти. М., 2010.
11. Панкратов В. С. С царем в Тобольске. М., 1990.
12. Письма святых царственных мучеников из заточения.
13. Расписание царских детей на 1916–1917 гг. // Александровский дворец http://www.liveinternet.ru/community/lj_arch_heritage/post336458714/
14. Фирсов С. Л. Николай II. Пленник самодержавия. М., 2010.

Ю. Р. Шайхулова

Самарский государственный университет

САМАРСКОЕ ЕПАРХИАЛЬНОЕ ЖЕНСКОЕ УЧИЛИЩЕ И ВОПРОС О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ДЛЯ НЕГО НОВЫХ ЗДАНИЙ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Русская православная церковь представляла собой неотъемлемый элемент в сложной системе церковно-государственных отношений. Проблема образования являлась одним из основополагающих вопросов, решаемых в рамках государственно-конфессиональной политики. Эта проблема затрагивала не только участие церкви в просвещении общества в целом, но и в подготовке специалистов для дальнейшего преподавания.

Подготовка молодых людей к учительской деятельности в России началась в конце XVIII в. [1, с. 48]. Несмотря на то, что система образования народных масс в новое время носила в основном светский характер, достойное место в ней занимали учебные заведения Русской православной церкви, среди которых отметим женские епархиальные училища. Выпускницы данных учебных заведений в дальнейшем имели право заниматься педагогической деятельностью в рамках своей компетенции.

К началу XX в. обучение девочек в училищах, находившихся в ведении епархий, мало уступало казенным учебным заведениям

[2, с. 42]. К 1914 году практически все епархии Русской православной церкви открыли подобные учебные заведения. Самара не явилась исключением.

Первоначально своего здания у Самарского епархиального училища не было, и поэтому приходилось снимать жилые помещения, рассчитанные на весь процесс обучения девочек на условиях, определенных арендодателями [3, л. 28; 4, л. 1, 3]. Квартиры арендовали для самых разных целей — для спален учениц, для их практических занятий, для библиотек и т. д.

Съём квартир, домов приносил, безусловно, определенные неудобства, и поэтому в связи с этим было принято решение «перестроить существующее Епархиальное училище с расчетом поместить в нем» иногородних учащихся [5, л. 1]. Предполагалось, что «к началу 1914–15 учебного года во всех 17 классах будет обучаться до 765 учениц, из которых в интернате училища будут помещены свыше 700 воспитанниц» [5, л. 22].

Съездом духовенства 27 августа 1914 г. была означена сумма на постройку зданий, а также смета по их кубатуре. Она составила 1128843,4 руб. [5, л. 3].

Несмотря на то, что ответа из Синода на разрешение строительства долгое время не поступало, поскольку шел 1914 год, первый год войны, Совет училища тем не менее назначил архитектором А. Волошинова. Он подготовил два эскизных проекта, по которым предполагалось выстроить здания по Саратовской и Дворянской улицам, а также на участке Свечного завода [5, л. 3]. Война и революция помешали реализовать этот проект.

Епархиальные училища в начале XX в. были шестиклассными [6, с. 126]. Девочки имели право поступать в них по достижении 9-летнего возраста. Весь учебный процесс был выстроен по часам [7, л. 29]. Первоначально в училище преподавали Закон Божий, русский язык, историю, географию, учили церковному пению и рукоделию [8, с. 106]. Однако к 1913–1914 учебному году круг преподаваемых предметов значительно расширился, сочетая по-прежнему теологические и общеобразовательные дисциплины.

Обучение во всех епархиальных училищах было платным. Так, например, в Новгородском училище за девочек духовного звания родители платили 100 рублей в год, за представительниц иных сословий — 150 руб. [1, с. 50]. В Самарском училище основная плата также составляла 100 руб., однако размер оплаты за иносословных девочек на 1914 год определили в 300 рублей [9, л. 1].

Важно отметить факт, который является поистине важным для каждого учебного заведения — вопрос стипендий. Здесь важно заметить, что если в семье священнослужителя было несколько учащихся церковных учебных заведений, то только один был вправе получать стипендию

[8, с. 108]. Средний размер стипендии в Самарском епархиальном женском училище составлял 100 руб., то есть покрывал плату за обучение.

В годы войны росла дороговизна, падал покупательский спрос. Однако училище оставалось оптовым покупателем и потребителем услуг, поддерживая самарских производителей и торговцев. Это видно на примере заказа начальницей училища Н. Кильдюшевской платьев для воспитанниц [3, л. 25].

До 1917 г. епархиальное училище Самары в целом работало без изменений. Однако «экстренный съезд духовенства и мирян ... выразил желание, чтобы с начала 1917–1918 учебного года в училище было введено преподавание по программе женских гимназий Министерства народного просвещения» [3, л. 15].

Одним из его последствий октябрьских событий 1917 года явилось возникновение образовательной системы, основанной на новых принципах. Результатом советских образовательных реформ стало упразднение различных типов училищ и появление единой трудовой школы, а также невозможность получения женщинами религиозного образования. В Белгороде, например, епархиальное женское училище было закрыто в 1917 г., когда революционные события «круто изменили ход его истории» [10]. Самарское епархиальное женское училище прекратило свое существование в следующем 1918 г. За время существования оно сумело внести существенный вклад в дело народного образования жителей города и губернии. Даже в тяжелое время Первой мировой войны обучение девочек, духовное воспитание, подготовка педагогических кадров оставались в числе важнейших приоритетов Церкви.

Библиографический список

1. Никитина Н. И. Женское епархиальное училище: от религиозного воспитания до педагогического образования//Вестник Новгородского государственного университета. 2011. № 64.
2. Залесов В. Г. Архитектура учебного комплекса епархиального женского училища в Томске//Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2012. № 1.
3. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 108. Оп. 1. Д. 258.
4. ЦГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 259.
5. ЦГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 257.
6. Попова О. Д. О быте и нравах женских епархиальных училищ//Социальная история. 2013. № 1.
7. ЦГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 274.
8. Анисимова К. Е. Самарское епархиальное училище для девочек в условиях Первой мировой войны//Кирилло-Мефодиевские чтения в СамГТУ. Самара, 2014. Вып. 2.
9. ЦГАСО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 264.

10. Кривцова Е. В., Балышева Е. В. История строительства Белгородского епархиального женского училища. Автор проекта – академик архитектуры А. Н. Бекетов//Белгородский краеведческий вестник. 2012. № 9.

О. В. Марушак

Пензенский государственный университет

РОЛЬ РАБОЧИХ ФАКУЛЬТЕТОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ В ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД (1921–1925 гг.)

В начале 20-х годов XX века в Советской России остро обозначились социально-экономические, политические и культурные проблемы, которые должно было решить новое правительство. Прежде всего, следовало восстановить за короткое время народное хозяйство. Основное участие в этом процессе должен был принять рабочий класс, признанный основной движущей силой общественного развития. При этом важная роль отводилась рабочей молодежи как наиболее активному элементу рабочего класса.

Советом Народных Комиссаров РСФСР 2 августа 1918 года был принят декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения». В нем указывалось, что каждое лицо, независимо от гражданства и пола, достигшее шестнадцати лет, могло вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании школы [5, с. 770]. Декрет должен был способствовать увеличению среди студентов вузов представителей рабочего класса, а также крестьянства. Но значительная часть рабочей и крестьянской молодежи оказалась неподготовленной к обучению в вузах. Данную проблему должны были решить рабочие факультеты, которые стали повсеместно возникать с 1919 года [2, с. 11].

Рабочие факультеты представляли собой автономные учебно-вспомогательные учреждения, которые имели целью подготовку в кратчайшие сроки рабочих и крестьян для дальнейшего обучения в вузах [4, с. 190]. Первоначально рабфаки должны были открываться в составе вузов, а с 1924 года в местностях, в которых отсутствовали высшие учебные заведения, было разрешено создавать отдельно существующие рабочие факультеты [2, с. 36].

На рабфаки принимались лица пролетарского, а также крестьянского происхождения с момента достижения ими шестнадцатилетнего, а с 1924 года – восемнадцатилетнего возраста. Поступающие должны были обладать физическим стажем (не менее трех лет), а также делегированы предприятиями, профсоюзами, партийными и советскими органами [1, л. 72]. Рабфак являлся основным каналом продвижения в высшую

школу рабочих и рабочей молодежи [3, л. 19]. Отмечалась необходимость обращать особое внимание на психологическую сторону каждого студента рабфака, его социальное положение и происхождение, наличие судимости, принадлежность к партиям, род занятий родителей и его отношение к окружающей среде [1, л. 30].

Таким образом, Совет Народных Комиссаров РСФСР путем издания 2 августа 1918 года декрета «О правилах приема в высшие учебные заведения» предоставил рабочей и крестьянской молодежи возможность обучения в вузах. Это способствовало формированию новых кадров интеллигенции, которые могли принять непосредственное участие в процессе восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. Рабочие факультеты были призваны подготовить представителей рабочей, а также крестьянской молодежи для обучения в вузах. В итоге, создание рабочих факультетов должно было способствовать разрешению экономических проблем, возникших в Советской России к 20-м годам XX века.

Библиографический список

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 4.
2. Катунцева Н. М. Роль рабочих факультетов в формировании кадров народной интеллигенции в СССР. М., 1966.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 172. Д. 35.
4. Систематический сборник важнейших декретов. 1917–1920. М., 1920.
5. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942.

А. Ю. Помолenkova

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

СТАНОВЛЕНИЕ СТАЛИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОДА В 1920–1940-е гг.

Создание творческих профессиональных союзов является одной из характерных черт советской эпохи. Они, с одной стороны, ставили под партийно-государственный контроль деятелей культуры, а с другой, по оценке многих, давал новые огромные возможности для общения с коллегами, решения материальных вопросов.

Царицын нельзя было назвать значительным культурным центром Нижнего Поволжья. Все изменило установление Советской власти. Уже в конце 1917 года Царицынский комитет РСДРП (б) создаёт культур-

но-просветительскую комиссию [1, с. 40], где в рамках агитационной подкомиссии начинают свою официальную деятельность первые пролетарские писатели Царицына, которые публикуют свои произведения в региональных печатных изданиях.

Гражданская война нанесла огромный ущерб культурно-просветительным учреждениям, действовавшим в Царицыне. Но в 1918 г. Царицын становится губернским центром и ему уделяют особое значение в ходе социалистической реконструкции народного хозяйства, а также разворачивающейся культурной революции. Эти изменения привлекли в город новые силы и ускорили консолидацию творческих союзов писателей.

В 1920 году создаётся Царицынский губсоиздат, а позднее «Центропечать», снабжающая литературой все уезды Царицынской губернии и являющаяся центром консолидации литературных сил. 7 июня 1921 года на собрании литераторов было решено создать Царицынский союз писателей, для чего 14 сентября было создано новое собрание местных писателей и поэтов [5, с. 11], на котором уже официально было объявлено об организации Царицынской ассоциации пролетарских писателей (сокращенно «ЦААП») [7, с. 82–83].

В мае 1924 года были подведены первые успехи издательской деятельности ЦААП. Первым изданием ассоциации явился большой литературно-художественный альманах («На помощь голодающим») [6, с. 106–107], который был проникнут темой борьбы за новый мир, борьбы с голодом. В 1922 году начали издаваться ежемесячный журнал «Зовы» и литературный понедельник «Факел», но выход ограничился несколькими выпусками в виду отсутствия средств [6, с. 106–107]. В «Зовах» и «Факеле» уже звучат оды новой культуре пролетария, а авторы едины в своем неприятии «старого» и утверждении «нового». Весной 1923 года был издан литературно-художественный альманах «Ярь». Для борьбы с «нэпманской» литературой было организовано издательство «Красный маяк», а с сентября 1923 года ЦААП начало издавать двухнедельный литературно-художественный журнал «Пламя», который ставил перед собой задачи «культивировать жизнь и быт трудящихся, указать пути, как стать культурным пролетарием» [6, с. 106–107]. Содержание журнала было разнообразным, от освещения политико-экономической ситуации в стране и в мире до советов по воспитанию и уходу за детьми [4, с. 90].

После образования Нижне-Волжского края (с центром в Сталинграде) САПП вошла в созданную Нижне-Волжскую ассоциацию пролетарских писателей. А в 1934 года после съезда Союза писателей СССР в Сталинграде создаётся Сталинградское отделение Союза писателей СССР. Литературная жизнь 1930-х годов проходит под лозунгом «Рабочих-ударников – в литературу». На передовых предприятиях города создаются литературные кружки, которыми руководят писатели [5, с. 39], появляются первые публикации впоследствии получивших всероссий-

скую популярность прозаиков Н. В. Сухова, М. А. Лобачева и молодых поэтов Н. Отрада и М. Луконина.

Репрессии 1930-х годов отразились и на Сталинградском отделении. «Весной 1937 года по клеветническому доносу было сфабриковано дело о «контрреволюционной организации среди писателей и литературных работников Сталинграда» [5, с. 57], а отделение фактически прекратило своё существование.

В годы Великой Отечественной войны литературная жизнь Сталинграда не была остановлена, издание газет было перенесено в Заволжье. Война становится основной темой произведений, особенно получает распространение сатирическая литература, в том числе поэзия, для чего «Сталинградская правда» на последней полосе завела специальный отдел «На мушку» [5, с. 58–59].

В послевоенные годы жизнь писательской организации начала налаживаться. В целом, послепобедная сталинградская литература стала воплощением мужества и героизма защитников города и труда по его восстановлению. Решающую роль в консолидации творческих сил сыграл альманах «Литературный Сталинград», который стал регулярно выходить с 1948 года [3, с. 200], а решением Союза советских писателей СССР от 31 октября 1949 года вновь было создано Сталинградское отделение, которое начало свою фактическую работу в начале 1950 года [2, с. 131–133].

Таким образом, можно сказать, что Сталинградский союз писателей и сталинградская литература развивались в русле общих направлений советской культуры 1920–1950-х гг.

Библиографический список

1. Из протокола заседания Царицынского комитета РСДРП (б) о создании культурно-просветительской комиссии от 10 декабря 1917 г. // Культурное строительство в Волгоградской области, 1917–1941 гг.: Сборник документов и материалов Т. 1. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1980. 352 с.
2. Из справки отдела пропаганды и агитации обкома ВКП (б) о работе областного отделения Союза советских писателей от 26 июня 1951 г. // Культурное строительство в Волгоградской области, 1941–1980 гг.: Сборник документов и материалов Т. 2. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1981. 384 с.
3. Леднев В. Оглядываясь назад...: к 75-летию. Писательской организации Царицына-Сталинграда-Волгограда. // Отчий край. 1996. № 2. С. 200–205
4. Смирнов В. Б. Из искры возгорелось «пламя»: к 75-летию писательской орг. Царицына – Волгограда // Вестник ВолГУ. Сер. 2 Философия – 1996. Вып. 1. С. 89–93.
5. Смирнов В. Б. По следам времени. Из истории писательской орга-

низации Царицына – Волгограда. Волгоград: Комитет по печати, 1996. 528 с.

6. Сообщение об издательской деятельности ЦААП. Газета «Борьба» от 6 мая 1924 г. // Культурное строительство в Волгоградской области, 1917–1941 гг.: Сборник документов и материалов Т. 1. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1980. 352 с.
7. Сообщение об организации Царицынской пролетарской ассоциации писателей. Газета «Борьба» от 16 сентября 1921 г. // Культурное строительство в Волгоградской области, 1917–1941 гг.: Сборник документов и материалов Т. 1. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1980. 352 с.

Д. А. Вычеров

Тюменский государственный университет

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ТЮМЕНСКИХ ШКОЛЬНИКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война изменила жизнь всех жителей СССР, но особым образом она оказала влияние на детские судьбы.

В город Тюмень, оказавшийся в глубоком тылу, были эвакуированы 11 госпиталей, разместившиеся в 26 городских зданиях [1, с. 77]. Проблемы с помещениями коснулись и школ, здания семи из них были переданы под госпитали [1, с. 76].

В Тюмени на 1 января 1942 г. работало 16 школ (9 начальных, 3 неполных средних, 4 средних). Число учащихся составляло 10319 человек [2, л. 44]. Классы были переполнены. В связи с тем, что школьники должны были оказывать помощь колхозам, учебный год начинался 1 октября и заканчивался 20 мая [3, с. 216]. Значительно были сокращены образовательные программы. Изменению почти не подверглись только программы по математике, физике, химии, иностранному языку. Существенно изменился состав учителей. Многие из них ушли на фронт, вместо них в школах стали работать эвакуированные.

Долгое время для послевоенных поколений тюменцев оставалось официальной тайной то, что в годы войны в городе находился саркофаг с телом Ленина и команда кремлёвцев, под руководством Б. И. Збарского. Помимо этого он преподавал математику в десятом классе школы № 25 [4, с. 32].

С 1943 г. в крупных городах стало постепенно вводиться раздельное обучение мальчиков и девочек. В Тюмени это начинает осуществляться с 1944 года [3, с. 218]. Но, как вспоминают бывшие ученики военных лет, дружить и проводить совместные мероприятия дети продолжали.

В начале войны распространёнными болезнями, уносившими жизни детей в Тюмени, были токсическая диспепсия, дифтерия, дизентерия,

менингит [5, л. 6], сыпной тиф [6, л. 203]. К сентябрю 1942 г. смертность населения в Тюмени выросла на 12% [5, л. 6]. Для улучшения ситуации была открыта детская поликлиника, штат врачей в которой был укомплектован за счет эвакуированных в Тюмень педиатров. Для особо ослабленных детей в городе открыли столовую усиленного питания на 100 мест и детский санаторий.

Очень острой была проблема детского питания. Спасением были огороды, на которые была поделена в 1942 г. вся свободная городская территория, в том числе и центральная площадь. Основная нагрузка по обработке огородов легла на плечи школьников, которые, при большой загруженности родителей на работе, выполняли всю основную работу.

Характерной чертой была детская безнадзорность и беспризорность. В октябре 1941 г. на заседании исполнительного комитета городского Совета говорилось о её существенном росте [7, л. 157]. В разряд беспризорников обычно попадали дети, эвакуированные из других мест, потерявшие родителей, оказавшиеся в детских домах и бежавшие из них. Местные дети чаще оказывались объектами коллективного воспитания сослуживцев родителей, соседей. Вспоминала жительница Тюмени Л. П. Прокофьева: «Когда мама с учениками уехала на уборочную, у меня дома дежурили учителя. Они приходили на ночь или брали меня к себе» [4, с. 33].

Немаловажной частью повседневной жизни школьников была трудовая деятельность. После школьных занятий учащиеся старших классов становились к станкам на предприятиях. Значимым событием в городе Тюмени стало обращение 1-й фронтowej пионерской бригады школы № 13 ко всем пионерам и школьникам города Тюмени и Тюменского района 28 октября 1942 года. В нём содержался призыв организовывать помощь на производстве. В декабре 1942 г. на Тюменском фанерокомбинате работали уже 106 школьников. Они сколачивали ящики и сами их на санках и лыжах доставляли на станцию. Заработанные деньги учащиеся перечисляли на постройку самолета «Юный патриот Тюмени» и танк «Малютка» [8, с. 47]. Тюменские школьники были постоянными посетителями госпиталей. Они устраивали концерты для раненых, писали за них письма домой, помогали медперсоналу.

Времени на отдых у старших школьников почти не оставалось. Зимние каникулы у них были отменены, но в свободные немногие часы они старались побывать в кино или на концерте, сходить в театр или сбежать на танцы.

В военное время в Тюмени ежегодно организовывались новогодние праздники, а их обязательным атрибутом являлись новогодние ёлки с их традиционным новогодним маскарадом. Летние каникулы школьников имели свои особенности. В Тюмени до 1944 г. не было Дома пионеров, детского стадиона и других внешкольных учреждений. Основными

центрами работы с детьми оставались школы. С 1943 г. весомую роль в отдыхе детей в летнее время стали играть пионерские лагеря и детские площадки, где учащиеся сочетали отдых с общественно-полезным трудом и военной подготовкой.

Таким образом, в годы войны дети оказались в новом состоянии: с одной стороны, делались попытки сохранения детских довоенных традиций, а с другой, они приобщались к взрослой жизни, что отразилось в их последующей жизни и деятельности.

Библиографический список

1. Ланчук О. В. Вклад тюменских медиков в Победу в Великой Отечественной войне//Военная история Тюменской области: вклад тюменцев в победу в Великой Отечественной войне. Тюмень, 2005. С. 71–89.
2. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив Тюменской области (ГБУТО ГАТО). Ф. 759. Оп. 1. Д. 189.
3. Бей О. Н. Тюменские школы в годы Великой Отечественной войны//Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея 2000. Тюмень, 2001. С. 211–228.
4. Прокофьева Л. П. Дом моего детства: серия академика М. П. Рошевского «Вспоминая XX век». Вып. 8. Сыктывкар, 2001. 52 с.
5. ГБУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 71.
6. ГБУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 455.
7. ГБУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 428.
8. Лимонова Э. М. Все для фронта: вклад образовательных учреждений области в победу в Великой Отечественной войне//Военная история Тюменской области: вклад тюменцев в победу в Великой Отечественной войне. Тюмень, 2005. С. 45–50.

А. Т. Сабитова¹

Институт истории Академии наук Республики Татарстан

РАЗВИТИЕ КИНОДОКУМЕНТАЛИСТИКИ В ТАССР В ЭПОХУ ЗАСТОЯ

Нельзя не согласиться с тем, что для современного зрителя кинодокументалистика не представляет большого интереса. Но не стоит забывать о том, что это было главным направлением в кинематографии со-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства РТ, в рамках проекта проведения научных исследований («Культурное развитие Татарской АССР: процессы социо-, морфо-, формо- и этногенеза»), проект № 14–11–16016.

ветского периода. Рассмотрим развитие документального кино в ТАССР в период правления Л. И. Брежнева.

Если говорить о направлении творческой деятельности Казанской студии кинохроники в эпоху застоя, то в большей степени они снимали фильмы о людях нашей индустрии, соревнующихся за досрочное выполнение заданий пятилетнего плана; киноочерки о ведущем месте в нашем обществе рабочего человека; показывали тружеников села, занятых дальнейшей интенсификацией сельскохозяйственного производства; картины, утверждающие советский образ жизни, нравственные идеалы, воспитывающие подлинно творческое отношение к труду, социальную активность, передовую советскую культуру, коммунистическое отношение к труду и быту. То есть тематическая перестройка выражалась, прежде всего, в отказе от событийного видения жизненного процесса, все чаще на экране возникали факты повседневной, внешне обыденной жизни и труда людей [1, с. 272].

Восьмая пятилетка несла с собой много исторических дат, это и 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, и 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции, и юбилей основания ТАССР. Студией были сняты следующие юбилейные цветные фильмы: «Татария, год 1970», «В Мордовии весна», «Чувашская легенда», «Добрый день».

В это время директором КСК являлся А. Н. Краев. Анатолий Николаевич был талантливым организатором, дальновидным стратегом и умелым тактиком [2, с. 24]. Он понимал требования социалистического государства и не переходил за рамки не разрешенного. Тем не менее, именно при нем в 1966 г. впервые вышел так называемый «проблемный фильм» – «Чья вина?» или «К ответу!» (режиссер Д. Дальский, об ответственности родителей за антиобщественные проступки несовершеннолетних [3, л. 100]). При нем же в 1970-м г. появился новый корпункт – Набережно-Челнинский, который сообщал новости о строящемся автогиганте. Первым документальный широкоэкранный фильм о КАМАЗе был «Батыр строится» (1971 г.). В следующем году на экраны вышла кинолента «Высокая нота» (оператор В. Кузьмин), затем в 1973 г. – «Люди. Город. Автомобиль», «Дорога тепла».

Итак, наиболее важной темой, которая прослеживается в течение всей девятой пятилетки, является тема промышленности, а именно строительство КАМАЗа. Причем это строительство показано через судьбы людей. Кроме того на данном этапе развития киностудии начинают снимать кинопортреты посвященные деятелям культуры (1969 г.: «Назиб Жиганов», «Федот Сычков» – народный художник; 1971 г.: «Сайдашев», 1972 г.: «Напевы родной стороны» – рассказ о мастерах искусства Татарии). Наиболее запоминающимися фильмами являются фильмы «Тукай» (1969 г.) и «Муса Джалиль»/«Джалиль. Страницы борьбы» (1975 г.). Первый из них запомнился своей поэтичностью и красотой кадров, а второй смелостью выбранной темы.

Десятую пятилетку Казанская студия кинохроники начинает уже под руководством нового директора И. Н. Алексева и главного редактора студии Р. И. Копосова. На смену первому «тяжеловесному сталинскому поколению» пришло новое «дерзкое, наглое и безумно талантливое [4]». Именно в это время выходят самые лучшие фильмы студии. Среди них все тот же «Джалиль. Страницы борьбы» (1975 г.), «Это – КамАЗ» (1982 г.), «Нефтяники Татарии» (1981 г.). Именно при новом руководстве создание проблемных фильмов стало главным направлением в творческой работе студии [5, с. 4]. Режиссеры, сценаристы и операторы ощутили себя не бесстрастными фиксаторами событий, а публицистами. Они увидели возможность фильмами и журналами внести свой вклад в формирование активной позиции советского человека. Среди таких фильмов можно назвать «Нечерноземье, Мордовия: в начале пути» (1978 г.), где ставится очень острая и актуальная проблема: закрепление кадров на селе, и не просто кадров, а дельных, знающих специалистов [6, с. 4]. Этот фильм завоевал второй приз на конкурсе фильмов о Нечерноземье в Костроме и диплом Всесоюзного кинофестиваля за глубокое раскрытие проблем Нечерноземья. Он входит в цикл картин, созданных сценаристом Д. Холловым и режиссером Б. Максимовым о проблемах сельского хозяйства.

По словам директора студии И. Н. Алексева: «Перейти к проблемному жанру было тяжело. Необходимо было убедить режиссеров, что настало время подобных лент. Слишком велик был груз традиций ... [7, с. 3]». XXVI съезд подтвердил, что «партия приветствует свойственные лучшим произведениям гражданский пафос, непримиримость к недостаткам, активное вмешательство искусства в решение проблем, которыми живет наше общество» [7, с. 3].

По объему работы студия к началу 80-х гг. занимала четвертое место в РФ: 4 документальных фильма в год, 15–20 названий технико-пропагандистских, рекламных, учебных лент, 36 выпусков межзонального журнала «На Волге широкой». Набранного темпа студия не снижала вплоть до начала 90-х гг.

Библиографический список

1. Прожико Г. С. Концепция реальности в экранном документе. М., 2004.
2. Алексева Е. П. Живые картины. История зарождения кинематографа в Казани//Казань. № 9. Казань, 2004.
3. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф.Р-5455. Оп. 1. Д. 80.
4. Электронный ресурс – URL: <http://culture.ru/cinema/view/748>
5. Казанская студия кинохроники: главное направлено//Комсомолец Татарии. 27 июля. Казань, 1979.
6. Казанская студия кинохроники: главное направлено//Комсомолец Татарии. 27 июля. Казань, 1979.

7. Проблема крупным планом//Советская Татария. 15 марта. Казань, 1981.

Г. Н. Тухфатуллина
Казанский федеральный университет

ТАТАРСКАЯ ДИАСПОРА В КИТАЕ: ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

История российской эмиграции является одним из наиболее перспективных и актуальных направлений исследовательской практики, так как в ней имеется множество “белых пятен” и не введенных в оборот документов. В этой связи представляется необходимым и изучать историю национальных диаспор, сформировавшихся из числа российских мигрантов. Так, по данным Л. Усмановой, многие исследователи, касавшиеся истории российской эмиграции в странах Дальнего Востока, в своих книгах практически не упоминают о существовании там татарской (тюрко-татарской) диаспоры, при этом они выделяют польскую, еврейскую и другие национальные диаспоры. В последнее время во многом благодаря усилиям М. А. Усманова, А. Г. Каримуллина, М. Чанышева, Т. Айди появилось несколько публикаций о жизни татар на Дальнем Востоке и Центральной Азии как в дореволюционный, так и советский периоды.

В данном исследовании мы решили выделить лишь один из регионов Китая, где проживали и проживают татары по сей день, сохраняя историческую память и национальную идентичность – это Восточный Туркестан (Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР).

Впервые понятие “Туркестан” появляется в период раннего средневековья в арабоязычных географических трудах и переводится как “владение тюрков”, подразумевающая земли к северу от реки Сир и сопредельные с ними восточные земли Средней Азии. Со временем понятие «Туркестан» теряет актуальность, а к XVIII в. почти исчезает. Однако в начале XIX столетия слово «Туркестан» начинает использоваться вновь, особенно в российской географической и востоковедческой литературе. В середине – второй половине XIX в. Россия присоединяет одно за другим три государства Средней Азии – Хивинское, Бухарское и Кокандское, а в районе Хэчжун учреждается «туркестанское наместничество». В этой связи в западноевропейской литературе Среднюю Азию называют «Западным Туркестаном» или «русским Туркестаном», а соседние владения Цинского Китая – «Восточным Туркестаном».

Вместе с тем экспансия России в Средней Азии предопределила активизацию торговых контактов между Россией и Китаем, главную роль

в которых играли купцы. В силу определенных причин, еще во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. заметную роль в российской торговле с Востоком стали играть татарские купцы, чьи интересы распространялись вплоть до Афганистана на юге и Китая на юго-востоке.

По свидетельствам китайских источников, к середине XIX века относится появление татарских купцов в Синьцзяне, а к концу XIX века во всех крупных городах Синьцзяна образовались купеческие кварталы татар. Принимая во внимание данную информацию, мы считаем возможным выделить четыре периода татарской эмиграции в Китае.

Первый период (1851–1904). 25 июля 1851 года был заключен трактат между Россией и Китаем о торговле в Кульдже и Чугучаке. Этот трактат: 1. Скреплял дружбу двух держав; 2. Давал возможность купцам обеих государств производить между собой меновую торговлю и устанавливать цену на товары [2, с. 58]. По этой причине многие русские и татарские купцы переезжают в граничащие с Китаем районы.

1862 году В. В. Радлову удается побывать в Сибири, Казахстане и в Средней Азии. В своем путешествии Радлов встречается со многими татарскими купцами. Например, будучи в Семипалатинске В. В. Радлов пишет: “Теперь Семипалатинск стал центром торговли Западной Сибири с Киргизской степью и Западным Китаем. Местные татары и ведут в основном эту торговлю. Они переселились сюда из Восточной России. За последнее время татарское население Семипалатинска намного увеличилось” [1, с. 73]. Нужно отметить, что в этот период татары посредничают с Восточным Туркестаном и вскоре там обосновываются.

Второй период (1905–1917). В этот период кроме купцов сюда переселяются некоторые представители татарской интеллигенции, подвергшиеся преследованию на родине за публицистическую и педагогическую (якобы «панисламистскую» и «пантюркистскую» деятельность). С собой они привозят множество татарских газет, журналов и книг, изданных в татарских типографиях Поволжья и Приуралья в начале XX в. Благодаря им в Восточный Туркестан проникают и получают практическое воплощение идеи модернизации мусульманского образования. Начинается борьба между кадимизмом и джадидизмом.

Третий период (1917–1923) По мнению татарского историка М. А. Усманова, уроженца г. Кульджа, этот период можно назвать периодом белой эмиграции. В этот период в России произошли Февральская и Октябрьская революции, затем Гражданская война – все это и стало причиной интенсивной миграции из России тысяч людей разных национальностей. Именно в этот период увеличивается численность русского населения в городах Чугучак и Кульджа.

Четвертый период (1924–1930). Этот период начинается с новой волны эмиграции. Инициированная в СССР коллективизация, раскулачивание, политика воинствующего атеизма вынуждала многих менять место жительства, спасаться от высылки, а некоторых толкала к отъезду из

страны. Нужно отметить и то, что в 1927 году в Китае начинается гражданская война. «После начала гражданской войны в Китае, начались преследования представителей некитайской национальности. Многие татарские предприниматели разорились» [3, с. 1]. Но, несмотря на это, тысячи людей пересекали границу в надежде на лучшую жизнь.

Библиографический список

1. Госманов М. Ябылмаган китап яки чәчелгән орлыклар. Казань: Татар. кит. нәшр., 1996.
2. Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника. Пер. с немецкого К. Д. Цивиной и Б. Е. Чистовой. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. — (этнографическая библиотека)
3. Русско-китайские договорно-правовые акты 1689–1916/под общ. Ред. — В. С. Мясникова. М: Памятники исторической мысли, 2004.
4. Хабутдинов А. Татары в Китае: мусульманский мост между великими державами//Медина аль-ислам. № 107.

Е. И. Чепурнова

Самарский государственный университет

ОЦЕНКИ САМАРСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ В СТИЛЕ МОДЕРН

На рубеже XIX–XX вв. своеобразным вихрем с запада в Россию врывается стиль модерн. За неполные три десятка лет своего существования он успел обогатить своей эстетикой и практицизмом не только столичные города, но и провинциальные. Купеческая Самара является сокровищницей провинциального модерна. Именно этот стиль, наряду с эклектикой, придал историческому центру города сегодняшний облик.

Говоря о модерне, нельзя не вспомнить, что отношение к нему в разное время было очень различным. В историографии стиля модерн можно проследить четкое движение от категорической неприязни модерна в архитектуре, отнесение его к декадентской ветви культуры, к постепенному принятию эстетики модерна и признанию его первым шагом к современной архитектуре (в эту концепцию вписывается и самарская историографическая база).

В 1925 году в г. Самара выходит в свет первый советский городской адресный справочник «Вся Самара на 1925 год» под редакцией П. А. Агрикова. Интерес представляет статья К. П. Головкина «Архитектурная Самара» [3, с. 44–45], где Константин Павлович перечисляет примечательные в архитектурном плане здания Самары и определяет стиль каждого из них (без объяснений и аргументации), он довольно часто использует термин «стиль модерн», но примечательно то, что пере-

строенный в 1909 г. Гранд-отель (ул. Куйбышева, 111) он определяет как постройку «в стиле декаденс». Так как автор не дает пояснений такого определения, остается предположить, что даже на Головкина (который сам проектировал свою дачу в стиле модерн) оказала влияние господствующая архитектурная доктрина конструктивизма.

К сожалению, на данный момент мы не располагаем никаким материалом, касающимся стиля модерн в Куйбышеве, вплоть до 1947 года. Тогда силами Союза советских архитекторов, Городского и областного отделения по делам архитектуры, выпускается очерк «Архитектура города Куйбышева и области». И снова модерн связывают с упадничеством архитектуры, упрекают в малой органичности форм, их чрезмерной стилизации и декоративности. Но в качестве положительных моментов отмечается «хорошее качество работ в этих зданиях, продуманность деталей» [1, с. 7]. И снова долгий перерыв.

Стоит отметить, что в 60–80-е гг. в стране происходит всплеск интереса к стилю Модерн, идет его переоценка, теперь его уже не называют упадническим, отныне это стиль, имеющий свои характерные черты и особенности, открывший начало «новой эпохе». Что касается г. Куйбышева, то исследователи с опозданием откликнулись на эту волну интереса к «новому стилю», лишь к 1990-м гг., исключение составляют статьи журналистов, в которых уже в 1970-х четко прослеживается интерес городского общества к самарскому модерну. В газете «Волжская Заря» искусствовед О. Андреев замечает, что архитекторы, работавшие в стиле модерн, создавали великолепные художественные работы и находились в постоянном поиске нового.

Основная масса работ, так или иначе затрагивавших модерн в самарской архитектуре, приходится на 1990–2000-е гг. В их число входят общие работы по градостроению и архитектуре Самары, в которых авторы сходятся в том, что модерн характерен, в первую очередь, рационализмом, практицизмом и индивидуализмом, он вносит в архитектуру новые формы и материалы [7; 8]. Тема модерна в архитектуре освещается в статьях Н. В. Мельниковой, которая публиковала очерки об архитекторах, работавших в Самаре в начале XIX века [5; 6].

В 2006 году вышла в свет книга «Модерн в архитектуре Самары» [4], на сегодняшний день это единственная работа по данной теме. Несомненной заслугой автора является то, что он систематизировал и обобщил все предшествующие работы, касающиеся этой темы и сформулировал собственный взгляд профессионального архитектора на эти творения прошедшей эпохи. Оценка модерна идет только в положительном ключе. Сегодня интерес к стилю модерн не угасает и проявляется, например, в большом объеме материала представляющего модерн в архитектурных энциклопедиях Самары и области последних лет [2, с. 20–40].

Библиографический список

1. Архитектура города Куйбышева и области. Сост. Э.И. Дрейзин., И.Л. Шафран и др. Куйбышев, 1947.
2. Архитектура Самарской губернии. Сост. И.В. Сапожникова. Самара, 2012.
3. Головкин К. П. Архитектурная Самара//*Вся Самара на 1925 год*. Самара, 1925.
4. Каркарьян В. Г. Модерн в архитектуре Самары. Самара, 2006.
5. Мельникова Н. В. Архитектор Александр Александрович Щербачев (1858–1912) Самарский краевед. Куйбышев, 1990.
6. Мельникова Н. В. Архитектор Александр Устинович Зеленко (1871–1952)//*Самарский краевед. Часть 2*. Самара, 1991.
7. Моргун А. Г. От крепости Самара до города Куйбышева: заметки об архитектуре. Куйбышев, 1986.
8. Синельник А. К. Градостроительная история Самарского края. Самара, 2000.

СЕКЦИЯ V. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ю. Д. Муратова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ЯПОНИИ И КИТАЯ НА ТЕРРИТОРИИ КОРЕИ ВО II-ой ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Корея признала свою вассальную зависимость от Китая еще в 1636 году. Корея была вынуждена ежегодно платить дань Китаю и посылать заложников. С приходом к власти династии Цин, Корея стала фактически слаба как во внутренней, так и во внешней политике. В начале XIX века корейские правители вели политику самоизоляции страны. Жителям Кореи под страхом смертной казни было запрещено общение с иностранцами. По той же причине не развивался флот дальнего плавания [6, с. 248]. В экономическом развитии Кореи не наблюдалось положительных тенденций. Уже в начале XIX века в Корее насчитывалось свыше тысячи местных рынков, однако, местные рынки еще не слились в общенациональный рынок. Иностранная торговля велась только с Китаем и Японией. Торговали в основном зерном, рыбой, солью, женьшенем, бумагой. Существовал ряд купеческих корпораций. Излишний контроль корейских властей привел к застою производительных сил [6, с. 250–251].

Корея постепенно становилась легкой добычей для государств с активной внешней политикой, направленных на поиск новых рынков сбыта и сырьевых баз. В 1871 году в корейские воды прибыла американская эскадра из пяти кораблей, потребовавших открытия корейских портов. Но успехов удалось достичь только Японии в 1876 году, в следствие чего был заключен 1-й договор Кореи с империалистической державой [6, с. 257]. По Канхваскому договору японским подданным в Корее предоставлялось право экстерриториальности, то есть полной свободы действий для торговцев и купцов [3, с. 93–96].

Корея стала узлом острых противоречий между Японией и Китаем. Японию, толкало на войну с Кореей несколько причин: поиск рынков сбыта, новые ресурсы, утверждение своего влияния на азиатском материке и необходимость решить проблему самурайства, потерявших свои традиционные привилегии [1, 106–113].

Корея была вассальной территорией и находилась под контролем Китая. Постепенно ее монопольные права на Корею начала попира

Япония, которая закончив политику самоизоляции в связи с падением сегуната, добивалась от Кореи все больше экономических уступок [7, с. 16]. Китай понимал, что Корея — это лишь одно звено в общей цепи последующих завоеваний Японии. Уступить Корею и позволить поставить в ее под управление своего соседа, практически означало приблизить войну с Японией уже на собственной территории, где целью будет уже не сохранение своих прав на управление чужим государством, а сохранение своих собственных границ. Китай еще надеялся, что замыслы военных захватов Японии удастся развеять на чужой земле с поддержкой иностранных государств.

В 1894 году в Корее началось крестьянское восстание тонхаков, которое заставило правительство обратиться за помощью к Китаю. Из депеши посланника Токио министру иностранных дел восстание описывается следующим образом: «Восстание, без сомнения, вызвано, прежде всего, отвратительной администрацией, непомерными поборами и разнузданностью алчных чиновников и их тиранией. Но, помимо этих причин успеха, нынешнее восстание, не лишено некоторой религиозной подкладки, что и придает ему особенное значение. Предводители Тогакуто — люди образованные, а отнюдь не безграмотные бунтари. Движение, замечательно дисциплинировано. Однако же в основании этого движения — в настоящее, по крайней мере, время — поставлен принцип протеста против допущения в страну иностранцев» [5]. Корея, находившаяся под двойным контролем, испытывая на себе внешнее влияние и постоянное вмешательство во внутренние дела, взбунтовалась.

В 1885 году, за 8 лет до этого, было заключено соглашение между Японией и Китаем в Тяньцзине, по которому в случае возникших беспорядков на территории Кореи, и Япония и Китай имели право ввести войска до момента нормализации обстановки. Корея с этого момента перестала официально считаться вассальным государством Китая [6, с. 250–251]. Тяньцзинский договор открывал новый период в развитии японо-корейских отношений. Это была серьезная уступка со стороны маньчжурского правительства во избежание серьезных конфликтов [3, с. 78].

Корейское правительство отправило Китаю официальную просьбу оказать помощь в наведении порядка. Решение Китая было продиктовано двумя мотивами. Первое, Г. Ефимов выделяет необходимость укрепления влияния Китая в Корее, ибо отказ от посылки войск может быть рассчитан, как слабость и неготовность защищать свои интересы. Вторая причина необходимости подавления восстания — не допустить, чтобы оно получило широкий размах и стало примером для китайского народа [2, с. 184–186]. Это можно назвать страхом цинского правительства перед вспышкой революционного движения в собственной стране [4]. После введения китайских войск Япония отреагировала без промедлений и отправила для подавления восстания экспедиционный корпус, который по численности превосходил китайский в несколько

раз. Согласно договору 1885 года это было справедливо. Но именно этот момент станет начальным в общей цепи событий, которые приведут к кровопролитной японо-китайской войне в 1894–1895 гг.

Библиографический список

1. Ким Чжон Хон. Японо-китайская война 1894–1895 гг. и судьба Кореи//Вопросы истории. 2005. № 5. С. 106–113.
2. Ефимов Г. В. Внешняя политика Китая 1894–1899 гг. М.: Гос. издат. политической литературы, 1958.
3. Тягай Г. К. Крестьянское восстание в Корее 1890–1895 гг. М., 1956.
4. Телеграмма Ли Хун-Чжана в Цзунлиямынь от 8.V. 1894 года//http://www.drevlit.ru/docs/kitay/XIX/1880–1900/Iz_ist_jap_kit_vojny/text.php
5. Деша посланника в Токио министру ин. дел. 8 июня (27 мая) 1894 г., № 31//http://www.drevlit.ru/docs/kitay/XIX/1880–1900/Iz_ist_jap_kit_vojny/text.php
6. Бадак А. Н. Всемирная история национально-освободительной войны XIX в., в 24 т. Т. 17. Минск: Литература, 2001.
7. Yukichi Inouye. *A concise history of the war between japan and China*, Osaka, Z. Mayekawa, 1895.

М. М. Валиахметова

Самарский государственный университет

ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В РОССИЙСКО-ЭСТОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Современные российско-эстонские отношения необходимо рассматривать не только с учетом национальных интересов России и Эстонии. Вступление Эстонии в 2004 в НАТО и ЕС вывели отношения между Россией и Эстонией на качественно новый уровень. Возникает вопрос: «Как вступление в ЕС и НАТО повлияло (или влияет) на внешнеполитический курс Эстонии в отношении России?»

Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо определить: 1) особенности присоединения Эстонии к ЕС и НАТО; 2) особенности внешнеполитического курса современной Эстонии; 3) проследить трансформацию внешнеполитического курса Эстонии после 2004 г.

Учет особенностей вступления Эстонии в ЕС и НАТО свидетельствует о частичном соответствии Копенгагенским критериям и критериям вступления в НАТО: в качестве основных проблемных моментов необходимо указать на: 1) наличие категории «неграждан», что не соответствует принципу «уважение и защита прав меньшинств», обязательному как для ЕС, так и

для НАТО; 2) наличие неурегулированных территориальных споров (отсутствие договора о границе с Россией) [1; 2]. Присоединение к ЕС в обход данных проблем приводит к выводу о наличии дополнительных мотивов у Брюсселя: экономических и политических. В первую очередь необходимо брать во внимание политический эффект от присоединения к европейской «семье» новых стран, что можно расценивать как своеобразную победу модели либеральной демократии и как расширение зоны влияния ЕС за счет стран, традиционно входивших в орбиту Российской империи и затем СССР. Кроме того, присоединение Эстонии наряду с Польшей, Литвой и Латвией, придало определенную антироссийскую направленность союзу, в том плане, что политические элиты указанных стран стремились лоббировать антироссийские акции в силу своих исторических обид [3, с. 42]. Экономические мотивы также необходимо учитывать, так как более развитые «старые» европейские страны получили новый рынок сбыта товаров, а также новые трудовые ресурсы (приток трудовых мигрантов).

Курс на стремительное присоединение к ЕС и НАТО был обусловлен идеологическими и экономическими причинами, необходимостью обеспечения национальной безопасности за счет военных структур НАТО. Однако отдельно следует отметить стремление Эстонии приобрести своеобразный политический инструмент для обеспечения своих интересов. Членство в ЕС рассматривалось как первостепенная задача внешней политики в силу так называемого «фактора России», включающего необходимость борьбы против неоимпериалистических устремлений России; «ялтинского комплекса», или стремления устранить ошибочное мнение Запада о том, что Центральная и Восточная Европа — это сфера влияния России; наконец, в силу «мюнхенской травмы», которая может быть выражена следующей формулой: «ни одного решения о нас без нас» [4, с. 198].

Принадлежность Эстонии к ЕС и НАТО оказывает влияние на современные российско-эстонские отношения. ЕС превратился в своеобразный внешнеполитический инструмент Эстонии, однако применение его четко ограничено. Попытки Эстонии использовать институты ЕС для проведения самостоятельного антироссийского внешнеполитического курса не увенчались успехом и привели к переосмыслению внешнеполитической линии, а именно следованию в фарватере ЕС в плане внешней политики, поддержке всех инициатив — иными словами превращение в «прилежного ученика» [5, с.81] Подобная стратегия — с учетом геополитического положения Эстонии представляется единственно верной [6, с. 75–82]. Оказание гуманитарной помощи странам «Восточного партнерства» (равно как и поддержка данной программы в целом) — может служить ярким доказательством следования указанному курсу. Аналогичная политика характерна и для членства в НАТО (участие в военных операциях НАТО, предоставление площадок для проведения встреч НАТО, громкие заявления о необходимости усиления сотрудничества в рамках НАТО, постоянное увеличение военных расходов и т.д.). Антироссий-

ский потенциал ЕС и НАТО начинает «работать» в период обострения российско-европейских или российско-американских отношений и может активно использоваться США и ЕС для различных политических акций (например, на фоне опасений Эстонии по поводу возможной агрессии России против Нарвы (по аналогии с Крымом), а также Польши, Литвы, Латвии в НАТО активно велись переговоры по поводу создания дополнительных вооруженных сил быстрого реагирования — «наконечника копья»). Схема мне представляется следующим образом: опасения Эстонии (и других стран Центральной Европы), нарастание антироссийских настроений → легитимация определенных действий НАТО (в данном случае создание «наконечника копья» — возможны и другие варианты).

Таким образом, после присоединения к ЕС и НАТО внешнеполитический курс Эстонии: 1) сохранил антироссийскую направленность, но принял точечный характер (то есть его проявления зависят от Брюсселя и Вашингтона); 2) установил новые приоритеты — от курса на вступление в ЕС и НАТО Эстония перешла к курсу на подтверждение своего места в евроатлантических структурах путем поддержки инициатив ЕС и НАТО.

Библиографический список

1. Copenhagen European Council, 21–22 June 1993//Режим доступа: http://www.europarl.europa.eu/enlargement/ec/cop_en.htm 19.11.2014
2. Договор о Европейском Союзе//Режим доступа: <http://base.garant.ru/2566557/1/19.11.2014>.
3. Палецкис А. опыт членства балтийских государств в НАТО//Международная научно-практическая конференция НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. С. 41–47.
4. Сербина А.С. Общая внешняя политика и политика безопасности ЕС — испытание востоком//Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 196–199.
5. Gunta Pastore Small new member states in the EU foreign policy: toward ‘small state smart strategy’?//Baltic journal of political science. December. 2013. P.67–82.
6. Rosa Balfour, Kristi Raik The European External Action Service and National Diplomacies//EPC issue paper no.73, March, 2013. P.75–83.

Ю.А. Зайцева

Самарский государственный университет

МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ В РАМКАХ ИНТЕГРАЦИОННОГО БЛОКА НАФТА

Североамериканская модель интеграции вызывает большой интерес среди исследователей, так как представляет собой один из немногих

успешных примеров высоко-интеграционного образования на данном этапе развития международных отношений. Заключение двустороннего канадо-американского соглашения о свободной торговле (ФТА) в 1987 году можно считать первым шагом на пути к созданию НАФТА. Только затем заключается договор с участием Мексики в 1992 году и ФТА переименовывается в НАФТА. Феномен данной интеграции состоит в объединении двух развитых стран с относительно отсталой страной. С самого начала создания зоны свободной торговли, интеграция между всеми членами соглашения развивалась не равномерно: одна скорость развития у отношений Канада – США, другая – у отношений США – Мексика, и третья – в паре Канада – Мексика, где интернационализация связей вообще не достигла интеграционного уровня. [1]

После создания НАФТА потоки мигрантов из Канады в США увеличились на несколько тысяч человек, однако через десять лет после подписания договора о создании зоны свободной торговли они стали постепенно сокращаться. Такое сокращение может быть связано с рядом причин [2]. Во-первых, это экономический подъем Канады, как в экономических, так и в политических делах. Во-вторых, причиной может быть новая программа посещения, разработанная Министерством национальной безопасности США, которая ограничивает беспрепятственный въезд канадцам, собирающимся совершить поездку не в рамках программы НАФТА. Но, несмотря на снижение уровня миграции, Соединенные Штаты остаются лидирующим местом пребывания для канадских мигрантов [3].

Что касается миграционных потоков из Мексики в США, то после создания НАФТА они стали увеличиваться со значительным ускорением. Соответственно, в миграционной политике США было введено множество изменений для осуществления контроля над миграционными потоками, особенно нелегальными, которые наносят огромный ущерб экономике страны. [4] Однако принятых мер оказалось не достаточно, в связи с большим ростом рождаемости среди мексиканских мигрантов и большим ростом миграционных потоков. Следовательно, миграционная политика США, в первую очередь, относительно мексиканцев, нуждается в неотложных и кардинальных изменениях, в ином случае количество мигрантов может увеличиться до степени демографического взрыва, за которым последуют иного рода проблемы: социального, экономического и политического характера [5].

Мексиканские потоки в Канаду стали заметно увеличиваться после создания НАФТА, поскольку создание зоны свободной торговли способствовало притоку мексиканцев, по той причине, что положения договора облегчают доступ въезда, особенно, рабочим и бизнесменам [6]. Соответственно, в миграционной политике Канады были введены изменения для осуществления контроля над миграционными потоками, среди которых особую озабоченность представляют потоки беженцев. Канада начала ве-

сти достаточно жёсткую миграционную политику относительно Мексики и это вполне объяснимо. Ведь те беженцы, которые приезжают из Мексики, в своём большинстве, не имеют высшего образования и поэтому их перспективы устроиться на работу минимальны. В интересах же Канады привлекать квалифицированных специалистов со знанием языка или студентов, которые без проблем смогут ассимилироваться, а поскольку содержание беженцев приходится на налогоплательщиков, рост безработицы среди населения порождает многие социальные проблемы, продолжать принимать большие потоки беженцев не имеет смысла [7].

Таким образом, миграция между всеми участниками НАФТА имеет свои индивидуальные характеристики в каждой из рассматриваемых стран. Так, например канадские миграционные потоки в США не являются массовыми, и их резкий рост приходился лишь на 1990-е годы, после подписания договора ФТА. В то время как миграция из Мексики в США представляет собой значительную проблему из-за роста нелегальных мигрантов на территории США, большинство из которых являются низко-квалифицированной рабочей силой. Что касается мексиканской миграции в Канаду, то она отличается от миграции в США во многих отношениях. Мексиканские иммигранты составляют небольшую долю иммигрантов среди общего потока. Кроме того, канадские мигранты – выходцы из среднего и выше среднего класса, большинство из которых имеет статус легальных иммигрантов, в которых и нуждается Канада. Однако, несмотря на некоторые различия у США и Канады существует общая проблема, связанная с мексиканской миграцией, где в США она связана с нелегальной миграцией, а в Канаде с беженцами.

Библиографический список

1. Комкова Е. Г. США – Канада. Экономика, политика, культура. № 10. Октябрь 2011.
2. Cross Border Movement of Business Persons. Foreign Affairs, Trade and Development Canada//URL: <http://www.international.gc.ca/trade-agreements-accords-commerciaux/agr-acc/nafta-alena/temp05-1.aspx?lang=en>
3. Citizenship and Immigration Statistics Canada. Minister of public works and Government Services Canada. Ottawa, 1998. p.21
4. Statistical portrait of Hispanics in the united states; Pew Research Center// URL: <http://www.pewhispanic.org/2013/02/15/statistical-portrait-of-hispanics-in-the-united-states-2011/>Режим доступа: 28.03.2014
5. Карелина Н. А. Нелегальная миграция в США: до и после НАФТА. Нелегальная иммиграция. Москва: МАКС Пресс, 2002. С. 94–105
6. Richard E. Mueller. Mexican Immigrants and Temporary Residents in Canada: Current Knowledge and Future Research. University of Lethbridge. Canada, 2005.

7. Samuel, T. John, Rodolfo Gutiérrez, and Gabriela Vázquez, “International
8. Migration between Canada and Mexico: Retrospect and Prospects”,
9. Canadian Studies in Population, vol. 22, no. 1, 1995, p. 50–65.

А. А. Карякин

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОСОВСКОМ КРИЗИСЕ 1991–1998 ГОДАХ

Современная ситуация на международной арене заставляет нас возвращаться к событиям конца XX века на Балканах, где закладывались основы современного миропорядка и современной внешней политики России. В 1990-е годы политика России на балканском внешнеполитическом направлении эволюционировала от невмешательства в процесс распада Югославии и следованию курса странам Запада до выработки собственной позиции по данному направлению.

В данной статье рассматривается эволюция внешнеполитического курса России на Балканах, а именно в Косовском кризисе.

Политический и национальный кризис в Югославии в начале 1990-х годов совпал с национально-политическим кризисом в СССР и его распадом. В последующие годы против Югославии были введены экономические санкции, и оказывалось давление международными организациями, например Советом Безопасности ООН, НАТО. Югославия искала поддержку среди европейских государств [1, с. 66]. Руководство Югославии обращалось и к России как к возможному посреднику в переговорах с Западом. Но Москва достаточно прохладно относилось к этой идее вплоть до 1996 года. Такая позиция России объясняется тем, что она хотела получить экономическую и политическую поддержку Запада для проведения либеральных реформ в стране, занять место СССР в международных организациях, например в Совете Безопасности ООН, а также стремление российского внешнеполитического руководства сблизиться с США [1, с. 67].

С начала 1990-х годов внешняя политика России на балканском направлении прошла несколько периодов. Первый период – внешнеполитической неопределенности 1991 года, протекавший непосредственно после распада СССР. Вплоть до февраля 1992 года Москва руководствовалась принципом невмешательства во внутренние дела Югославии и необходимости сохранения единства Социалистической Федеративной Республики Югославии [2, с. 137].

Такой подход был характерен ко всем национально-политическим процессам, происходившим на территории Югославии, и к отделению Словении и Хорватии, и к попыткам отделения Боснии и Косова.

После заключения в декабре 1991 года Беловежских соглашений, зафиксировавших начало распада СССР, в условиях отсутствия общедо-федерального механизма разработки и принятия внешнеполитических решений сфера внешней политики была фактически полностью монополизирована руководством МИД [3, с. 511].

Второй период, характеризуется тем, что с февраля 1992 года Москва резко изменила оценку событий в Югославии, признав факт распада федерации. Примером может служить тот факт, что Россия в феврале 1992 года одной из первых признала независимость Хорватии [2, с. 138]. На этом этапе балканская политика России, самоустранившейся от участия в урегулировании югославского кризиса, носила крайне противоречивый и непоследовательный характер [4, с. 135].

Третий период внешней политики России на балканском направлении с 1993 по 1995 года, связан с попыткой включиться в процесс урегулирования кризиса на территории Югославии в качестве равноправного партнера западных государств. Основной характеристикой этого периода стала полная зависимость внешней политики России от ведущих западных стран, и прежде всего США [5, с. 362]. К концу 1995 года Россия перестала быть фактором, влияющим на ход событий в этом регионе.

Четвертый период, который начинается с 1996 года, характеризуется рядом изменений произошедших во внешнеполитическом курсе России на балканском направлении, связанные с разочарованием в идее быстрой интеграции страны в «западный мир» [1, с. 68]. Сказались неутешительные первые итоги югославского кризиса, которые показали, что мировым сообществом признавалось в международных отношениях «право и закон силы» [3, с. 551].

Произошли изменения в руководстве МИД России. В начале 1996 года был отправлен в отставку А. В. Козырев и на пост министра иностранных дел был назначен бывший глава Службы внешней разведки России Е. М. Примаков [2, с. 139].

Москва в этот период начинает оценивать операцию НАТО против Югославии как агрессию, подрывающую всю систему действующего международного права, и стремится расширить свое военное присутствие в регионе [3, с. 552].

Е. М. Примаков связывал активную роль России на Балканах со способностью мирового сообщества преодолеть новые угрозы международной безопасности и «не допустить превращения Косово в одну из наиболее опасных горячих точек на земном шаре» [2, с. 139].

В апреле 1998 года Е. М. Примаков выразил позицию России уже более определенно, выступив против попыток отделения Косово от Сербии и размещения в крае иностранных войск. Он выступал против применения военной силы НАТО, как и против любого военного вмешательства в косовский конфликт [4, с. 136].

В сентябре 1998 года Е. М. Примаков был назначен председателем правительства Российской Федерации, а на место министра иностранных дел был назначен И. С. Иванов, который продолжил политику отстаивания национальных интересов России [3, с. 558].

И. С. Иванов высказывался против применения силы для решения косовской проблемы. Россия неожиданно для Запада в условиях тяжелейшего экономического кризиса нарушила естественный ритм систематического и беспрепятственного выполнения НАТО своих планов [1, с. 72]. В декабре 1998 года Россия и Югославия подписали протоколы о военно-техническом и научно-техническом сотрудничестве в области обороны [1, с. 73].

В целом с начала 1990-х годов внешняя политика России прошла сложную эволюцию – от полного бездействия к активному отстаиванию национальных интересов на Балканах. Россия показала, что мирное обсуждение проблемы, упор на диалог между противостоящими сторонами вместо военного давления могут многое сделать для решения национальных конфликтов. Такое поведение стало неотъемлемой чертой российской дипломатии.

Библиографический список

1. Косово: международные аспекты кризиса/под ред. Д. Тренина и Е. Степановой; Московский Центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999.
2. Николаенко Р. А. Косовский прецедент во взаимоотношениях ведущих держав Запада и России: история и современность//Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. Краснодар. 2014. № 1–2.
3. Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право/Русский Национальный Фонд, 2001.
4. Гришаева Л. Е. Косово: кризис миротворчества ООН (1999–2008 гг.)//Новый исторический вестник. Москва. 2008. № 17.
5. Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века/научное издание/ред. коллегия: Г. Г. Литаврин, Р. П. Гришина (отв. ред.), Т. В. Волокиткина, С. Л. Валева. СПб.: Алетейя, 2002.

К. Г. Колганова

Самарский государственный университет

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И США В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

В 1867 году Российская империя и США подписали конвенцию «Об уступке Аляски», тем самым штаты стали обладателями территории в Арктическом регионе.

В 1990 году СССР и США ввиду необходимости обозначения границы морских пространств заключили «Соглашение «О линии разграничения

морских пространств» («Соглашение о Линии Шеварднадзе-Бейкера»), которое разграничивает экономические зоны и зону континентального морского шельфа в Чукотском и Беринговом море, часть территорий (части исключительных экономических зон и участков континентального шельфа) СССР в Беринговом море отошли США. Данное соглашение до сих пор не ратифицировано российским парламентом.

США, в свою очередь, не ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву, что, с одной стороны, позволяет государству не признавать общепризнанное международное регулирование морских зон и отстаивать свою позицию, свой взгляд на устройство, а с другой стороны, – ограничивает страну в многостороннем обсуждении разграничения территорий на основе международного морского права.

Помимо того, что Аляска располагает третью неразведанных запасов нефти всего региона, Арктика имеет важнейшее стратегическое значение для вооруженных сил США: с региональных позиций пролегают траектории геостратегических целей.

Имея категоричную позицию по большинству территориальных разногласий, США не признают ни один вариант установления границ арктического шельфа, предлагаемые Россией, Канадой, Норвегией или Данией.

Важным пунктом российско-американских отношений в Арктическом регионе является статус и режим использования Северного морского пути. [1]. Военно-стратегическая деятельность – другой аспект российско-американских отношений в Арктике. Этот вопрос важен для поддержания стратегического равновесия и оказывает существенное влияние на взаимодействие стран в регионе. Еще со времен холодной войны данный регион был площадкой напряженного противостояния между центрами силы. Рубежи запуска межконтинентальных баллистических ракет, баллистических ракет подводных лодок, системы противоракетной обороны пролегают над регионом. Арктика является полигоном испытаний оружия, а также демонстрации военного потенциала, в том числе и испытания ядерного оружия. Именно здесь располагаются основополагающие военно-морские базы держав. На текущий момент атомные подводные лодки России составляют пятую часть всех стратегических ядерных сил РФ. Противолодочная деятельность НАТО в Арктике затрудняет процесс ядерного разоружения и вносит неясность в оценке уровня стратегического минимума. Стратегические ракетноносцы штатов и других членов альянса пересекают рубежи восточного направления, в свою очередь российские – западного. Этот факт напрямую противоречит принципам военно-стратегической стабильности. Имеется необходимость ввести разграничительные рубежи. Планируемая к установлению система ПРО в северных широтах не несет даже потенциальной угрозы российскому военному потенциалу, однако сам факт в любом случае рассматривается российской стороной в качестве вызова вне

зависимости от масштаба и побудит РФ принять дополнительные меры, нацеленные на парализацию военных возможностей альянса [2].

Очевидно, что для обеспечения мирного развития и сотрудничества в регионе необходимо прекратить военно-стратегическое противостояние с помощью переговорного процесса двустороннего формата при участии НАТО.

В настоящий момент двусторонние отношения России и Америки в районе крайнего Севера характеризуются отсутствием как сотрудничества, так и резкой стратегической конфронтации. Стороны заинтересованы в укреплении статуса Арктического совета для исключения дополнительных акторов в регионе, при этом имеются резкие разногласия в вопросе статуса СМП и отнесении части континентального шельфа океана, ситуация в любой момент может явиться поводом для эскалации конфликта. Соперничество в военно-стратегической области при отсутствии сотрудничества сделает стороны менее склонным идти на уступки по всем вопросам в регионе. Как ограничивающим, так и предоставляющим возможности действовать по собственному усмотрению является неучастие штатов в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Общим сторонам следует перейти к стратегии взаимодействия в регионе при взаимных уступках на договорных основах.

Библиографический список

1. В. Конышев, А. Сергунин. Арктика: новый регион мировой политики на перекрестье геополитических интересов//Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 9. С. 43–53//URL: <http://www.hse.ru/data/2011/11/01/1208899020/арктика.pdf> (дата обращения: 02.07.2014)
2. Шапаров А. НАТО и новая повестка дня в Арктике. РСМД//URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2375#top (дата обращения: 02.11.2014)

О. Р. Крючкова

Самарский государственный университет

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ШВЕЦИИ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Работа между Россией и Швецией за последнее десятилетие набрала весьма высокий темп и основывается на нескольких документах, например, «Декларации о модернизации» – это соглашение было подписано тогдашним премьер-министром Путиным в 2011 году и данное соглашение составляет базу для взаимоотношений России и Швеции, это соглашение поддерживается министерством экологии, иностранных дел и промышленности.

Основная идея заключается в том, чтобы сравнивать направления развития экологии, промышленности и международных отношений в рамках целевой программы между странами и улучшать структуру.

В этом контексте, работу шведского посольства в Москве трудно переоценить, так же, как и работу генерального консульства в Санкт-Петербурге и бизнес центра Швеции Business Sweden [1].

Посольство Швеции в Москве [2] обеспечивает бесперебойную работу контактной сети шведских компаний работающих в России. Поддерживаются, также, компании – активные участники SymbioCity [3].

Хотелось бы начать с того, что Швеция является страной с производством низкого уровня углерода. Такой низкий уровень был достигнут посредством нескольких важных факторов.

Рассмотрим соотношение выбросов CO_2 в таблице. На ней указаны данные с 1995 по 2013 года, как вы можете видеть за последние 20 лет выбросы CO_2 сократились на 8%. В небольшой спад графика – результат необычно холодной зимы 2011 года.

Одним из важнейших факторов, которые хотелось бы упомянуть, это отопление жилых помещений. На графике представлены данные по отоплению зданий по районам. В начале 90-х более 90% центрального теплоснабжения отапливается за счет нефтяных источников. 30 лет спустя, количество использования возобновляемых источников увеличилось в двое. Если мы посмотрим на производство электроэнергии, можно сделать заключение о том, что все поставщики электроэнергии в Швеции сократили использование натуральных источников. В ход идут гидроэлектростанции, АЭС, Ветровые платформы.

Основные факты, которые хочется подчеркнуть, это снижение использования нефти в промышленности, транспорте. Меньше всего, конечно, в области транспорта, поэтому перед Швецией, по-прежнему, остается серьезная задача.

В условиях прироста населения и роста экономики Швеция уменьшила расходы нефти и справилась со всеми поставленными задачами, за исключением транспорта.

Несколько слов о переработке отходов. Управление отходами всегда актуальная тема и, в состав Symbio City входят несколько компаний, которые занимаются переработкой мусора. На графике Вы можете видеть, как разных странах около 40 лет назад, отходы хранилось на полигонах. Ситуация, которую мы видим в наши дни, показывает, что больше половины всех отходов служит источником энергии. Давайте посмотрим на сравнительные таблицы регионов Швеции- ка мы видим, маленькая часть отводится на захоронение на полигонах. В сравнении с Россией, большая часть отходов здесь сохраняется отвозят на полигоны- более 90%.

Стоит обратить внимание, что средние расходы в Европе и Америке не так сильно отличаются от российских.

Таблица пропорционального использования источников энергии в Швеции показывает, что менее 15 % всех источников энергии составляют нефть, возобновляемые источники энергии занимают треть, гидроэнергетика составляет 15 %, Атомная энергетика, чуть меньше 30 %.

Швеция достигла таких хороших темпов в отказе от ископаемого топлива, благодаря списку мер, принятых правительством в различных законах. Единство правительства с бизнесом стало одним из самых важных нововведений. Был введен энергетический налог [4] и поощрение за использование альтернативных источников энергии. Швеция сделала более дорогими источники, которые им были не выгодны и более дешевыми возобновляемые источники энергии.

Смысл концепции Symbio City- это совмещение организация сельского хозяйства таким образом, чтобы можно было создать объединение мелких предприятий и получить максимальный эффект.

Швеция может предложить региона правильное выстраивание подходов к реализации экологичной платформы. Symbio City – это система которая позволяет развивать проекты, охранять окружающую среду, а также оказывает огромное экономическое благо в энергосбережении, необходимом для нормального пост- индустриального развития. Очень важен в процессе поиск правильных провайдеров и контроль за выполнением проектов со стороны государства.

Опыт, которым Швеция готова поделиться сегодня, насчитывает многие десятилетия и полезен, для привлечения инвестиций, которые будет поступать в строительный сектор, сектор новых технологий, защите окружающей среды, снизит расходы на здравоохранение, снизит социальную напряженность, даст возможность перенаправлять рабочую силу в новые области, снизит расходы на эксплуатацию любых объектов недвижимости. Шведская экологическая платформа используется и экспортируется в значительное количество стран, к примеру, Швейцария в Южная Корея. Россия, на данный момент, одно из приоритетных направлений развития.

В России для работы платформы предполагает участие компаний по принципу полного вовлечения, начиная от развития бизнеса, идеи и до донесения конечного продукта до потребителя и развитие персонала.

Швеция и Россия находятся в одинаковых климатических широтах, что будет способствовать обмену опытом в процессе адаптации платформы.

Библиографический список

1. Business Sweden Moscow//URL: <http://www.business-sweden.se/en/Contact/Our-offices-abroad/Offices/Europe/Moscow/>
2. Посольство Швеции в Москве//URL: <http://www.swedenabroad.com/ru-RU/Embassies/Moscow/>
3. Symbio City//URL: <http://www.symbiocity.org/>

4. Протокол секретариата энергетической хартии. Углубленный обзор политики Швеции в области энергоэффективности. Стокгольм, 2010

К. И. Оленина

Самарский государственный университет

ПОЗИЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ВОЗМОЖНОСТИ ВСТУПЛЕНИЯ ТУРЦИИ В ЕС

Великобритания всячески поддерживает вступление Турции в Европейский Союз, апеллируя к экономической развитости этой страны, и подчеркивая, что вступление Турции в ЕС является стратегической необходимостью для Европы. Сайт правительства Великобритании пестрит картинками с информацией о сотрудничестве между странами по разным направлениям – это и программа поступления в Британские университеты «Chevening» для турецких студентов, и облегчение режима получения виз в Британию для граждан Турции, и описание особенностей иммиграционной политики. Декларируются цели развития и улучшения отношений между двумя странами в сферах международной политики и торговли, обороны, энергетических ресурсов, образования, борьбы с терроризмом. Более того, премьер министр Великобритании Дэвид Кэмерон, занявший этот пост в 2010 г., не раз критически высказывался в сторону европейских лидеров, блокирующих вступление Турции в ЕС, в частности, он критиковал лидеров Франции и Германии за боязнь проникновения исламской культуры в европейскую, выступал против мнения о столкновении цивилизаций, и обещал стать «адвокатом» вступления Турции в Европейский Союз [1].

В данной статье предстоит выяснить, все ли политические партии Великобритании поддерживают позицию Консервативной партии, лидером которой является Дэвид Кэмерон, и каковы причины поддержки вступления Турции в ЕС со стороны Великобритании.

Основным источником для анализа послужили британские СМИ, в частности те, которые помогли сформировать представление о позициях ведущих партий Великобритании. По контенту британских СМИ, можно выделить следующую политическую классификацию масс-медиа: консервативные медиа: «The Times» [2], «The Daily Mail» [3], «The Telegraph» [4]. Тяготеющие к лейбористским масс-медиа: «The Mirror» [5], «The BBC UK» [6], и к либерально-демократическим средствам массовой информации можно отнести «The Economist» [7], «The Guardian» [8], «The Independent» [9].

Как было сказано выше, консервативная партия Великобритании, во главе с Дэвидом Кэмероном поддерживает вступление Турции в Европейский Союз. В масс-медиа подчеркивается твёрдая и уверенная под-

держка вступления Турции, не раз говорится о том, что это сильная экономическая держава, выход к новым рынкам и т.д

Тезисы	Их упоминания в прессе в (2010–2014)		
1. Турцию как сильную экономическую державу надо принять в ЕС	“The Times” 12 раз	“The Telegraph” 11 раз	“The Daily Mail” 4 раза
2. Великобритания создаёт условия для принятия Турецких иммигрантов	7 раз	10 раз	3 раза
3. Исламская культура не является угрозой для Европы/ Турция послужит мостом из исламского мира в христианский	6 раз	5 раз	2 раза

Позиция, которую занимает лейбористская партия, скорее умеренная, или даже нейтральная. Всплеск активности поддержки вступления Турции в ЕС совпал с приходом в консервативную партию Дэвида Кэмерона, но затем политическая риторика лейбористской партии приобрела нейтральный характер, а в настоящее время позиция сводится к поддержке мнения консервативной партии. Стоит отметить, что негативных взглядов на вступление Турции в ЕС партия никогда не имела.

Тезисы	Их упоминания в прессе	
1. Турция – сильнейшая развивающаяся экономическая держава, Великобритания должна выстраивать с ней дипломатические отношения	2010 2011–2014 “The Mirror” 7 раз 4 раза	2010 2011–2014 “The BBC” 5 раз 3 раза
2. Вступление Турции в ЕС поможет объединить европейскую и мусульманскую культуры	9 раз 3 раза	5 раз 2 раза

Что же касается позиций либерально-демократических сил в отношении вступления Турции в ЕС, они во многом схожи с позициями лейбористской партии, т. е. сводятся в настоящее время к нейтралитету. Тем не менее, в 2010 г., после начала активных дискуссий в политических

кругах Великобритании, представители либерально-демократической стороны выступали против полноправного членства Турции в ЕС, настаивая на ассоциированном членстве.

Тезисы	Их упоминания в прессе		
	2010		
1. Экономическая стабильность ЕС находится под угрозой, в связи с этим дальнейшее расширение невозможно, а возможно только ассоциированное членство Турции в ЕС	“The Guardian” 4 раза	“The Economist” 5 раз	“The Independent” 0
2. Недостаток проведения реформ в поддержку демократии в Турции	4 раза	3 раза	0
3. Переизбыток мусульманского населения в Великобритании	4 раза	3 раза	0
	2011–2014		
	Повторяется риторика консервативной партии Великобритании		

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что лейбористские и либерально-демократические силы придерживаются позиций нейтралитета в вопросе вступления Турции в ЕС, и потому Либерально-консервативная партия Великобритании, не встречая критики со стороны других политических сил, выходит на первый план в обсуждении этой проблемы не только в своей стране, но и на мировой арене, и может активно использовать позицию поддержки вступления Турции в ЕС в качестве политического инструмента.

Чтобы понять, почему такой политический инструмент выгоден для Великобритании, предлагаем выделить определённые маркеры.

1) Экономический. Несомненно, более тесное партнёрство с Турцией сулит Великобритании экономические выгоды. Это выход к новым рынкам сбыта, увеличение объёма торговли со страной, в которой хорошо развиты разные сферы бизнеса. Не стоит забывать о том, что Турция является ключевым пунктом транзита нефти и газа. 2) Маркер позиции в ЕС. Исторически у Великобритании сложился принципиально иной

подход к европейской интеграции, нежели у других европейских стран, включая подходы Германии и Франции, решительно выступающих против вступления Турции в ЕС. Великобритания выступала за развитие интеграции не вглубь, что подразумевает более тесное сотрудничество существующих членов ЕС, а виришь, с помощью включения в него новых государств, преимущественно восточного направления. В данном контексте поддержка Великобританией присоединения Турции к процессу европейской интеграции во многом обусловлена предполагаемой возможностью укрепить свои позиции в ЕС. 3) Безопасность. Выстраивание более тесных отношений с Турцией поможет получить важного партнёра на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и на Кавказе. Это открывает Великобритании и всему ЕС новые возможности участия в решении конфликтов на Ближнем Востоке. 4) Последний маркер назвём внутривнутриполитическим. Поддержка вступления Турции в ЕС демонстрируется не только на международной арене, но и внутри страны, что, очевидно, даёт кандидату преимущество и поддержку со стороны мусульманского населения во время предвыборных кампаний.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что данная позиция выгодна правительству Великобритании и может активно использоваться в политической игре на внутривнутриполитической и на международной арене. Но о том, на самом ли деле Великобритания приложит все силы для вступления Турции в ЕС, или этот вопрос так и останется на уровне дискуссий, остаётся только догадываться.

Библиографический список

1. Заявление Дэвида Кэмерона/The Independent UK. Режим доступа: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/uk-to-help-turkey-in-bid-to-join-european-union-8197705.html> 04.10.2012
2. The Times. 2010–2014. URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/> (Дата обращения 15.11.2014).
3. The Daily Mail. 2010–2014. URL: <http://www.dailymail.co.uk/home/index.htm> 1// (Дата обращения 15.11.2014).
4. The Telegraph. 2010–2014. URL: <http://www.telegraph.co.uk/> (Дата обращения 15.11.2014).
5. The Mirror. 2010–2014. URL: <http://www.mirror.co.uk/> (Дата обращения 15.11.2014).
6. The BBC. 2010–2014. URL: <http://www.bbc.com/> (Дата обращения 15.11.2014).
7. The Economist. 2010–2014. URL: <http://www.economist.com/> (Дата обращения 15.11.2014).
8. The Guardian. 2010–2014. URL: <http://www.theguardian.com/uk/> (Дата обращения 15.11.2014).
9. The Independent. 2010–2014. URL: <http://www.theguardian.com/uk/> (Дата обращения 15.11.2014).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО КАК НАПРАВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОМОЩИ «ХРУПКИМ» ГОСУДАРСТВАМ

В современном мире существует от 30 до 50 стран, которые называются «хрупкие» государства («fragile states», «failed states»). Именно эти государства в настоящее время являются основными объектами государственного строительства.

Целью данной работы является определение места и роли государственного строительства как направления международной помощи «хрупким» государствам. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: 1) выяснить происхождение современной концепции государственного строительства; 2) проследить эволюцию подхода к государственному строительству; 3) предположить, как будет развиваться направление государственного строительства в «хрупких» государствах в будущем.

Существует несколько подходов к пониманию происхождения современного государственного строительства. Шахар Хамейри, преподаватель международной политики и член Центра азиатских исследований университета Мёрдока (Австралия), считает, что первоочередной задачей любого государства в современном мире является управление рисками [1], т. е. именно необходимость вовремя отвечать на внутренние и внешние угрозы влечет за собой спрос на мероприятия в сфере государственного строительства. Преподаватель колледжа Туро (США) Майкл Рир считает, что возникновение большого числа «хрупких» государств вызвано возрастанием межэтнических конфликтов после «холодной войны» [2]. Нил Робинсон, старший преподаватель кафедры политики и государственного управления университета Лимерика (Ирландия) утверждает, что идея государственного строительства происходит из популярного в настоящее время мнения о том, что все государства ослаблены воздействием глобализации [3].

На мой взгляд, государственное строительство в разных типах «хрупких» государств вызвано разными причинами. В постколониальных государствах государственное строительство, с одной стороны, направлено на формирование традиции самостоятельного, независимого управления. С другой стороны, эти государства находятся в зависимости от бывших метрополий и других развитых государств. В постконфликтных государствах мероприятия по государственному строительству обусловлены влиянием межэтнических конфликтов. Зачастую мероприятия по государственному строительству сопровождаются проектами национального строительства. Во временно оккупированных государствах государственное строительство всегда осуществляется в условиях

присутствия иностранных военных контингентов, и фактически носит обязательный характер.

Проекты государственного строительства во временно оккупированных государствах, как правило, крайне политизированы. Поскольку в основном мероприятия осуществляются странами Запада, государственное строительство часто подменяется мероприятиями по демократизации, что считается стандартом политической системы. Государственное строительство в оккупированных государствах вызвано в первую очередь экономическими и геополитическими интересами государств-интервентов.

Изначально проекты государственного строительства осуществлялись исключительно государствами-интервентами. Следующим этапом развития государственного строительства стал распад колониальной системы и последующее расширение масштабов государственного строительства. В 1990-х гг. в сфере содействия международному развитию доминировала парадигма «выборности помощи» («aid selectivity») [4]. Постепенно подход выборочной помощи был заменен идеей сокращения бедности («poverty reduction»), на которой основываются Цели развития тысячелетия.

В последние годы изменились и цели государственного строительства. Если раньше эталоном считалось демократическое управление, то сейчас гораздо более часто употребляется термин «эффективное управление». Кроме того, в последнее время особое внимание уделяется роли гражданского общества в государственном строительстве. Наиболее результативным подходом считается государственное строительство «снизу вверх» («bottom-up construction») [5]. Эффективное управление как подход к государственному строительству также позволяет учитывать особенности социального контракта между властью и обществом [6].

Государственное строительство является одним из приоритетных направлений предоставления финансовой и технической поддержки «хрупким» государствам. Учитывая то, что происходит пересмотр Целей развития тысячелетия, очевидно, что и подход к государственному строительству также будет меняться в следующих направлениях:

- повышение роли негосударственных акторов;
- ориентация на достижение долгосрочных целей [7];
- вероятнее всего изменится роль военных контингентов;
- необходимы мероприятия по повышению уровня социального доверия;
- сократится международное присутствие в «хрупких» государствах.

Таким образом, анализируя процесс государственного строительства в «хрупких» государствах, необходимо учитывать, чем вызвана необходимость государственного строительства. За последние полвека государственное строительство значительно изменилось, но учитывая изменяющуюся

повестку дня в сфере содействия международному развитию, следует также ожидать серьезных перемен в подходе к государственному строительству.

Библиографический список

1. Hameiri S. *Regulating Statehood: State Building and the Transformation of the Global Order*. Houndmills, Basingstoke: Palgrave MacMillan. 2010. 248 p.
2. Rear M. *Intervention, Ethnic Conflict and State-Building in Iraq: A Paradigm for the Post-Colonial State*. New York, Abington: Routledge. 2008. 279 p.
3. Robinson N. *State-Building and international Politics: The Emergence of a “New” Problem and Agenda//State-Building: Theory and Practice* (ed. Hehir A, Robinson N.). New York, London: Routledge. 2007. Pp. 1–28.
4. Hout W. *The Politics of Aid Selectivity: Good Governance Criteria in World Bank, US and Dutch Development Assistance*. London, New York: Routledge. 2007. 188 p.
5. Kaplan S. D. *Fixing Fragile States: A New Paradigm for Development*. Westport: Praeger Security International. 2008. 215 p.
6. Sedra M. *Security Sector Reform in Afghanistan: An Instrument of State-Building Project//Fragile States and Insecure People? Violence, Security, and Statehood in the Twenty-First Century* (ed. Andersen L., Moller B., Stepputat F.). New York, Basingstoke: Palgrave MacMillan. 2007. Pp. 151–176.
7. Ayoob M. *The Third World Security Predicament: State Making, Regional Conflict, and the International System*. Boulder: L. Reinner Publishers. 1995. 232 p.

С. С. Пшеничкин

Самарский государственный университет

ПРОБЛЕМА ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Проблема принудительного труда существует с незапамятных времен. И следует отметить, что сегодня она носит глобальный характер, так как зафиксировать ее можно, как в развитых странах, так и в развивающихся странах. Принудительный труд не существует в каком-то конкретном регионе, эта проблема актуальна для всего мира и может проникнуть в любые слои населения, в любую страну мира. По оценкам «Global Slavery Index» на сегодняшний день в рабстве находится примерно 27–29 миллионов человек, точное количество людей, находящихся в крайне степенной зависимости, отследить невозможно, что представляют одну из проблем данного исследования [1].

Ряд исследователей полагают, что принудительный труд – это продукт диктаторских режимов таких, как гитлеровская Германия, режим Пол Пота в Камбодже и прочих. Это мнение является не совсем верным, так как статистика показывает, что даже в самых развитых демократических странах существует проблема принудительного труда [1].

Следует сразу определить, что я подразумеваю в своем исследовании под понятием «принудительный труд» – это всякая работа или труд, требуемые от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания, для выполнения которой это лицо не предложило своих услуг добровольно [5]. Данное определение было предложено международной организацией труда и, хотя на сегодняшний день оно является наиболее полным и адекватным, оно не полностью отражает всю глубину «принудительного труда». Принудительный труд нельзя просто приравнять к низкой заработной плате или плохим условиям труда. Это понятие не охватывает также ситуации чистой экономической необходимости, когда работник считает, что он не может покинуть рабочее место из-за реального или мнимого отсутствия альтернативной занятости. Из-за большого содержания понятия возникают проблемы определения его на практике, а так же возникают проблемы проведения четкой линии между принудительным трудом и плохими условиями труда.

Сейчас предлагаю переместиться в регион центральной Азии и посмотреть на практике, как реализуется принудительный труд и выявить причины его существования.

В данном исследовании я рассматриваю три страны центральной Азии – Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан. Эти страны представляют собой беднейшие страны мира, а их экономика носит крайне ограниченный характер, однако все эти страны имеют высокий демографический рост населения [6]. А ведь все эти страны ратифицировали Международный пакт о гражданских и политических правах человека, а так же другие конвенции ООН и МОТ [4]. Хлопковая индустрия является одной из основ экономики этих стран. Например: экспорт хлопка составляет 12 % от экономики Узбекистана, 9 % от Туркменистана, и 7 % от Таджикистана. Узбекистан является пятой страной в мире по наличию хлопковых плантаций, Туркменистан восьмой, Таджикистан шестнадцатой [6]. Наличие всех этих фактов позволяет сделать вывод, что экспорт хлопка является важной частью внешней торговли стран центральной Азии.

По оценкам «Global Slavery Index», в этих стран зафиксирована высокая степень нарушений политических, социальных и экономических прав человека [1]. Это единая проблема для этих стран, однако где-то она по объективным факторам представлена меньше, а где-то больше, например, в Узбекистане ситуация гораздо острее, чем в двух других, в силу экономических факторов о которых было сказано выше.

Рассмотрим это явление более подробно на примере Узбекистана. Специфика принудительного труда в данном регионе заключается в

том, что само государство принуждает некоторые социальные группы населения отправляться на поля собирать хлопок. Период с сентября по ноябрь – это время сбора хлопка, ежегодно правительство Узбекистана «снимает» всех школьников с 8 лет, а так же студентов и государственных служащих и отправляют их на поля с хлопком. Формально уборка хлопка происходит на добровольной основе, а хлопкоробы получают за эту оплату. Однако тут необходимо сделать оговорку, во-первых, если школьники, студенты и люди находящиеся на службе у государства отказываются от работы на поле, их либо выгоняют с места работы или учебы, либо запугивают спецслужбы. Во-вторых, зарплату за работу в поле хлопкоробы получают в размере 0,03\$ за килограмм хлопка, а рабочий день составляет в среднем 11 часов [2]. Парадоксально, но даже этой нищенской зарплаты не получают хлопкоробы, так как с них вычитываются средства, потраченные на их питание за 2,5 месяца [2]. Помещения, в которых проживают 2,5 месяца хлопкоробы, ни чем не оснащены и нарушают все правила пожарной безопасности, как правило, они живут в коровниках без всяких удобств.

Также следует отметить, что та часть интеллигенции, которая пыталась бороться с этими нарушениями прав человека и вступала в конфронтацию с государством, была жестко репрессирована, часть из них находится в изгнании, а другая в тюремном заключении. Государство всячески блокирует информацию в СМИ о глубоких проблемах в обществе, усилился контроль над теми, кто сообщает о принудительном труде, критикует власти за этот произвол и пытается ему противостоять. Против них под разными предлогами фабрикуют уголовные дела [3].

Как мы видим, в Узбекистане нарушаются основополагающие права человека. В регионе существуют проблема принудительного труда, а факторами сохраняющими принудительный труд являются:

Вседозволенность власти. Представителями политической и экономической верхушки являются одни и те же люди, что наделяет их неограниченной властью над населением. Политическая и экономическая система государственного аппарата формируется на основании клановости, что приводит к возникновению диктаторского режима.

Слаборазвитая экономика, которая не может отказаться, как от эксплуатации населения в уборке хлопка, так и от экспорта хлопка;

социально-культурные особенности населения центральной Азии, которое соглашается со всеми видами принуждения и зачастую не считает, что их права нарушаются.

Библиографический список

1. GlobalSlaveryIndex_2013_Executive_Summary
2. Ассоциация «Права человека в Центральной Азии», «Узбекистан: практика принудительного труда»; февраль 2010 г.
3. Глобальный альянс против принудительного труда; международная

- конференция труда, 93-я сессия 2005 год.
4. Субрегиональное бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии; «Экономический рост и достойный труд: новейшие тенденции в странах Восточной Европы и Центральной Азии». Международная организация труда 2008 г.
 5. Конвенция МОТ 1930 года «О принудительном или обязательном труде» (№ 29)//URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/ed_norm/normes/documents/normativeinstrument/wcms_c029_ru.htm.
 6. Хлопковое проклятие: разрушительная монокультура Центральной Азии//URL: http://www.crisisgroup.org/en/regions/asia/central-asia/093-the-curse-of-cotton-central-asias-destructive-monoculture.aspx?alt_lang=ru.

Приложение

Страна	Место в мире по площади хлопковых плантации	Доля экспорт хлопка от всей экономики	Основные партнеры по импорту хлопка
Узбекистан	5	12 %	КНР (50 %), Индия (21 %), Пакистан (18 %)
Туркменистан	8	8 %	КНР (33 %), Иран (25 %), Индия (18 %)
Таджикистан	16	5 %	Турция (40 %), РФ (23 %), КНР (12 %)

А. А. Рубцов

Самарский государственный университет

ПОЛИТИКА «УМНОЙ СИЛЫ» КНР

Возникновение новой геополитической картины мира в XX в. заставило Китай вырабатывать новые формы поведения на международной арене. Выстраивать новый тип политических отношений, как в Азии, так и во всем мире, повышая свой статус от уровня «периферийного» государства до уровня «полу периферийного», а на сегодняшний день стоит задача вывести страну на уровень государств-лидеров. При этом важным для Китая является расширение своего геополитического влияния с учетом не только международных норм и правил поведения, но и национальных традиций и интересов.

Современный Китай располагает достаточными экономическими, людскими и технологическими ресурсами, чтобы претендовать не только на роль регионального, но и мирового лидера. Однако, многие страны, в том числе США, Япония и ряд европейских стран, не готовы согласиться с этим тезисом и, следственно, с новым статусом Пекина. И поэтому, Китай, стремящийся расширить собственное геостратегическое влияние и распространить его на территории других субъектов международных отношений, вынужден использовать два важнейших фактора доминирования в международном политическом поле — это экономический и культурный факторы.

В связи с этим, становится важным понимание того, какими инструментами не только «мягкой», но и «умной силы» пользуется Китай и будет использовать в ближайшей перспективе для расширения своего влияния в мире. Поэтому задача моей работы состоит в выявлении конкретных инструментов политики «умной силы», которые Китай использует для распространения своего доминирования не только в Азии, но и во всем мире.

Теоретическим основанием моего исследования является концепция Джозефа Ная. В работе посвященной мягкой силе: «The means to success in world Politics». Дж. Най выводит два основных механизма осуществления внешней политики государства, это: «Softpower» и «Hardpower». Под понятием «мягкая сила» Дж. Най понимает такой тип поведения, при котором способ достижения желаемых результатов лежит в основе добровольного участия, симпатии и привлекательности. То есть, состоит из следующих оснований: политические институты и ценности, культурные ценности, потребительские предпочтения. По словам введшего этот термин американского политолога Джозефа Ная, язык и культура страны — это «мягкая сила», которая играет ключевую роль в международных отношениях, влияя напрямую, или косвенно, на мировую политику и деловые связи. [1]

В своей работе «Будущее власти» Джозеф Най Мл. рассматривает «мягкую» и «жесткую» силу в совокупности, называя ее умной силой. По его мнению, умная сила заключается в нахождении путей сочетания ресурсов в успешный план действий в условиях многополярного глобального мира. Другими словами, концепция «умной силы» — это стратегия разумного сочетания и системы связей дипломатии, обороны и развития других средств мягкой и твердой силы.

Во время интервью в Пекине, Дж. Най отметил, что страны уже начинают осознавать важность мягкой силы, осознавать, что при новом устройстве мира многие противоречия и конфликты нельзя решить, опираясь только на жесткую силу [2].

Безусловно, концепция «умной силы» — это продукт западной политической мысли, ее совершенствованием постоянно занимаются в государственном департаменте США. Но, тем не менее, не только США пользуются стратегией «умной силы».

Китай, среди азиатских стран, является одним их лидеров в разработке своей уникальной модели «мягкой силы», где уже с 2007 года рассматривается как важнейшая программа развития страны.

В концепцию китайской политики «мягкой силы» включены конкретные механизмы, направленные на формирование благоприятного имиджа страны за рубежом, среди которых можно выделить следующие моменты:

Во — первых, это политика поддержания международного мира и безопасности. То есть принцип «гармоничного» мира.

Во-вторых, оказание помощи в области здравоохранения, экономики, социальной сфере без политизированности тех или иных решений.

В — третьих, демонстрировать положительные особенности Китайской культуры, на основе последних достижений КНР [3].

Но, КНР не остановилась только на разработке своей уникальной стратегии «мягкой силы». Китайские политтехнологи и аналитики активно разрабатывают теорию синтеза «мягкой силы» с инструментарием «жесткой силы». В политологии такая стратегия получила название «умной силы» или «умная власть»

Понимание «умной силы» в Китае несколько иное, чем на западе. В интерпретации Китайских ученых «умная сила» или «Smartpower» представляет собой политическую мудрость, состоящую в искусстве соблюдать динамический баланс между насильственными и ненасильственными способами правления. Такой диалектический подход предполагает осознание и понимание текущей взаимосвязи и взаимозависимости между «мягкой» и «жесткой силой».

Чрезмерное употребление как жесткой, так и мягкой силы могут привести к отрицательным последствиям. Тем самым, свести на нет все достижения внешней и внутренней политики. Таким образом, при укреплении жесткой силы без сопровождения ее мягкой силой, совокупная государственная мощь сокращается.

Так, Китай при Мао Цзедуне увеличивал свою военную мощь и использовал «мягкую силу» популярной на тот период революционной идеологии, а также солидарность с другими странами третьего мира для обретения приятного имиджа и тем самым получения союзников за рубежом. Однако, когда маоистская идеология больше не приносила должного эффекта, в 1970-е годы Китай обратил внимание на рыночные механизмы. В итоге, у КНР прекрасно получилось простимулировать свою экономику дать новый импульс экономическому развитию в стране.

В последствии, Дэн Сяопин призывал: «хладнокровно наблюдать, укреплять свои позиции, уверенно реагировать на изменения, скрывать свои возможности и выигрывать время, научиться не привлекать к себе внимания, никогда не становиться лидером и вносить свой вклад». Таким образом, он предупреждал своих соотечественников от необдуман-

ной политики за пределами КНР, которые могли бы подвергнуть угрозе внутреннее развитие страны. [4]

В 2007 году Ху Цзиньтао объявил о важности создания мягкой силы Китая. Концепция «мягкой силы» нашла свое отражение и в стратегии китайского руководства, выдвинутой на XVII съезде Компартии Китая 2007 года, когда в докладе Ху Цзиньтао прозвучал призыв о повышении культурной «мягкой» мощи и «мягкой силы» во внешней политике. В основу китайской «мягкой силы» были положены три компонента: 1) культурный диалог;

2) лидерство в развивающемся мире; 3) проведение на мировой арене сбалансированной политики.

Хотя Дэн Сяопин оставил после себя завет: «вести себя скромно, не претендовать на лидерство, выжидать в тени, крепко стоять на ногах», пришедшие после него китайские руководители, в частности Ху Цзиньтао, понимали необходимость дальнейших изменений не только внутри страны, но самое главное — изменений внешнеполитического курса [5].

Это понимание выросло в результате анализа положения стремительно набирающей обороты глобализации в мире, возможностей расширения применения инструментов «мягкой силы» и укрепление политического и экономического положения внутри самого Китая.

С точки зрения страны, которая гигантскими темпами развивает свою экономику и наращивает военную мощь — это была умная стратегия. Сопровождая подъем твердой силы усилиями по созданию более привлекательного образа страны, Китай преследовал цель уменьшения страхов и уменьшения возможности противовеса китайской силе среди союзников и соседей КНР. Таким образом, КНР применил «умную силу», скрывая свою экономическую и военную мощь привлекательным имиджем страны за рубежом.

Библиографический список

1. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 1–4. М.: Издательство иностранной литературы, 1953.
2. Най Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике, Пер. с англ. Новосибирск/Москва, 2006.
3. Тридцать шесть стратагем. Китайские секреты успеха/Пер. с кит. В. В. Малявина. М., 1998.
4. Joseph S. Nye. Soft Power. The Means to success in world politics//N. Y. Public Affairs, 2004.
5. Давыдов Ю. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений//Международные процессы. Т. 2. 2004. № 1 (4). С. 74–76.

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКИ ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В связи с тем, что в современной дискуссии о проблемах иммиграции в европейских странах и в Российской Федерации преобладает негативная риторика относительно групп иммигрантов, встает вопрос об эффективности проводимой ими политики относительно интеграции иммигрантов в общество принимающих стран. Актуальным представляется выявление сходных и различных черт в реализации данной политики в странах Европейского Союза и России.

В глоссарии сайта Европейского Союза указано, что под иммиграцией понимается действие, посредством которого лицо устанавливает его/ее постоянное проживание на территории стран ЕС на период минимум 12 месяцев, являясь в прошлом гражданином другой страны ЕС или страны, не входящей в Союз [1].

В 2005 году были сформулированы основные принципы интеграции иммигрантов для стран ЕС, которые включают в себя 11 рецептов. Среди них, например, указывается, что интеграция подразумевает уважение к базовым принципам ЕС; занятость — основная часть процесса интеграции; базовое знание языка, истории и институтов принимающей страны неразрывно связано с процессом интеграции; получение образования является важным для подготовки иммигрантов, а в особенности их потомков, к более успешному и активному участию в жизни общества; частое взаимодействие между мигрантами и гражданами стран-членов Союза является фундаментальным механизмом интеграции; участие иммигрантов в демократическом процессе и в формировании интеграционной политики; разработка ясных целей и механизмов оценки являются необходимым для осуществления политики, оценки прогресса интеграции и для усовершенствования процесса обмена информацией [2].

Российская Федерация ориентируется на ряд законов, в том числе Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Ее принципы базируются на обеспечении прав и свобод человека и гражданина, недопущении дискриминации, взаимодействии органов федерального, регионального, местного управления, институтов гражданского общества, дифференцированном подходе к регулированию миграционных потоков, учете особенностей регионального развития, открытости информации и т. д. [3].

Наиболее общая проблема, с которой сталкиваются иммигранты как в России, так и в странах Европейского Союза, это проявление расизма и ксенофобии со стороны принимающего населения. По данным за 2013 год, половина россиян не готовы мириться с тем фактом, что ми-

гранты могут иметь равные с ними права. 21 % считает, что мигранты должны адаптироваться и принимать культуру принимающей страны. Россияне воспринимают возрастание миграции как угрозу социальной стабильности и применяют различные дискриминационные механизмы в широком спектре человеческой деятельности. Ситуация в Европе различна в зависимости от стран и категории мигрантов, однако общая характеристика ясна: многие политические лидеры признают провал антидискриминационных мер для повышения эффективности социальной адаптации иммигрантов. Повышение активности правых и ультра-правых партий в Европе базируется на экономических параметрах, которые активизировались во время экономического кризиса, и сейчас выливаются в общественное недовольство иммиграцией [4].

Схожие проблемы имеются и в сфере дискриминации мигрантов в трудовой сфере. Для России характерно, что иммигрант, в большинстве случаев, находит себе место работы. Однако, 60 % иммигрантов приходится менять свою профессиональную ориентацию на менее квалифицированную. Также для иммигрантов существует трудоемкий процесс оформления документов на разрешение трудовой деятельности, поэтому абсолютное большинство работает нелегально. [5] Это, в свою очередь, не допускает никакой возможности для какого-либо карьерного роста. Подобная ситуация существует и в Европе, в особенности, в ее восточной части. В Польше большинство иммигрантов из посткоммунистических стран работают в теневой экономике в таких сферах, как сельское хозяйство и строительство. Так как их занятость является временной, они не стремятся получить разрешение на трудовую деятельность и продолжают работать нелегально.

Наконец, стоит отметить такую проблему, как доступ к гражданству и наличие равных с принимающим обществом прав. В Европейском Союзе действуют различные политики по отношению к доступу к получению гражданства, однако большинство стран все же имеет долгий и сложный порядок натурализации. В Балтийских странах, например, первая волна иммигрантов должна как минимум 10 лет ожидать получения гражданства, а их дети и внуки также сталкиваются с проблемами в реализации своих гражданских прав. Все же, ряд стран разработали довольно понятную систему получения гражданства и предусматривают ряд льгот. Например, в Великобритании существует система волонтерства для мигрантов, при участии в которой иммигранты ждут всего год (вместо 5 лет) для получения гражданства [6]. В России также приняты ряд мер по получению упрощенного гражданства, однако существует критика относительно закона от 2002 года, отменяющего институт двойного гражданства, что является препятствием для многих иммигрантов к получению гражданства РФ [7].

Таким образом, несмотря на то, что Европейская концепция интеграции иммигрантов носит больше рекомендательный характер для

стан-членов, России необходимо перенимать опыт отдельных стран ЕС, которые в рамках общеевропейской концепции смогли справиться с отдельными проявлениями неэффективной политики интеграции иммигрантов, такие как программы адаптации иммигрантов, четкая политика получения гражданства, стратегия распределения рабочих мест и повышения квалификации для иммигрантов.

Библиографический список

1. European Commission Glossary//URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/e-library/glossary/index_m_en.htm
2. Common basic principles on immigration integration//URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/jha/82745.pdf#zoom=100
3. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации//URL: <http://www.fms.gov.ru/documentation/868/details/53252/>
4. The European Union and the Challenge of Extremism and Populism//URL: http://ec.europa.eu/justice/events/assises-justice-2013/files/contributions/24.europeanhumanistfederatetheeuandthechallengeofextremismandpopulism_ehf_en.pdf
5. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски.; Рабочая тетрадь № 4, Российский Совет по Международным Делам. М., 2013 г. //URL: http://russiancouncil.ru/common/upload/wp_migration_413.pdf
6. Migrant integration policy index//URL: <http://www.mipex.eu/countries>
7. Интеграция мигрантов: Европейский опыт и перспективы России. Рабочая тетрадь № 12, Российский Совет по Международным Делам. 2014 г. //URL: <http://russiancouncil.ru/common/upload/WP12Migration-Ru.pdf>

Д. С. Хохлунова

Самарский государственный университет

РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН?

Современные отношения России и Германии находятся на важном этапе проверки на прочность и переосмысления диалога Москвы с Берлином, сохранения того потенциала доверия, форм и многообразия двустороннего взаимодействия, которые были достигнуты за последние десятилетия.

После распада СССР ФРГ была единственной страной Запада, которая в условиях постбиполярного мира прикладывала максимум усилий к адаптации России к изменившейся международной обстановке.

Особое политическое сближение между Россией и Германией началось в конце 90-х годов прошлого столетия в период федерального канцлера Герхарда Шрёдера. Немецкая восточная политика в тот период означала стратегическое взаимодействие с РФ в сфере экономики и энергетики и одновременно негласно подразумевала вовлечение стран ЦВЕ в орбиту европейской интеграции [1, с. 97–101]. Примерами углубления сотрудничества можно назвать речь В. Путина в 2001 г. в германском бундестаге на немецком языке, в которой было изложено видение сотрудничества между Россией и Европой в будущем. В том же году был основан Петербургский диалог, российско-немецкий дискуссионный форум, проводящий ежегодные встречи представителей общественности двух стран. В 2005 г. В. Путин и Г. Шрёдер договорились о строительстве Североевропейского газопровода по дну Балтийского моря.

В 2006 г. министр иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайер уже при новом федеральном канцлере Ангеле Меркель выступал за «сближение путем переплетения» как продолжение «преобразований путем сближения» «новой восточной политики» 1960–70-х гг. под руководством Вилли Брандта. Имея своей целью углубление разносторонней кооперации между Евросоюзом и Россией, этот принцип на некоторое время стал определяющим в архитектуре восточной политики ФРГ. Движущей силой «сближения» Штайнмайера должно было стать «партнёрство для модернизации». Публично данный тезис был выдвинут летом 2008 г. и официально закреплён на майском саммите ЕС – РФ в 2010 г.

В последние годы количество противоречий в двусторонних отношениях увеличилось, несмотря на неуклонный рост торгового оборота двух стран, составившего в 2012 г. более 100 млрд. евро [2]. Перед германской политикой в отношении России встала дилемма, которую можно сформулировать как противоречие между ценностно-ориентированным и прагматичным подходами [3, с. 264–271]. России не удалось не то, что адаптировать, но даже приблизить к нормам евро-атлантической цивилизации и выстроить шкалу совместных ценностей, но понимание этого пришло к немцам не сразу. 10 февраля 2007 г. на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности В. Путин озвучил заявку окрепшей Москвы на новое силовое позиционирование в постбиполярном мире. Вторым знаковым событием стал отпор России грузинской агрессии в отношении Южной Осетии и защите своих граждан в августе 2008 г., признание независимости Цхинвала и Сухума. Обострение отношений между двумя странами было связано с публикацией В. Путиным 3 октября 2011 г. в «Известиях» статьи о решении российского руководства сосредоточить свою активность на республиках бывшего Советского Союза [4, с. 107–108]. 2012 год прошел под знаком критики немцами властной рокировки Путин-Медведев, механизмов выборов в России, усиления авторитарных тенденций, а также сдерживающей политики Кремля в отношении правозащитников и оппозиции. Опреде-

ленные круги, как в США, так и в самой Германии, уже в 2012–2013 гг. записали Россию в число «нарушителей спокойствия» и настаивали на том, что Германия должна изменить свои подходы к политике в отношении России, приветствуя охлаждение между Москвой и Берлином и принятую осенью 2012 г. жесткую резолюцию бундестага по России, критикующую ситуацию с правами человека и высказывающую опасения по поводу возможной изоляции России от Германии и ЕС в случае продолжения текущей динамики российской внутренней политики [5].

Все это, естественно, вызвало ответную негативную реакцию российской стороны. Ожидания России от стратегического партнерства с ФРГ – быть принятой Европой в качестве равноправного партнера и стать частью общеевропейского экономического пространства и общеевропейской системы безопасности – также не оправдались.

Подписание 21 февраля 2014 г. соглашения о переходном периоде между украинским президентом В. Януковичем и министрами иностранных дел ФРГ, Франции и Польши способствовало перевороту на Украине, обострили ситуацию на границах России. Вхождение Крыма в состав России было интерпретировано как нарушение норм международного права. В рамках Женевских договоренностей от 17 апреля 2014 г. Германия, следуя интересам трансатлантического сообщества, ЕС, а также своим собственным по расширению сфер влияния на постсоветском пространстве, выбрала тактику санкционного давления на российское руководство. Вместо стабильности и доверия в отношении РФ – ФРГ пришла непредсказуемость, что обусловило еще больший поворот ФРГ к Западу, а России к Востоку. Но говорить о полном распаде российско-германского партнерства еще рано. Общество и истеблишмент ФРГ неоднозначно оценивают политику санкций, все чаще звучит ее критика, а с учетом неослабевающих экономических интересов немецких бизнесменов и стремления к поддержанию стабильности в общем регионе соседства вряд ли стоит ожидать от Германии резких и необдуманных действий по отношению к России. Действовать Германия будет с осторожностью, постепенно выстраивая новые отношения с РФ путем дипломатического урегулирования для разграничения «сфер влияния». Трезвый расчет подсказывает, что нужно отбросить в сторону амбиции, снять идеологические шоры, сесть за стол переговоров. Какая сторона сделает это первой – время покажет.

Библиографический список

1. Белов В. Б. ФРГ: восточный вектор внешней политики//Современная Европа. 2014. № 4.
2. Ruslandanalysen. No. 248, 30.11.2012. P.14.
3. Макарычев А. О «нормальности», «реальности» и интересах в германо-российских отношениях: вместо заключения//Россия и Германия в пространстве европейских коммуникаций: коллективная

монография/под ред. А. В. Девяткова и А. С. Макарычева. Тюмень, 2013. 272 с.

4. Павлов Н. В. Москва – Берлин – Брюссель: от трилатерализма к билатерализму?//Современная Европа. 2014. № 4.
5. Schulze P. Die deutsch-russische Beziehungen als Faktor einer Osteuropapolitik der EU//URL: http://www.iilp.at/publikationen/reihe_studien/die_deutsch_russischen_beziehungen_als_faktor_einer_osteuropapolitik_der_eu –405.html

Ю. О. Черноиваненко

Самарский государственный университет

МЕСТО И РОЛЬ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

На протяжении всего XX века российско-китайские отношения выстраивались весьма неоднозначно, дело доходило даже до локальных военных конфликтов, а период «Великой Дружбы», быстро сменился идеологической конфронтацией. Тем не менее, с наступлением нового тысячелетия и установлением «стратегического партнерства» между государствами мы можем говорить о выстраивании нового типа отношений государствами, основанных, прежде всего, на взаимовыгодности и долгосрочных перспективах. Актуальность темы исследования обуславливается, во-первых, тем, что в условиях процессов регионализации приграничное сотрудничество между регионами приобретает все большее значение, во-вторых, Китай является наиболее мощным соседом России на Дальнем Востоке, в-третьих, наша страна заинтересована в скорейшем развитии Дальневосточного региона, в том числе и за счет усиления связей с КНР.

Целью данной работы выступает определение места и роли Дальнего Востока в российско-китайских отношениях.

В соответствии с данной целью, были поставлены следующие задачи: Установление места Дальнего Востока в российской политике;

Определение роли региона в политике Китая;

Сравнение позиций государств и выявление их перспективности для развития российско-китайских отношений.

За последние десятилетия ввиду процессов регионализации, а также желая России включиться в АТР, активировался интерес российского правительства к Дальневосточному региону, в частности была принята Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» [1]. Хотя на выработку политики по данному региону влияют такие характеристики, как повышенная конфликтность, ориентация на добывающие отрасли про-

мышленности, идеологическая противоречивость (культурное взаимодействие с другими цивилизациями VS противостояние их идеологии), высокая степень миграции, экономическая и политическая уязвимость, в настоящее время происходит смена приоритетов в отношении Дальнего Востока: раньше здесь политические и военно-стратегические цели ставились выше экономических, однако сейчас вектор изменяется [2; 3]. Так российское правительство нацелено на стремительное развитие данного региона, в том числе и за счет усиления приграничных связей с областями соседних государств. Главными направлениями сотрудничества должны стать:

Развитие системы транспортных коридоров;

Развитие энергетической инфраструктуры и экспорт природных ресурсов;

Привлечение инвестиций в производственную сферу [1].

Что же касается КНР, то страна рассматривает данный регион в двух ракурсах: военно-стратегическом и экономическом [4]. И если, как и в случае с Россией. Раньше военно-стратегический ракурс был главенствующим, сейчас на первый план выходит экономическое сотрудничество с регионом. Выстраивая экономические отношения с Дальним Востоком, Китай стремится решить проблемы двух уровней: государственного и регионального. К первому относится доступ к энергоресурсам и выход на новые рынки сбыта товаров; ко второму – подъем собственных провинций за счет экспорта рабочей силы, разработки совместных проектов и стимулирования предприятий, ориентированных на российский экспорт. Хотя существует мнение о возможности китайской экспансии на Дальнем Востоке, приводимые доводы недостаточны. Китайское правительство дает понять, что не имеет никаких территориальных претензий к России и нацелена на выстраивание дружественных отношений, кроме того, одним из пунктов внешнеполитической доктрины КНР является невмешательство в какие-либо военные конфликты с целью обеспечения экономического роста государства [5; 6].

Таким образом, мы видим, что отношения двух государств к Дальневосточному региону может служить основой для тесного российско-китайского приграничного сотрудничества. Стремясь решить свои внутренние проблемы, а также желая усиления интеграционных процессов в Северо-Восточной Азии, и Россия, и КНР осознают значимость Дальнего Востока, а их взгляды по основным направлениям сотрудничества совпадают: это развитие транспортной системы и сотрудничество в сфере добычи и поставок энергоресурсов.

Библиографический список

1. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года//Режим доступа: URL: <http://www.dfo.gov.ru/index.php?id=80> 22.11.2014.

2. Ларин В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI века). М.: Восток – Запад, 2005.
3. Зыков А. А. Интеграционные перспективы и возможности стратегического развития Дальнего Востока России//Режим доступа: URL: http://icarp.ru/doc/IV_schkola/economika/zikov_doklad.pdf 22.11.2014.
4. Боровой В. Р. Региональная политика во внешнеполитической стратегии КНР после окончания «холодной войны»//Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 1//Режим доступа: URL: <http://evolutio.info/content/view/649/55/22.11.2014>.
5. Голобоков А. С. Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая//Режим доступа: URL: http://www.ojkum.ru/arc/lib/2010_03_12.pdf 22.11.2014.
6. Лапердина В. А. Развитие сотрудничества России и Китая//Восточная и Юго-Восточная Азия – 2011: внутренняя и внешняя политика, межстрановые конфликты. М.: Институт экономики РАН, 2012.

СЕКЦИЯ СТЕНДОВЫХ ДОКЛАДОВ

Н. В. Орехова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

РАЗВИТИЕ КИНОСЕТИ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ КАК СФЕРЫ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В 1946 – НАЧАЛЕ 1950-х гг.

Говоря о развитии киносети Сталинградской области в послевоенный период, прежде всего, мы имеем в виду второй этап восстановления экономического и культурного потенциала СССР после окончания Великой Отечественной войны 1946 – н. 1950 гг. – завершение перехода «экономики на мирные рельсы». Поскольку первый период восстановления, начавшийся еще в условиях продолжавшейся войны позволил выполнить лишь минимум восстановительных работ и не позволил достичь довоенного уровня развития.

В соответствии с законом «О четвертом пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.», утвержденным 18 марта 1946 г. Верховным советом СССР, Городским управлением кинофикации ставились важнейшие задачи по дальнейшему развитию киноучреждений, организационно-хозяйственному укреплению и улучшению кинообслуживания населения и рабочих, занятых на восстановлении города [1, л. 1].

Так как, большая роль в поддержании морально-волевого состояния людей по выполнению плана четвертой пятилетки принадлежала именно учреждениям культуры, в частности и киноучреждениям, как самым мобильным трансляторам, то, подведя итоги первому периоду восстановления киносети, был принят перспективный план строительства государственной киносети города, в соответствии с которым на 5 лет закладывался бюджет для каждого кинотеатра по районам г. Сталинграда. В результате должны были быть пущены в эксплуатацию 9 кинотеатров.

В соответствии с планом, к 1950 г. необходимо было установить в каждом районном центре и крупных селах стационарные киноустановки, увеличив их количество до 522 шт. Кроме того, должны были быть построены новые кинотеатры в г. Камышине на 600 мест, а в р. п. Красная Слобода, Котельниково и Новоанненске на 400 мест [3, л. 38].

Так, в октябре 1946 г. начальник Областного киноуправления, получив от Министерства Кинематографии СССР 45 комплектов киноаппаратуры для кинофикации сел, занимался распределением техники между районами области и направлял опытных киномехаников для установки техники на места [3, л. 39].

В 1947 г., согласно пятилетнему плану развития, киносеть области должна была пополниться на 101 новую киноустановку, но план был перевыполнен и было установлено 157 комплектов техники, главным образом за счет сельских киноустановок: 136 стационарных, 3 автозвуковых кинопередвижки, 18 гужевых кинопередвижки [4, л. 1].

Таким образом, на начало 1948 г., вместо запланированных 240 киноустановок, область обладала 307 комплектами. Но при такой широкой технической базе в период с 1947 г. по 1948 г. увеличилось количество кинопростоев, потому что требования зрителей росли, а кинотеатры не стремились им соответствовать [6, л. 163]., вследствие чего, население области было попросту не заинтересовано посещать учреждения культуры, находящиеся в упадке.

Городское управление в 1947 г. имело в подчинении 59 киноустановок, из них 18 шт., принадлежавших государственной киносети и 41 шт. – профсоюзно-ведомственной [2, л. 1]. Показательным результатом в развитии городской киносети стало то, что в 1947 г. поступление новой аппаратуры дало возможность заменить всю старую технику, извлеченную из-под руин, а своевременная проверка и ремонт техники позволили избежать крупных поломок и технических простоев киносети [2, л. 10]. Тем не менее из-за отсутствия строительных материалов или планов, задержано строительство двух кинотеатров, запланированных еще на 1946 г.

Тем не менее за 1950 г. было введено 74 новых киноустановки, 106 электростанций и 26 автомашин-кинопередвижки, и, таким образом, к 17 декабря 1950 г. был выполнен пятилетний план развития киносети [5, л. 12]. В соответствии с новой классификацией киносеть города и области состояла из 520 киноустановок. По городу: постоянных кинотеатров – 13, кинотеатров арендованных – 5, Кинопередвижек – 1, школьных – 8, итого – 27. По селу: районных кинотеатров – 46, сельских стационаров – 180, автопередвижек – 56, гужевых – 211, итого – 493 [5, л. 3].

В итоге, темпы развития киносети Сталинграда к концу первой послевоенной пятилетки значительно превышали довоенный уровень – 166%, но ситуация в области обстояла несколько хуже. Не смотря на то, что районные отделы постоянно информировали Сталинградский Обком ВКП (б) о растущих количественных показателях в сфере развития киносети в сельских районах области, эти данные не отражали реально положение в сфере кинообслуживания сельского населения.

Помимо расширения киносети и строительства новых объектов, руководство киносети в своей деятельности ставило две основные задачи: выполнение эксплуатационно-финансовых планов и увеличение доходов от кино, а с другой стороны организацию кинопоказов с целью воспитания и просвещения населения. И если выполнение первой задачи руководство могло отследить по регулярным отчетам, то со второй – иде-

ологической было сложнее, зафиксировать процесс воспитания можно было разве что по обилию агитационно-пропагандистских плакатов и лозунгов в кинотеатрах и количеству тематических кинофестивалей, которые в первую очередь повышали результативность работы киносети по основным показателям: вал, зрители, сеансы.

Деля вывод, стоит отметить, что киносеть Сталинградской области в 1946 – н. 1950-х гг. развивалась согласно задачам первой послевоенной пятилетки. Тем не менее, даже если количественные показатели, утверждённые пятилетним планом развития народного хозяйства по развитию киносети были достигнуты, то сроки выполнены не были.

С каждым годом увеличивалось количество киноустановок и отремонтированных кинотеатров и киноплощадок. Условия демонстрации фильмов, становились лучше и в большинстве случаев стали соответствовать растущим требованиям зрителей.

Городское и Областное управления кинофикации совместно с Комитетом по делам Кинематографии СНК СССР предпринимали различные меры по привлечению и обучению кадров. Киноучреждения в послевоенный период играли важную роль в процессе восстановления города и области, становясь тем идеологическим подспорьем, которое способствовало развитию и укреплению духовно-моральных сил строителей Сталинграда.

Библиографический список

1. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф.6241. Оп. 1. Д.5.
2. ГАВО. Ф. 6241. Оп. 1. Д. 17.
3. ГАВО. Ф.6525. Оп. 1. Д.39..
4. ГАВО. Ф.6525. Оп. 1. Д.49.
5. ГАВО. Ф. 6525. Оп. 1. Д. 104.
6. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 25. Д.33. Л. 163.

А. А. Фадеева

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

РОЛЬ VI ВСЕМИРНОГО ФЕСТИВАЛЯ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ В РАЗВИТИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ МОЛОДЕЖИ СТАЛИНГРАДА-ВОЛГОГРАДА

После окончания Второй мировой войны на Лондонской всемирной молодежной конференции в 1945 году было принято решение об основании Всемирной федерации демократической молодежи (ВФДМ), целями которой являлись развитие и укрепление международного со-

трудничества молодежи, воспитание молодежи в духе мира и интернациональной дружбы. ВФДМ стала инициатором и организатором проведения Всемирных фестивалей молодежи и студентов под лозунгами идей мира, солидарности и дружбы.

В 1947–1955 гг. прошли фестивали в Праге, Будапеште, Берлине, Бухаресте и Варшаве.

Впервые в нашей стране Всемирный фестиваль прошел в 1957 году. Он стал самым массовым по количеству участников: 34 000 человек из 131 страны мира [6]. В постановлении ЦК КПСС от 24 апреля 1957 г. «О подготовке и проведении Всемирного фестиваля молодежи и студентов в г. Москве» придавал большое значение проводимому с 23 июля по 11 августа 1957 г. фестивалю, рассматривал подготовку к нему «как дело большой политической важности» [4, л. 50]. Участниками московского фестиваля стали и представители сталинградской молодежи.

В регионах подготовка к участию в фестивале началась за год до его проведения. В стране прошли районные, городские, областные и республиканские фестивали.

В Сталинградской области также прошли массовые фестивальные праздники молодежи, конкурсы, спортивные состязания, проведена работа по благоустройству и озеленению городов, рабочих поселков и сел области. Главной целью было не только вовлечение молодежи в художественные и спортивные коллективы, развитие искусства, но и усиление идейно-политической работы среди молодежи.

В Москве сталинградскую молодежь представляли: сводный коллектив (хоровая группа Александры Ивановны Романовой; солисты хора – Протасова, Беленикина, Бурлин, Баскутин, Швецов; танцоры, руководитель – Ю. В. Касатов; оркестр народных инструментов Дома культуры им. С. М. Кирова, руководитель Сергей Васильевич Ляпунов) под руководством Бориса Львовича Аглинцева с литературно-музыкальной композицией «Сталинград»; молодые художники Николай Бароха, Михаил Пышта, Юрий Боско, окончившие Высшее художественно-промышленное училище им. Мухомовой, со своей первой работой – эскизами и фрагментами оформления Сталинградского Дворца труда; скульпторы Надежда Павловская, Владимир Петров; лучшие спортсмены Сталинграда Иван Дериглаз, Лидия Чуколина, Игорь Вилков, Валентин Шестопалов, Анна Демина, Борис Мидцев, Лилия Киримова, Александр Богданов, Игорь Винокуров; электросварщик Сталинградского Тракторного завода Алексей Сазонов и студентка Сталинградского педагогического института Альбинова Филимонова с вальсом Шопена [1, с. 4].

Кроме непосредственных участников фестиваля в Москву были отправлены туристами на 3 дня в 4 заезда лучшие производственники, участники художественной самодельности, спортсмены из числа городской и сельской молодежи [5, л. 27].

14 и 15 августа Сталинград принимал иностранные делегации Все-

мирного фестиваля в составе 962 человек. Для гостей города были проведены экскурсии по местам боевой славы Сталинграда. Делегации Австрии, Венгрии, Италии, Чехословакии, Югославии, Швейцарии, Израиля, Центральной и Южной Америки посетили строительство Сталинградской ГЭС, встретились с молодежью г. Волжский. Делегациям Африки, Центральной и Южной Америки была организована экскурсия на Волго-Донской судоходный канал им. В. И. Ленина [3, л. 31–32].

Всемирный фестиваль стал знаковым событием для всей сталинградской молодежи. В области были растиражированы почтовые открытки, лотерейные билеты, приуроченные к фестивалю, а Сталинградская кондитерская фабрика им. В. И. Ленина выпустила конфеты в коробках с изображением эмблемы и лозунгов фестиваля [2, с. 3].

VI Всемирный фестиваль сыграл важную роль в жизни всей страны. Для сталинградской молодежи это была возможность внести свой вклад в сохранение мира, в укрепление и развитие интернациональных связей не только с молодежью стран народной демократии, но и с молодежью западных капиталистических государств. В условиях холодной войны Всемирный фестиваль актуализировал пути установления и укрепления интернациональных связей молодежи разных стран.

Молодежь Сталинграда внесла значительный вклад в подготовку и проведение Всемирного фестиваля, в укрепление интернациональных связей советской молодежи с зарубежными странами.

Библиографический список

1. В Москву, на фестиваль!//Сталинградская правда. 14.07.1957. № 165.
2. К фестивалю дням//Сталинградская правда. 23.07.1957. № 172.
3. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф.71. Оп. 28. Д.15.
4. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 56. Д.21.
5. ЦДНИВО. Ф. 114. Оп. 18. Д.51.
6. Всемирный фестиваль молодежи и студентов//ВФДМ [сайт]. URL: <http://www.wfdy.org/festivals/>

А. И. Первый

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ВОЛГОГРАДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СОВЕТ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ В 1985–1991 гг.

Период перестройки советского государства, пожалуй один из самых противоречивых периодов Советской истории. За шесть лет проводимых реформ изменениями были затронуты все стороны советской жизни. Начиная с повседневности простых граждан, за-

канчивая деятельностью госструктуры, частью которой и являлись профсоюзы.

Деятельность профсоюзов на территории Волгоградской области в 1985–1991 гг., практически не изучены. В частности, не исследовалась деятельность Волгоградского областного совета профессиональных союзов в годы перестройки советского государства (1985–1991 гг.), как руководящего органа всей профструктуры нашей области.

Деятельности Волгоградского областного совета профессиональных союзов в 1985–1991 гг., целесообразно разделить на три этапа. Этап 1985–1986 знаменуется помимо традиционных направлений деятельности профсоюзов по защите прав трудящихся, так же и деятельностью профструктуры области по созданию комплексных программ преобразований. Программ направленных на реализацию в обществе задач перестройки. В ходе создания программ идеи и предложения обсуждались на всех уровнях профструктуры региона. И данное явление традиционно для принятия любого решения. Примерами данных программ можно назвать программы «Жилье», «Здоровье», «Культура 90-х» и «Забота» [1, с. 49]. Названия программ вполне раскрывали направления их деятельности. Создание данных программ является важной вехой в развитии профдвижения нашей области. Все качественные изменения в стране, невозможно было провести без улучшения состава «реконструкторов». Кадровая политика, аттестация и реализация рабочих мест, в нашей области начинает продвижение курса на ускорение социально-экономического развития. За выделенный период 85–86 гг. на предприятиях Волгоградской области из 147 тыс. рабочих полностью были аттестованы 71 тыс., высвобождено 1960 «устаревших» членов. Слабыми сторонами аттестации назывались не налаженная система контроля, отсутствие комплексного подхода к проведению рационализации [2, с. 29].

1987–1989 гг. — период реализации основных программ преобразований. Действие профструктуры региона в условиях зарождения кризисных явлений (первые неудачи проводимого курса реформ, сокращение профструктуры, введение хозрасчета и самофинансирования, закон о гос. предприятии). Проводятся мероприятия по реализации законов по нормированию труда, страхованию и травматизму на предприятиях, основные социально-экономические программы по развитию нашей области. Результаты проведения данных мероприятий были противоречивы. Темпы роста производительности труда только за 1987 год превысили годовые показатели в 1,3 раза. Среднегодовое производство валовой продукции возросло на 8% [3]. Предприятия области начинают переводиться на новые условия хозяйствования, согласно утвержденному постановлению. В области, уже в 1987 году, имелись успешные примеры перевода предприятий. Газопромышленный завод закончил год со сверхплановой прибылью на сумму 2 млн. 140 тысяч. На заводе создан целый стенд с передовиками производства [4, с. 125]. Но случа-

лось, что перевод предприятия на новые условия сопровождался кризисом в работе. Что в дальнейшем оказало пагубное влияние на количество профструктуры области. В 1987 году оказались в трудном положении 10 [4, с. 9] профорганов области, за 1989 год 461 [4, с. 10]. Изменения в профструктуре происходили в связи с разными причинами: изменение производственной структуры предприятий, переход трудящихся области с государственных предприятий в кооперативы и другие.

1990—1991 гг. — период заката деятельности советских профсоюзов. Деятельность в условиях общественно-политического, экономического кризисов. Даже в этот период, профессиональные союзы пытались прислушаться к мнению трудящихся области перед утверждением своего отношения к сложившейся в обществе ситуации. В сентябре 1990 года на 5 пленуме Волгблсовпрофа обсуждались проекты программных документов к XIX съезду профсоюзов СССР (проекты перехода области на рыночную экономику, защита прав трудящихся в условиях новой рыночной экономики, создание пакета соц. защиты трудящихся в условиях рыночной экономики.) Свои предложения направил в облсовет, исполком облсовета народных депутатов, его комиссии накануне III сессии облсовета. Однако ни на сессии облсовета, ни в опубликованной концепции перехода области к регулируемой рыночной экономике предложения Волгблсовета не нашли своего отражения. Как следствие, в проекте концепции принятой на сессии, полностью отсутствовал раздел социальной защищенности населения, на что Волгблсовпроф еще раз обратил внимание народных депутатов и направил облсовету свои предложения для разработки областной программы соц. защищенности населения. В них заключались требования законодательно увязать цены, размер прожиточного минимума, минимальной заработной платы, дохода, гарантированную занятость трудящихся. До принятия программы на союзном уровне волгоградские профсоюзы предлагали обеспечивать данные мероприятия из средств областного бюджета [5, с. 17].

Немаловажным аспектом деятельности профсоюзов в годы перестройки, была их отстраненность от политических процессов. В 1990—1991 гг., профессиональные союзы могли стать новой общественно-политической силой. Но президиум Волгблсовпрофа на организационном пленуме 1991 года постановил трудящимся Волгоградской области не участвовать в политических акциях и выступлениях.

Библиографический список

1. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-523. Оп. 6. Д. 49.
2. ГАВО. Ф. Р-523, Оп. 6. Д. 49.
3. Соколов А. К., Тяжелникова В. С. Курс советской истории, 1941—1999. М.: Высш.шк., 1999//Режим доступа: URL: <http://novdocs.ru/docs/index-595.html>

4. ГАВО. Ф.Р-523. Оп. 6. Д. 135.

5. ГАВО. Ф.Р- 523. Оп. 6 Д. 240

В. П. Саркулова

Волгоградский государственный социально — педагогический университет

РОЛЬ ВОЛГОГРАДСКОГО (СТАЛИНГРАДСКОГО) ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ г. ВОЛГОГРАДА (СТАЛИНГРАДА) В 1950–1960-е гг.

Еще до начала Великой Отечественной Войны Сталинградское отделение Союза советских художников было одним из самых старейших и многочисленных в Нижневолжском регионе. Однако Сталинградская битва привела к приостановке его работы, которая слала возрождаться сразу после ее окончания — в 1943 г. В середине 1950 — х гг. Союз пополнился молодыми художниками, большинство из которых получили специальное художественное образование в крупнейших художественных институтах: Ленинградском высшем художественно — промышленном училище им. В. И. Мухомой, Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, Московском художественном институте им. В. И. Сурикова, Московском высшем художественно — промышленном училище, Тбилисской академии художеств, Харьковском художественном институте [1].

Что касается количественного состава Союза, то тут можно говорить об его стремительном увеличении. На 10 октября 1955 года Союз художников насчитывал 25 человек, но уже на 1 марта 1960 года значительно возрос уже до 65 человек. [2, л. 1, 3, 9—12]. На 22 апреля 1969 г. число членов и кандидатов составляло 70 человек [3, л. 6].

Стремительное развитие Волгоградского (Сталинградского) отделения Союза художников, несомненно, отразилось и на их плодотворной работе по созданию облика Сталинграда, увековечиванию подвига в памяти народа.

В разрушенном войной Сталинграде уже в конце 50-х — начале 60-х годов XX века начал формироваться один из самых сильных в Поволжье коллективов художников — монументалистов. Сталинград предоставлял большие возможности для развития монументальной живописи — он задумывался как ансамбль, призванный воплотить идею победы советского народа в одном из самых кровопролитных сражений Второй мировой войны. Молодые художники Ю. Боско, Н. Бароха и М. Пышта в 1957 г. выполнили росписи Дворца труда (архитекторы В. Масляев, ФФ. Лысов), которые наряду с плафонными росписями в залах ожидания железнодорожного вокзала, фойе и зрительного зала драматического театра им. А. М. Горького (авторы — московские художники Я. Скрипков,

Б. Дятлов, В. Крылов, Д. Марперт) представляют уникальный памятник монументальной живописи тех лет. Фасад железнодорожного вокзала ещё в 1953 г. был декорирован горельефами военно-революционного содержания, органично дополнившими торжественное звучание архитектурных форм (В. Безруков, Н. Васильев, М. Павловский).

В начале 60-х годов монументальное искусство претерпело значительные изменения в сторону большего разнообразия техник и приемов исполнения, связанных с кардинальными реформами в области архитектуры и градостроительства. На смену пространственным живописным росписям пришли настенные композиции, отличающиеся лаконизмом художественных форм, четким ритмическим строем, плакатной призывностью.

Большой вклад в создание художественного облика Волго – Донского судоходного канала и Сталинградской (Волгоградской) ГЭС несомненно внесли сталинградские монументалисты. Придавая этим величайшим стройкам архитектурный облик, который увековечил память о тех днях Сталинградской эпопеи. Прекрасное панно Сталинградской ГЭС было создано молодыми живописцами и скульпторами Сталинградского художественного фонда: Н. Ф. Бароха, Ю. И. Боско, М. Я. Пышта, П. А. Малковым, А. В. Головановым, А. Я. Петровым. Оно отражало марш трудовых достижений советского народа.

Ещё одна из форм работы Союза по развитию культурной жизни города была непосредственно выставочная деятельность. Выставки проходили на региональном, городском, всесоюзном, республиканском уровнях. Организовывались передвижные и персональные выставки художников.

Одна из выставок проведенная в данный период является передвижная выставка проведенная в 1951 г. Размещалась она в двух фойе драматического театра им. М. Горького [4, с. 2]. В отличие от выставок проводимых до неё она отражала единую тему: советские художники в борьбе за мир. Выставка была организована Комитетом по делам искусств при Совете Министров РСФСР и дирекцией Всекохудожник. На ней было представлено более 140 работ известных советских художников.

На таких выставках собирались художники, где обсуждали свои работы, работу Союза. В 1954 г. прошла своего рода юбилейная Сталинградская областная художественная выставка, десятая после окончания Великой Отечественной войны. В выставке участвовало 27 местных художников, всего было представлено 75 работ, 2 скульптуры и 40 работ в графике [5, л. 72]. Данному событию было посвящено общее собрание местных художников, которое прошло 26 июня 1954 г., где кроме положительных и негативных моментов в работе Сталинградского отделения ССХ, в городе была озвучена задача, стоящая перед творческой интеллигенцией. Член Союза советских художников А. В. Русин в своем выступлении сказал: «Перед сталинградскими художниками, как перед всеми художниками Советского Союза Коммунистическая партия, XIX съезд партии поставили почетную задачу: максимальное удовлетворение культурных потребностей нашего народа» [5, л. 72].

Велика роль Волгоградского (Сталинградского) отделения Союза художников в развитии культурной жизни города в период активного возрождения облика разрушенного города. В период 1950–1960 гг. сталинградские художники и монументалисты создали произведения искусства в своем роде, которые по сей день радуют гостей нашего города, облагораживают и отражают подвиг народа в великой битве на Волге.

Библиографический список

1. Волгоградский художник: Альбом. Волгоград: Комитет по печати, 1994. – 216 с.: ил.
2. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 6605, Оп. 1, Д. 52.
3. ЦДНИВО. Ф. 6605, Оп. 1, Д. 137.
4. Сталинградская правда. 19 августа 1951 г. № 163 (6655).
5. ЦДНИВО. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 47.

Д. А. Солдатов

Оренбургский государственный педагогический университет

ВОПРОС О РЕЛИГИОЗНОМ ФАКТОРЕ ПОЛИТИКИ ИВАНА ГРОЗНОГО В РАБОТАХ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКОВ

Не будет преувеличением утверждать, что одной из самых ярких и противоречивых фигур в истории России является личность царя Ивана IV. Однако до сих пор в исторической науке не утихают споры о причинах и последствиях политики Ивана Грозного, в частности это касается такого явления как опричнина. Наиболее распространенные версии, которые были выдвинуты сначала дореволюционными историками (С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, С. Ф. Платонов), а затем и советскими (А. А. Зимин, И. И. Смирнов, С. В. Бахрушин), объясняли разделение всего государства на опричнину и земщину стремлением царя путем репрессивных мер подавить оппозицию боярской аристократии и усилить централизацию власти. Но в конце 1940-х годов советский ученый С. Б. Веселовский подверг данную позицию сомнению – он выявил достаточно широкий спектр социальных групп, пострадавших от действий опричников, что указывает на её разнонаправленность. Данный вывод позволил появиться новым интерпретациям периода опричнины, в частности религиозным.

В обозначенном контексте довольно значимой является точка зрения современного ученого, историка и сектоведа А. Л. Дворкина, указавшего в своей работе на некоторые особенности периода опричнины, к которым практически не обращались другие историки. Как утверждает автор, опричнина и сами опричники представляют собой своеобразный монашеский орден во главе с игуменом-царём [1]. В качестве доказательной базы А. Л. Дворкин

использует определенные источники: письменные материалы, принадлежащие Грозному, свидетельства современников, очерки иностранцев, в которых упоминается о довольно сильной религиозности царя очень и часто проводится параллель между опричниками и монашеской братией [2, с. 40].

В этой связи особо примечательны некоторые признаки опричнины и опричников: черные одеяние, суфейки, ежедневные церковные службы, пёсьи головы и мётлы, печать Опричного двора с изображением единорога, бывшего в средние века общеупотребительным символом Христа, храм в Александровой слободе, сопоставимый с «орденским храмом», требование к опричникам присяги на верность. Все это, по мнению автора, является аллюзией на такие западноевропейские духовные ордена как Орден Доминиканцев (чей символ — собака с факелом и масличной ветвью в зубах) Общество Иисуса и Ливонский орден, о существовании которых Иван Грозный не мог не знать [1]. Если допустить, что опричнина была создана как экстерриториальный полумонашеский орден, синтезированный по образцу западных аналогов, то Грозный в качестве игумена-самодержца мог бы обладать правом на монастырскую собственность и окончательно решить вопрос о степени влияния Церкви на государственные дела, так как царь совмещал бы в себе духовные и светские начала одновременно. Также это позволяло бы царю обвинять неугодных и инакомыслящих в ереси (что для того времени являлось одним из самых тяжких преступлений) тем самым «легализуя» довольно жестокие методы и формы расправ над ними, которые сопоставимы с деятельностью инквизиторов [1].

Несколько иную религиозную интерпретацию периода опричнины в своих работах обозначил историк А.Л. Юрганов. Автор пытается объяснить причины появления опричнины через понимание средневекового сознания, то есть через те смысловые и мифологические структуры, в которых отражается данный промежуток истории [3, с. 52]. Как известно, в 1492 г. от Рождества Христова кончалась седьмая тысяча лет по счету времени от Сотворения мира. Церковная пасхалия доводилась до 7000 г., поэтому, начиная с этого времени, на Руси начинают усиливаться ожидания конца света и Второго пришествия, особого пика этот феномен достиг к 7070–7077 годам, что связано с сакральным значением числа семь [3, с. 56]. В сознании средневековых людей власть светская отнюдь не была таковой по существу, ибо господствовало твердое христианское убеждение, что нет власти не от Бога. В этой связи интересно следующее сравнение царя — ключник и постельничий Божий [3, с. 57]. Однако эсхатологическое настроение, господствовавшее в стране, трансформирует роль и функции самодержца: он добивается полновластия как исполнитель воли Божьей по наказанию человеческого греха и утверждению истинного «благочестия» не только во спасение собственной души, но и душ тех грешников, которых он обрекал на смерть [3, с. 71]. По мнению А.Л. Юрганова, в мучениях, организованных Грозным, сокрыт особый эсхатологический символизм. Пример тому — многочисленные казни,

связанные с водной средой. Андрей Кесарийский [4, с. 49], хорошо известный на Руси именно в контексте последних времен, в толкованиях на Апокалипсис указывает, что вода знаменует собой неверие [3, с. 53]. Другое типичное наказание — расчленение человеческого тела. Едва ли не каждая казнь сопровождалась подобным актом, в навязчивой повторяемости которого нетрудно увидеть апокалиптический смысл: ведь осужденного раба из евangelьской притчи «рассекают». Царские казни воспринимались современниками не только как жестокость. Источники фиксируют, что смысл опричных казней им был понятен. А. М. Курбский, призывая царя покаяться, пишет: «Господь повелевает никого же прежде Суда осуждати» [3, с. 56].

Тем самым можно сделать вывод: безусловно, опричнина была тесно взаимосвязана с религиозным сознанием, бытовавшим в то время, однако этот вопрос требует дальнейшей проработки и изучения.

Библиографический список

1. Дворкин А.Л. Иван Грозный как религиозный тип//URL: <http://www.halkidon2006.orthodoxy.ru/i/d/318.htm>
2. Послание Таубе и Крузе//Русский исторический журнал. Пг. 1923. № 8.
3. Юрганов А.Л. Опричнина и Страшный суд//Отечественная история. 1997. № 3. С. 52–75.
4. Толкование на Апокалипсис святого Андрея, архиепископа Кесарийского. Иосифо-Волоколамский монастырь, 1992.

Е. А. Пережогина

Пензенский государственный университет

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СССР И ГДР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 70-Х ГГ. XX В.

К 70-м гг. XX в. СССР накопил богатый опыт межгосударственного сотрудничества со странами ОВД и Совета экономической взаимопомощи. Особенно активно развивались отношения СССР с Германской Демократической Республикой. Эта страна, образованная в 1949 г., была призвана демонстрировать преимущества социалистического строя (в отдельно взятой стране), стать «витриной социализма». Сотрудничество СССР и ГДР представляет собой интересный исторический опыт.

Говоря об экономическом взаимодействии двух государств, следует отметить, что оно имело несколько направлений.

Одно из важнейших направлений сотрудничества между СССР и ГДР — внешняя торговля. Советский Союз в первой половине 70-х гг.

являлся основным торговым партнером ГДР. Целые отрасли металлургической промышленности ГДР перестраивались в соответствии с потребностями народного хозяйства СССР. ГДР поставляла в Советский Союз машины, станки, сельскохозяйственную технику, химическое оборудование, пассажирские вагоны, вагоны-холодильники, суда и судовое оборудование, химические изделия, научные приборы, а также различные товары массового потребления [1, с. 30]. ГДР, в свою очередь, получал из СССР нефть, природный газ, 80 % своего импорта проката, 90 % импорта цветных металлов, железной руды и древесины, а также достаточно большое количество энергетического оборудования, строительные и дорожные машины, дизельные локомотивы, тракторы, тяжелые грузовики [1, с. 31].

Опыт активного экономического сотрудничества прослеживался также в сельском хозяйстве. На полях ГДР работало 23 % тракторов советского производства, а около 60 % посевной площади озимой пшеницы засеивалось советскими сортами [2, с. 21].

К 70-м гг. в сотрудничестве СССР и ГДР на передний план все более выходили такие проблемы, как развитие специализации и производственной кооперации, осуществление международного социалистического разделения труда на долговременной научной основе. Примером такого разделения труда стало создание системы транспортировки нефти «Дружба». Это была первая крупная совместная стройка стран — членов СЭВ, в том числе и ГДР. Поставки нефти и природного газа из Советского Союза позволили ГДР развить нефтехимическую промышленность, составляющую основу получения синтетических каучуков, пластических масс, продуктов органического синтеза [3, с. 103—109].

Еще одно направление экономического взаимодействия СССР и ГДР — научно-техническое сотрудничество. В развитии экономики социалистических стран важную роль сыграл безвозмездный обмен технической документацией. Имела место такая форма научно-технической связи, как сотрудничество научно-исследовательских и проектных институтов, проведение совместных исследований и разработок. В указанный период были развиты прямые связи между министерствами и ведомствами обеих стран, прямые контакты между отдельными предприятиями, производилась совместная реконструкция ряда предприятий СССР и ГДР, осуществлялась кооперация в области научных исследований. СССР оказал помощь ГДР в научно-технической области при строительстве крупных промышленных предприятий, поставил и смонтировал значительную часть оборудования. Среди них такие крупнейшие предприятия, как металлургический комбинат «Эйзенхюттенкомбинат Ост», нефтеперерабатывающий завод в Шведте, крупные электростанции в Тирбахе и Боксберге, атомные электростанции «Райнсберг» и «Норд» [1, с. 32—33].

Таким образом, можно сказать, что в первой половине 70-х гг. происходит количественный и качественный рост контактов между СССР и ГДР. Ре-

зультаты экономического сотрудничества во внешней торговле, промышленности, сельском хозяйстве, научно-технической сфере тому пример.

Библиографический список

1. Фомин В. Т. Развитие всестороннего сотрудничества СССР и ГДР — воплощение идей социалистического интернационализма//Новая и новейшая история. 1974. № 5.
2. Грюнеберг Г. Аграрная политика СЕПГ//Проблемы мира и социализма. 1974. № 4.
3. Внешняя политика и международные отношения Германской Демократической Республики. М.: Прогресс, 1974.

Е. В. Вьюницкая
соискатель

АНКЕТА ПРАЖСКОГО КОМИТЕТА ПО ОЗНАМЕНОВАНИЮ 175-ЛЕТИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

Сложившееся в результате массового исхода из революционной России, врангелевской эвакуации, печально знаменитой акции «философский пароход», Русское Зарубежье представляло собой не просто совокупность русских диаспор в различных странах. Оно сложилось в «культурную диаспору», верившую в свою особую миссию по сохранению русской культуры, преумножению и развитию научных и творческих достижений, подготовке новых научных кадров, воспитанию нового поколения русских в эмиграции.

Осознание этой ответственности заставляло эмигрантов бережно хранить традиции русской культуры и просвещения, в том числе регулярно отмечать памятные исторические даты и юбилеи. Эти коммеморативные мероприятия были приурочены к датам, важным для всего Русского Зарубежья, позволяли напомнить об именах, событиях и явлениях, которыми гордилась Россия, и способствовали интеграции эмигрантского сообщества [1, с. 192—205; 2, с. 258—275].

В свете этого юбилей первого российского университета был событием, которое не могло быть проигнорировано эмигрантским сообществом. Это был не просто памятный день для выпускников Московского университета, но важнейшая историческая веха для всех, «кому дороги интересы русского просвещения» [3, л. 162]. Первый университет, с которого началось развитие российской науки и образования, воспринимался как «светоч общечеловеческой науки», «источник познания объективной истины, национальной, духовной, внеклассовой культуры» [3, л. 47/о].

Юбилейные комитеты, которые должны были организовать празднование, были организованы в таких крупных эмигрантских центрах, как Прага и Париж. Председателем комитета в Праге стал бывший ректор Московского университета М. М. Новиков, в Париже его возглавил выпускник Московского университета М. С. Зернов. Вместе они планировали выпустить юбилейный сборник, средства на который предполагалось собрать силами самих эмигрантов. [4, л. 1–1/о, 6/о]

Именно в Пражском комитете возникла идея провести среди эмигрантов опрос. В эмигрантской печати была опубликована анкета из 5 вопросов, на которые предлагалось ответить всем, кто получал высшее образование в Российской Империи или в эмиграции. Эта мера позволяла как привлечь внимание образованных слоев эмигрантского сообщества к грядущему юбилею, так и собрать статистические данные об этом срезе российской эмиграции.

Анкета включала в себя следующие вопросы: 1) Время окончания учебного заведения; 2) Факультет или отделение; 3) Деятельность в России; 4) Деятельность за рубежом; 5) Страна проживания. [3, л. 47/о]. Ответы на эти вопросы не только позволяли оценить творческий, научный, человеческий потенциал Русского Зарубежья, но и давали информацию о специфике трудоустройства и адаптации эмигрантов в новых странах пребывания.

На анкету поступило более 800 ответов; откликнулись выпускники высших учебных заведений из разных стран: в опросе представлены Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Кипр, Китай, Латвия, Литва, Норвегия, Персия, Польша, Пруссия, Румыния, США, Турция, Финляндия, Франция, Чехословакия, Швейцария, Эстония, Югославия, Япония. Стоит отметить, что такие результаты были получены вопреки недостаточной, по мнению самих эмигрантов, информированности участников опроса об анкетировании. Значительное число ответов начинается словами «не получив опросного листа...», а один респондент прямо пишет: «Ваша анкета — мало вообще кому известна». [3, л. 226/о.]

Однако, несмотря на эти трудности, ответы поступали; больше того: они продолжали поступать и после 25 января 1930 г., что осложняло организаторам опроса работу по подсчету и систематизации данных. Первые попытки подсчета и анализа результатов анкетирования были предприняты членами Пражского комитета. Ими были выявлены такие тенденции, как массовая трудоустроенность по специальности выпускников медицинских факультетов, востребованность выпускников высших учебных заведений в качестве преподавателей высшей и средней школы и журналистов. По данным Пражского комитета, инженеры и техники в эмиграции в основном нашли работу по специальности, а многие ученые смогли продолжить свои изыскания.

Эти данные так и не были опубликованы в юбилейном сборнике к 175-летию Московского университета, который включал в себя очерки об истории этого учебного заведения и воспоминания выдающихся вы-

пускников [5]. Но материалы проведенного опроса представляют собой уникальный «массовый источник личного происхождения», позволяющий получить информацию о трудоустройстве выпускников высших учебных заведений в эмиграции со слов самих эмигрантов.

Библиографический список

1. Волошина В. Ю. Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». Омск, 2010.
2. Ковалев М. В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012.
3. ГАРФ. Р-5820. Оп. 1. Д. 6.
4. ГАРФ. Р-5820. Оп. 1. Д. 2.
5. Московский университет: 1755–1930: юбилейный сборник/Ред. В. Б. Ельяшевич, А. А. Кизеветтер, М. М. Новикова. Париж: Современные записки, 1930.

Н. А. Яцук

Владимирский государственный университет

ЛИБЕРТИНАЖ И ГИЛЬОТИНА: САМОСОЗНАНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АРИСТОКРАТИИ ВО ВРЕМЯ ТЕРРОРА И ЭПОХИ ДИРЕКТОРИИ (1793–1799 гг.)

Аристократия, в том виде, как она существовала при Старом режиме, была официально упразднена 19 июня 1790 года руками самих аристократов, таких, как Матье де Монморанси и Мирабо. Впрочем, сам Мирабо заметил своему дворецкому: «Если ты позабудешь называть меня «господин граф», я сломаю свою трость о твою спину» [2, с. 336], а Монморанси вскоре обратится к религии и станет министром иностранных дел, пэром и герцогом [9, с. 540–542]. Однако образ дворянина никогда не покидал революционное сознание эпохи, превратившись в антипода идеального патриота. Как сообщалось в прессе того времени, «французское дворянство, ранее столь деликатное в вопросах чести, утратило это драгоценное достоинство вместе со своими нравами. Роскошь, изнеженность и услужливость все запятнали» [8, с. 317]. Нельзя сказать, что все дворяне разделяли подобный взгляд до Революции, но после он сделался чем-то вроде нормы и отчасти вел к осуждению предыдущей эпохи, а отчасти к восхвалению Старого режима и утонченности аристократических порядков и несовместимости их с духом буржуазного довольства.

Показательной в этом смысле является судьба братьев Шенье, Андре и Мари-Жозефа. Будучи оба креолами, братья прославились как поэты и либертины, сочиняющие «легкие стихи» на случай и посещающие собственное землячество в Париже под названием «Казарма». Эти поэты со-

стояли в гвардейских полках, интересовались изящными искусствами и снимали небольшой дом за городом, который посещали «графиня Фанни де Богарне со своей племянницей Жозефиной, которую ждала столь славная участь, или сестра прославленной Бертенем Эвхариды, Мишель де Сентюари, жена старика Боннейля, воспетая Андре Шенье под псевдонимом Камилла» [6, с. 8]. В действительности же этот салон был так называемым меблированным домом, явлением, вполне обычным во Франции. Согласно описанию Э. Фукса, «petits maisons, домики для останова, имевшиеся в распоряжении каждого знатного барина и даже очень многих знатных дам... Сладострастие диктовало здесь все: положение, форму и прежде всего пышное убранство, имевшее целью повысить наслаждение. Соблазнительные будуары, великолепные столовые, элегантные ванны – все здесь было налицо. Величайшие мастера украсили стены эротическими картинами и скульптурами, на книжных полках была собрана вся галантная литература века» [5, с. 258]. В данном случае «домик» также служил пристанищем для неформальных вечеров.

Все это сочеталось с культом «естественности», воспетой в романах Руссо и в буколической поэзии, описывающей жизнь аркадских пастухов на лоне природы. Нельзя сказать, что сами поэты не чувствовали фальши своих творений: так, иногда в стихах Андре Шенье признает, что «женщина рабыня», но тут же добавляет, что «чаще всего она королева» [10, с. 18]. Пастух также «раб», хоть и проводит свою жизнь среди «цветов и кустарников и... нежных вздохов жаворонков» [10, с. 34]. Если у ранних просветителей подобная модель поведения обычно сочеталась с религиозным либертинажем, то к началу революции об этом не задумывались.

Современники отмечали вместе со Л. С. Пушкиным, братом великого русского поэта, что Шенье был «французом по имени, а конечно, не по направлению таланта» [3, с. 231]. Его брат Мари-Жозеф занимал позднее должность в Комитете государственного образования, где он сочинял новые концепции революционных праздников. Согласно ему, «талантливые люди из всех отраслей искусства избежали мертвящей секиры Вандала» [7, с. 846]. Тем не менее, ни один из названных им деятелей искусств не достиг уровня старшего Шенье, к тому времени признанного идола романтиков и олицетворения истинного творца, непонятого обществом и властью.

В России подобным воззрениям места не было, поскольку отчасти государственная политика, отчасти сохранившиеся в обществе остатки традиционной набожности не позволяли всерьез увлечься атеизмом. Как писал Радищев, «отступники откровенной религии более доселе в России делали вреда, нежели непризнаватели бытия божия, афеисты. Таковых у нас мало; ибо мало у нас еще думают о метафизике» [4, с. 101]. То, что появилось в России из предреволюционной Франции, относилось скорее к модам [1, с. 109–110] и новым способам светской жизни, то есть, пользуясь терминологией Вольтера, «цивилизованному обхождению» [12, с. 51–55]. Для выражения национального характера и

призыва к революционным изменениям русской интеллигенции потребовались иные формы жизни и эстетики, либертинаж же так и остался выражением консервативного космополитизма XVIII века.

Библиографический список

1. Головина В. Мемуары. М., 2005.
2. Де Кастр Р. Мирабо: Несвершившаяся судьба. М., 2008.
3. Луков В. А. Предромантизм. М., 2006.
4. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Л., 1984.
5. Фукс Э. История нравов. Смоленск, 2010.
6. Boucher G. Poètes créoles du XVIIIe siècle: Parny, Bertin, Léonard. Vol. I. Paris, 2009.
7. Constat accablant de l'état des arts en France, fait par Marie-Joseph Chénier lui-même//Le livre noir de la Révolution française. Paris, 2008.
8. Figeac M. Les noblesses en France. Du XVIe au milieu du XIXe siècle. Paris, 2013.
9. Lever É. Louis XVIII. Pluriel, 2012.
10. Œuvres complètes d'André de Chénier. Paris, 1819.
11. Raynaud, Ph. La politesse des Lumières. Les lois, les mœurs, les manières. Lonrai, 2013.

О. О. Файзуллина

Оренбургский государственный педагогический университет

«БУДТО ИЗ РАЗНОЦВЕТНЫХ ПОСКУТКОВ СОСТАВЛЕН ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ»: ИЗ ОТЧЕТА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕПАРХИАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПРАВОСЛАВНОГО МИССИОНЕРСКОГО ОБЩЕСТВА ЗА 1911 ГОД

Историческая судьба предопределила Оренбургскому краю статус многонационального и поликонфессионального края, таким образом, сделав его уникальным. В тесном соседстве на территории Оренбургской губернии проживали и проживают сегодня русские, башкиры, казахи, татары и представители других национальностей.

Так, по переписи 1897 года всего населения в губернии проживало 1 600 145 человек, из них: русских 70,37 %, башкир 15,91 %, татар 5,8 %, украинцев 2,59 %, мордвы 2,40 %, тептятей 1,05 %, чувашей 0,32 %, киргиз 0,31 %, мешеряков 0,31 %, белорусов 0,14 % [2].

Отношения между представителями различных народов и религий представляют большой исследовательский интерес не только для современных исследователей. К вопросу о сосуществовании представителей различных национальностей, их характере и образу жизни обращались и исследователи XIX – начала XX века.

Обращаясь к теме формирования образа этносов, проживающих в Оренбургском крае, на региональном уровне необходимо отметить, что круг источников, в которых так или иначе затронута интересующая нас тема, достаточно широк. Это и труды местных научных обществ, и обобщающие труды по Оренбургской губернии, и официальные документы регионального уровня. Таким образом, к источникам по данной теме мы можем отнести и всеподданнейшие губернаторские отчеты.

Ежегодные всеподданнейшие отчеты губернаторов являются одним из наиболее востребованных исследователями источников, содержащих огромный пласт фактической и аналитической информации [2]. При изучении вопроса о формировании образа населения Оренбургского региона интерес вызывают не только сами губернаторские отчеты, но и материалы, собранные для их подготовки. Так, при подготовке отчета за 1911 год губернатору был представлен «Отчет о деятельности Епархиального комитета православного миссионерского общества» за тот же год. В отчет был помещен раздел «Об инородцах», содержащий сведения о неправославном населении Оренбургского края [1].

Отметим, что информация, представленная в отчете во многом субъективная, так как основная цель миссионерского общества это распространение православия. И, кроме того, как было выяснено, материалы данного раздела не были включены в окончательный вариант губернаторского отчета. Тем не менее, информация, содержащаяся в отчете, представляет определенный исследовательский интерес для воссоздания образа этносов, населявших Оренбургский край в XIX – начале XX века.

«Как бы из разноцветных лоскутков составлен Оренбургский край: рядом друг с другом живут в нем и русские казаки, и крестьяне, и инородцы – киргизы, башкиры, чувашы, калмыки, мордва, мешеряки, тепляри», – пишет в начале отчета автор [1, л. 21].

Киргизы живут по всему по всему пространству Тургайской области и являются коренными жителями ее. Они принадлежат к народам тюркских племен монгольской расы: численность их более 450 тысяч. Говоря о характере киргизов, автор указывает: «По своим душевным качествам киргизы могут быть охарактеризованы как народ любопытный, хитрый, обладающий хорошей памятью, добродушный, гостеприимный, но вялый, неповоротливый, беспечный, честолюбивый и суеверный». Автор также указывает, что все киргизы магометане [1, л. 22].

Отмечая уровень грамотности киргизов, составитель отчета пишет, что русская грамота распространена среди них очень слабо, хотя заметно стремление к образованию. Показатель этого – возрастающее число аульных школ, которые начали устраиваться в 90-х годах прошлого столетия.

Далее автор характеризует башкир. Башкиры принадлежат к коренным обитателям Оренбургского края. Прежде они жили в степях и вели кочевую жизнь: впоследствии, будучи теснимы с юга другими кочевниками, они оставили степи и переселились в горные лесистые местности Оренбургского края. Всех башкир теперь считается более 300 тысяч человек. Башкиры говорят языком похожим на татарский и исповедуют ислам [1, л. 22].

Затем исследователь рассказывает о татарском населении края. Татары принадлежат к монгольским племенам. Одни из них пришли в Оренбургский край из азиатских степей, где прежде вели жизнь кочевую, другие переселились из Казанского царства. Большинство их держатся ислама, а часть исповедуют христианство [1, л. 22].

Делая некоторые выводы, автор приходит к тому, что «не русским духом веет от разноплеменного населения Оренбургской губернии, хотя русские и не могут пожаловаться здесь на свою малочисленность, теперь их до 1500 тысяч».

Русский дух только в чисто поселках, все же инородцы заразились духом татарским, хотя чистокровных татар в этом крае и не особенно много. Несмотря на свою сравнительную малочисленность, татары успели оказать свое влияние на всю Башкирию и начинают также с успехом оказывать влияние на обширную киргизскую степь и даже отчасти само господствующее племя – русских» [1, л. 22 об.].

Описывая калмык и чувашей, автор указывает, что чувашы Оренбургского края – все христиане. Живут среди башкир. Калмыки ведут оседлый образ жизни, занимаются земледелием, по нынешнему быту ничем не отличаются от русских, но живут особняком; в настоящее время они настолько обрусели, что по выговору их нельзя отличить от русских, одна лишь физиономия выдает их монгольское происхождение. Но язык свой они не утратили [1, л. 28 об.].

Есть у калмыков и праздники, установленные в честь идолов. Один из них в честь Бурхана [4,5] совпадает с первой неделей Великого поста. В день праздника собираются в одну избу и совершают свое моление, подробности неизвестны, так как никто из русских на него не допускается. Явное празднество – пьянство, продолжается, по крайней мере, три дня. Вообще калмыки устойчивы в привязанности к своей языческой старине.

Таким образом, можно отметить, что данные, представленные в отчете о деятельности Епархиального комитета православного миссионерского общества за 1911 год интересны, прежде всего, тем, что содержат информацию об образе жизни, некоторых традициях, уровне грамотности и национальном характере народов, проживающих в Оренбургском регионе в XIX – начале XX века. Не смотря на субъективность приведенных сведений, данные отчета помогают воссоздать некоторые аспекты образа этносов, населявших Оренбургский край в интересующий нас период.

Библиографический список

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.10.Оп. 1. Д.331/1
2. История Оренбуржья. Уч. пособие, Оренбург, 1996.
3. Электронный ресурс: URL: <http://www.rusarchives.ru/publication/minakov.shtml>
4. Электронный ресурс: URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/02/sl217111.htm>
5. Электронный ресурс: URL: <http://enc-dic.com/dal/Burhan-2311.html>

Научное издание

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XX Всероссийская конференция
молодых историков
(Самара, 12–13 декабря 2014 г.)

Материалы и доклады

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 12.02.2015
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 15,75 печ.л.
Тираж 100 экз. Заказ № 1157.

Отпечатано в типографии ООО «Медиа-Книга»
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 267–36–82